

ЛУП ЖАНОЙЛО

**БЕРЕГ
ЧЕРНОГО
ДЕРЕВА**

Жанойло

- [ЛУИ ЖАКОЛИО](#)
 -
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА I](#)
 - [ГЛАВА II](#)
 - [ГЛАВА III](#)
 - [ГЛАВА IV](#)
 - [ГЛАВА V](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ \[4\]](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА I](#)
 - [ГЛАВА II](#)
 - [ГЛАВА III](#)
 - [ГЛАВА IV](#)
 - [ГЛАВА V](#)
 - [ГЛАВА VI](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

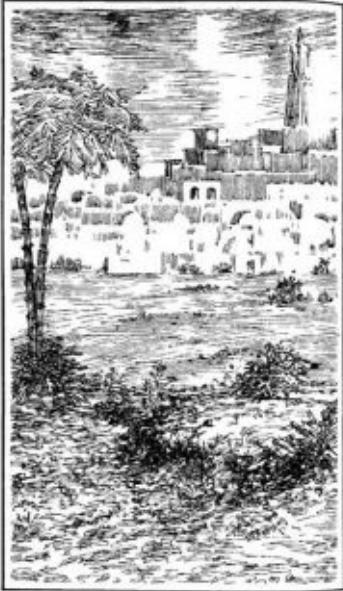
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

ЛУИ ЖАКОЛИО

ПЕСЧАНЫЙ ГОРОД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАИНСТВЕННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

ГЛАВА I

Доктор Обрей

Еще не рассвело... Париж финансов, торговли, искусств, Париж счастливцев отдыхал за шелковыми занавесями... А Париж труда и страданий просыпался для ежедневной работы. Не из центра шло движение, - центр походил на обширную усыпальницу, - жизнь кипела в предместьях, и тот, кто как Асмодей, повис бы на минуту над огромным городом, сосчитал бы тысячами следы, оставляемые на снегу толпой, стремившейся в мастерские, на верфи и заводы. В центре, напротив, разве только шаги каких-нибудь бездомных бродяг немного нарушали однообразие белого савана.

Была одна из тех зимних, холодных и ясных ночей, во время которых огонь веселья горит в камине, и звезды ярче сверкают в небесах; одна из тех ночей, которые так страшны для несчастных, лишенных убежища и хлеба.

Человек молодой и еще бодрый, хотя сгорбленный преждевременными страданиями, шел медленно по Мадленскому бульвару. Доктор без практики, не имевший никакого состояния, которое позволило бы ему ждать, он принадлежал к тем многочисленным представителям нищеты в черном фраке, которые осаждают передние либеральные профессии, не имея возможности пробраться в них. У этих молодых людей, которых родительское тщеславие направляет к медицине или адвокатуре, и которые не достигают успеха, есть и ум, и энергия. Сколько редких умов, сколько серьезных талантов заедала бедность! И если некоторые характеры возвеличиваются в борьбе с затруднениями жизни, то много других не могут переносить разумных, но усиленных трудов в начале карьеры медицинской или адвокатской, если притом должны еще бороться с нуждами и потребностями насущными.

Шарль Обрей принадлежал к этой последней категории; сын мелкого чиновника, пожертвовавшего всей своей жизнью, чтобы дать сыну возможность получить докторский диплом, Шарль через несколько дней по получении диплома лишился своей единственной опоры и остался обремененный вопиющими долгами, потому что не хотел отказаться от

наследства того, кто сделал эти долги, чтобы доставить ему маленькую библиотеку и необходимую мебель для его скромной квартиры.

Если бы старый чиновник прожил еще несколько лет, его неограниченная преданность вывела бы в люди молодого доктора. Обеспечив ему по крайней мере стол и квартиру, отец дал бы ему возможность вполне развить те замечательные способности, которые сделали из него одного из самых блестящих воспитанников медицинского факультета.

На другой же день после смерти отца перед ним стала страшная проблема - как жить? - предстоящая всякому человеку в его положении, которого должно направленная гордость отправила в университет, а не научила ремеслу.

Как жить? Этот вопрос разрешить было нелегко. Пока больные не стучались в его дверь, не может же он стучаться к ним... Время проходило, больных не было, и несчастный в белом галстуке и черном фраке предавался иногда неистовым припадкам ярости, когда видел посыльного или водовоза, и принужден был сознаться, что завидует их участи.

Через месяц он вынужден был сознаться, что не знает, куда идти обедать... Он вернулся домой, решив покончить с жизнью. Он ничем не дорожил, и никто его отыскивать не станет; он не мог хватать людей за ворот и принуждать их лечиться у него, но не мог и собирать милостыню - его гордая душа удаляла его от всякого постыдного поступка. Не лучше ли спокойно удалиться из света, где не было ему места... Прием морфия - и все будет кончено!

Не колеблясь, он старательно отмерил порцию, потому что не хотел страдать, завернул в кусок пресного хлеба и хотел проглотить, когда собачка, взятая им у одра слепого, которого он лечил еще будучи студентом, стала к нему ласкаться и заставила уронить опасную еду.

«Не предупреждение ли это? - сказал себе несчастный. - Хорошо! Пусть не говорят, что я не воспользовался ничем, даже случайностью... Смерть может дать мне в кредит несколько часов... Итак, до завтра... «

Он сел, задумавшись, а собака радостно свернулась у его ног.

Часы проходили медленно и однообразно, и в предместье Сент-Оноре, в котором он жил, столь полном шума и движения, наконец, водворилась тишина. Было четыре часа утра, он заснул в кресле: сон победил горе. Вдруг сильный стук в дверь разбудил его.

— Доктор, доктор! - кричали за дверью, - отворите скорее, ради Бога!...

Побежать и ввести ночного посетителя было делом одной минуты.

— Чего вы желаете? - спросил Обрей лакея, который находился в сильном волнении.

— Вас, сударь, барин мой умирает!...

— Куда идти?

— Здесь, на первом этаже, банкир Дельсер. Молодой человек взял свои инструменты и поспешил спуститься вниз. Его ввели в комнату больного, и он тотчас увидел, что с ним сделался апоплексический удар; несчастный лежал на ковре в своей спальне. Шарль немедленно велел положить его на постель в горизонтальном положении и приложить ему к голове пузырь со льдом, за которым отправились по его приказанию.

Помощь явилась так быстро, что менее чем через полчаса Дельсер пришел в себя и мог сказать сыну несколько слов.

Распорядившись, как поступить с больным, Шарль Обрей хотел уйти, когда сын больного вложил ему в руку банковый билет в тысячу франков и сказал голосом Дрожавшим от волнения:

— Вы спасли жизнь моему отцу... Благодарю за себя и за всю нашу семью. Этой услуги мы не забудем никогда. Прошу вас продолжать лечить больного вместе с нашим доктором до полного выздоровления.

Молодой доктор поклонился и вышел, обещав зайти утром.

Этот больной спас ему жизнь! Вернувшись домой, он отворил окно и начал вдыхать в себя холодный ночной воздух... Несмотря на позднее время, он не думал ложиться спать. Надежда вернулась в его сердце, и в порыве радости он взял на руки и расцеловал товарища своей нищеты - бедную собачку, ласки которой не допустили исполнения его рокового намерения.

— Мой бедный Фокс, - сказал он, - мы оба ничего не ели со вчерашнего дня. У нас нет здесь огня, и ты дрожишь, несмотря на твою густую шерсть. Пойдем, в одном из ресторанов, не запирающихся ночью, мы подкрепим наши силы и согреем оцепеневшие члены.

Умное животное отвечало веселым визгом на слова своего хозяина, и пять минут спустя оба находились на Маделенском бульваре, где мы их и встретили в начале этого рассказа.

Почти все рестораны, освещенные в верхних этажах, показывали, что их залы и отдельные комнаты были заняты. Обрей вошел в первый ресторан и велел подать себе сытный ужин, который разделил со своим верным товарищем. Ужиная, он машинально держал в руках газету, когда вдруг глаза его увидели очень странное объявление.

Он перестал есть и стал читать:

«Приглашают доктора медицины в путешествие, предпринимаемое

для научных исследований. Обратиться на улицу Годо-де-Моруа, № 10, а в случае отсутствия, в Танжер (в Марокко) на Консульской площади, Квадратный Дом. Не французу - не являться. Бывший флотский хирург предпочителен».

Прочитав раза четыре эти строки, как бы затем, чтобы лучше понять смысл, Обрей не мог не улыбнуться.

— В случае отсутствия, — повторил он вполголоса, — обратиться в Танжер, в Марокко... Право, будто автор этого странного объявления не признает расстояния! Если его не найдут на улице Годо-де-Моруа, надо обратиться в Танжер...

Несколько дней это до такой степени беспокоило Обрея, что, выходя из дома, он каждый раз почти бессознательно направлялся на указанную улицу, будто что-то побуждало его разузнать подробно про таинственное объявление. В один вечер он даже задумчиво остановился перед № 10 и чуть было не вошел в дом, чтобы раз навсегда освободиться от преследовавшего его желания разрешить эту загадку.

Вернувшись домой, он снова обсудил свое положение. Богатый пациент на первом этаже, доставленный ему случаем, уехал на Греческие острова в Средиземном море для ускорения выздоровления и не думал о нем. Через два или три месяца он опять очутится в нищете, из которой вышел случайно. Не лучше ли, пока у него еще есть время, пользоваться всеми возможными случаями, какие могут представиться, чтобы улучшить свое положение, и, если приглашают доктора для ученой экспедиции, чего же колебаться?... Если даже это его мистификация, то он должен освободиться от озабоченности, в которой находился уже несколько дней.

На другой день в два часа пополудни явился он на улицу Годо-де-Моруа и показал швейцару объявление, заставившее его прийти.

— А! Вы по этому делу?... — сказал швейцар с лукавым смехом, — их перебывало в ту неделю, по крайней мере, сто человек!...

— Стало быть, мне не к чему идти? — спросил Шарль Обрей.

— Напротив.

— Объяснитесь.

— Хотя каждый день приходит толпа, но никто еще не вернулся в другой раз.

— Это подозрительно.

— Может быть, но это доказывает, во всяком случае, что ничего не решено.

— Не можете ли вы сообщить мне какие-нибудь сведения?

— О том деле, по которому вы пришли?

— Именно.

— Я столько же о нем знаю, сколько и вы, мне известно только, что я должен всех посыпать к нотариусу Лонге, на первом этаже, налево, где его комнаты. Запомните хорошенько, мне велено не пускать через контору.

— Его можно видеть теперь?

— Он принимает по этому делу каждый день от двух до шести, и теперь как раз у него нет никого.

Шарль Обрей колебался, потом, поразмыслив, что это посещение не обязывает его ни к чему, решительно поднялся на лестницу.

Через две минуты его ввели в холодную гостиную официального лица. Нотариус не заставил себя ждать, и тотчас начал разговор.

— Вы, вероятно, пришли по объявлению, которое я напечатал в газетах?

— Действительно, это цель моего посещения.

— Вы доктор медицины?

Обрей кивнул головой. Нотариус продолжал:

— Я во всем этом - бессознательное орудие воли одного из моих клиентов, и то, что я знаю... или лучше сказать, что я могу вам сообщить, объяснит вам не более объявления. Около месяца тому назад в контору мою явился незнакомец и отдал мне разных денежных бумаг на миллион, миллионов на пять брильянов чистейшей воды и запечатанный конверт, который я должен распечатать через пять лет, если он до тех пор не возьмет его назад. Я не нарушаю тайны, сообщая вам эти подробности, потому что мне поручили говорить о них всем, кто явится по этому объявлению; сведения, которые я могу сообщить, так ничтожны, что необходимо, по крайней мере, объяснить заинтересованным, что богатство человека, с которым они заключат условие, доказывает, что дело серьезное. Потом мой странный клиент сообщил мне, что он отправляется путешествовать на довольно продолжительное время и что я не должен ждать от него известий; в то же время он сообщил мне о своем намерении пригласить доктора на пять лет. Я не мог указать ему ни одного и посоветовал прибегнуть к публикации. Вы знаете теперь столько же, сколько я.

— Это очень странно...

— Согласен с вами. Прежде чем сообщить вам условия, я должен, дабы отклонить от себя ответственность, потому что не желаю иметь влияния на ваше согласие, сообщить вам об одном обстоятельстве, которое, по моему мнению, довольно важно. Думаю даже, что оно было причиной отказа многих ваших предшественников. Когда я писал известное вам объявление, я спросил моего клиента, как обозначить повод для

приглашения доктора медицины; он смущался, долго колебался и, наконец, сказал: «Напишите, что для научной экспедиции».

— Дело принимает все более и более странный оборот.

— Как нотариус я должен исполнить поручение, но как человек, я упрекал бы себя всю жизнь, что отправил кого бы то ни было в опасное приключение.

— Опасное - это еще ничего, но таинственное.

— Подождите конца. Мне запрещено открыть вам имя моего таинственного клиента, но должен признаться, что даже не помню его, потому что это имя, которое он должен был сказать мне для разных формальностей, вовсе не популярно.

— Удивляюсь, что хотя объявления печатаются уже целую неделю в Париже, наполненном искателями приключений, *готовыми на все*, вы при подобных условиях все еще не нашли желающего.

— Вы забываете, что он должен быть доктор медицины, а это очень ограничивает число конкурентов.

— Вы правы, но если даже неизвестно имя этого таинственного человека, то с кем же заключают условие?

— С господами Кунье и Йомби.

— Что это за имена?

— Они принадлежат двум неграм, блестящим, курчавым, как все африканские негры, но напомаженным, в перчатках, словом, цивилизованным, - его доверенным людям, друзьям!

— Продолжайте... Теперь я не буду удивлен, если вдруг явится сам Далай Лама или властелин ацтеков.

— Это все. Я больше не видел моего оригинального клиента, но его оба негра живут в гостинице, в двух шагах отсюда. Чемоданы их уложены, и они уедут, как только найдут какого-нибудь бедного доктора, которому диплом приносил до сих пор только нищету и который согласится ехать с ними.

— Черт возьми! Вы уже заранее дурно отзываетесь о том, кто решится принять это предложение.

— Дело-то представляет условия не совсем обычные, и, действительно, надо находиться в отчаянном положении, чтобы ехать, не зная куда, с кем и для чего.

— Я восхищаюсь, - заметил смеясь Шарль Обрей, - своеобразным участием, какое вы принимаете в вашем клиенте.

— Когда он дал мне это странное поручение, я не скрыл от него, что не стану никого уговаривать принять его предложение, а напротив, выставлю

на вид все невыгодные стороны.

— Какого же он был мнения насчет этого?

— Вы будете действовать сообразно моим видам, - ответил он, - потому что тот, кто согласится, несмотря ни на что, будет иметь характер крепкого закала и я буду в состоянии положиться на него... «Что вы скажете на это?

— Это похоже на мелодраму.

— Теперь мне остается только прочесть вам условие.

— Слушаю.

«Межу нижеподписавшимися гг. Кунье и Йомби, свободными гражданами королевства Конго, в Центральной Африке, ныне жительствующими в Париже, на улице Годо-де-Моруа, в гостинице «Экватор и Либерия», и... таким-то... доктором медицины, живущим там-то, заключено следующее условие:

I. Доктор обязуется в течение пяти лет, начиная с настоящего числа, ездить повсюду, куда пожелают поехать гг. Кунье и Йомби, и находиться в их полном распоряжении.

II. Доктор должен отдавать все свое время, двадцать четыре часа в сутки, господам Кунье и Йомби.

III. Гг. Кунье и Йомби могут отложить на время или совсем отказаться от услуг доктора, последний же не может изменить этого условия, не нарушив договора.

IV. Доктор будет пользоваться даром квартирой, столом, переездом, одеждой и прислугой и получит двадцать четыре тысячи франков в год, уплачиваемых ежемесячно по две тысячи.

V. Если доктор будет жив через пять лет, ему выплатят в виде вознаграждения сто тысяч франков Лонге, парижский нотариус или его преемник.

VI. Если до истечения пяти лет услуги доктора не будут считаться нужными, гг. Кунье и Йомби или тот, кому они свое право передадут, могут расстаться с ним, заплатив, что установлено за полный месяц начатого года, но сто тысяч франков он получит не иначе, как по истечении пяти лет».

— Вот контракт, в котором недостает только подписи договаривающихся сторон. Это, как вы видите, не нотариальный акт, я не хотел брать на себя никакой ответственности в этом деле, но частное условие. Бесполезно, я думаю, говорить вам, что подписанное и записанное в книгу, оно так же действительно, как и нотариальный акт... Теперь, когда вы знаете в чем дело, что скажете вы об этом предложении?

— Рассуждать о нем бесполезно. Такие вещи принимаются или отвергаются разом, впрочем, сомневаюсь, чтобы вы могли изменить какой-нибудь пункт.

— Клиент не оставил мне другого полномочия, как получить согласие на все пункты.

— В этом акте есть один зловещий пункт: сто тысяч франков обещают доктору в том случае, если он не умрет через пять лет. Не знаю, ошибаюсь ли я, но мне кажется, что в этом выражается как бы сомнение, что он может остаться жив до того времени.

В эту минуту лакей пришел доложить, что шесть человек ждут в передней.

— Это по объявлению, — сказал Лонге, улыбаясь, — извините, если я вас тороплю, потому что я каждый вечер уезжаю за город в шесть часов и мне хотелось бы отправить их всех до моего отъезда.

— Как можете вы знать...

— Что они пришли сюда для того же, для чего и вы?

— Да.

— Подождите минутку... Жюль, попросите у этих господ их карточки.

Через минуту лакей вернулся и принес на подносе шесть карточек: на каждой значилось «доктор медицины».

— Вот видите!

— Правда! Прошу позволения подумать до завтра.

— Невозможно. Надо решиться сейчас, так мне приказано, я забыл сообщить вам об этом. Таинственный незнакомец сказал: мне нужен человек, решающий быстро, не давайте ему ни одной лишней минуты; всякий, переступивший за порог вашей гостиной, не должен возвращаться к вам.

— Еще одно слово?

— Я к вашим услугам.

— Для чего в объявлении сказано, что в случае отсутствия, обращаться в Танжер?

— Негры едут через шесть дней, и я тогда должен отсылать в Танжер тех, кто будет являться. Желаете еще спросить меня о чем-нибудь?

— Ни о чем. Я...

— Отказываетесь?

— Напротив, соглашаюсь!

Нотариус сделал движение, выражавшее удивление, и несколько минут смотрел на своего посетителя с чрезвычайным изумлением. Через минуту он ответил:

— Ничего не могу вам сказать... Однако, позвольте предложить вам один вопрос: у вас нет родных?

— Я одинок.

— И практики нет?

— Неделю назад я чуть не отравился морфием, потому что ни моя собака, мой единственный друг, ни я не ели ничего со вчерашнего дня.

— Если так, то вы именно такой человек, какого ищут; и я не должен более сопротивляться тому, чтобы вы следовали своей судьбе.

— Я сейчас говорил вам о моей собаке, - можно мне взять ее с собой?

— Не думаю, чтобы в этом могли быть затруднения.

— Иначе я буду принужден взять назад данное слово.

— Я беру это на себя. Дело кончено. Вписываю ваше имя в условие, и теперь остается только подписать.

Сказав эти слова, нотариус позвонил. Вошел лакей.

— Жюль, - сказал ему Лонге, - скажи господам, которые ждут, что дело, по которому они пришли, кончено и что мне не для чего их принимать. Потом дайте знать неграм в гостинице «Экватор», чтобы они сейчас пришли сюда.

Четверть часа спустя все было кончено.

— Счастливого пути, - сказал нотариус Шарлю Обрею, - дай Бог нам увидеться через пять лет.

Они обменялись дружелюбным и горячим пожатием рук.

Когда молодой доктор вышел на улицу, он заметил у дома Лонге великолепный экипаж, запряженный парой чистокровных лошадей, из-под нетерпеливых ног которых сверкали искры на гранитной мостовой... Оба негра, следовавшие за доктором, приблизились к нему, и тот, которого звали Кунье, поклонился и сказал на чистейшем французском языке:

— Мы едем сегодня в Марсель с восьмичасовым поездом... А пока куда вас отвезти?

— Как этот экипаж...

— В вашем распоряжении.

— А вы?

— Мы с вами.

— Мы едем разве немедленно?

— Так приказано, и в этом отношении вы обязаны слепо повиноваться нам; кроме этого нам предписано исполнять все ваши желания покупать и брать все, что вам будет угодно, - книги, инструменты, оружие, всевозможную провизию. Вам стоит только сказать.

— Хорошо, я буду готов к назначенному часу. Отвезите меня в

предместье Сент-Оноре, 77, где я должен сделать необходимые распоряжения. Потом я сделаю несколько прощальных визитов, и в половине восьмого буду на станции железной дороги.

— Я должен предупредить вас, что нам приказано не оставлять вас.

— Приказано кем? Ведь условие я заключил с вами?

— Нашим господином.

— Кто же он такой?

— Мы не вправе ответить на этот вопрос.

— Вам также запрещено сказать мне, куда мы едем?

— Вы уже знаете... в Марсель.

— А потом?

— Вы это узнаете там.

— Хорошо. Не буду более задавать вам вопросов.

— И мы у вас ничего спрашивать не будем, но готовы исполнять все ваши приказания.

Приехав к себе, Шарль Обрей указал, что желает взять с собой. Он не кончил еще осмотра скромного имущества, как два работника явились укладывать его вещи.

Когда доктор кончил свои прощальные визиты, до отъезда осталось только три часа, но чистокровные лошади так мчались, а Кунье так сорил деньгами, что все покупки Шарля Обрея: лекарства, хирургические инструменты, оружие, книги и разные другие вещи были вовремя отосланы на вокзал, где был заказан отдельный вагон. Верный пудель Фокс разлегся на подушках кареты и, по-видимому, гордился новым положением хозяина.

В семь часов все было кончено, и по замечанию Кунье, сказанному шепотом, Шарль Обрей приказал кучеру ехать на Лионскую железную дорогу.

В ожидании поезда он заказал в буфете обед; верные своей роли негры прислуживали ему, что заставило толпу принять его за восточного князя, путешествующего инкогнито.

По окончании обеда Кунье повел его к начальнику станции, и молодой доктор не мог не почувствовать легкого чувства гордости, когда начальник станции сказал, поклонившись ему почти до земли:

— Вагон, заказанный вами, готов...

Он прошел, улыбаясь, перед толпой, расступавшейся передним, и не мог не прошептать старинную поговорку: *Auri sacra fames* [1] - и сравнить этот прием с прежним, когда, как всякий добрый парижанин, он отправлялся по воскресеньям в третьем классе в Буживаль или Шиту.

Как только он поместился со своим верным Фоксом в вагоне, обитом

шелковой материей, раздался свист локомотива, и поезд быстро помчался в Бургундию.

Оба негра сели в вагон, нанятый для лошадей.

Когда Шарль Обрей заметил при неясном свете луны деревья, мелькавшие как черные призраки мимо поезда, с ним сделалась галлюцинация: ему показалось, что все его прошлые страдания стремятся в страну забвения, и он три раза громко прокричал «ура» в честь своего будущего счастья... Только хриплые вздохи локомотива и жалобный вой его собаки ответили ему...

ГЛАВА II

Безмолвная шхуна. Таинственный сигнал

По приезде в Марсель, Шарль Обрей едва успел съесть бисквит и выпить рюмку портвейна на станции, как его провожатые наняли фиакр, который через десять минут привез его к пристани.

В нескольких метрах от берега красивая шхуна в двести тонн тихо качалась на зыби, украшенная всеми парусами, она как будто с нетерпением рвалась в открытое море и скоро должна была выйти, потому что ее экипаж вытаскивал якорь.

— Вот судно, которое отвезет нас в Танжер, — сказал Кунье Обрею, — если вам угодно в ожидании завтрака просмотреть список провизии, то есть еще время пополнить, что забыто; мы поедем не ранее чем через два часа.

— Мне все равно, — ответил улыбаясь молодой человек, который, освоившись с этими странными поступками, не задавал ни малейших вопросов, — для меня будет достаточно пищи других пассажиров.

— Других пассажиров на «Ивонне», кроме вас, не будет.

— Это название судна?

— Да, оно здесь затем, чтобы отвезти вас к месту вашего назначения.

— Вы сказали, кажется, что мы едем в Танжер?

— Так было приказано, однако мы, может быть, получим новые приказания.

— О, я ни о чем не спрашиваю вас, это ваше дело, я поеду с вами на край света, но настанет же минута, когда я буду говорить с кем-нибудь?

— Так вам неудобно просмотреть?

— Что?

— Список провизии.

— Не к чему, я люблю неожиданность, прошлое ручается мне за будущее, — весело сказал молодой человек.

— Стало быть нам более ничего не остается, как ехать.

У набережной стояла шлюпка с рулевым негром и четырьмя гребцами той же расы, принадлежащими к экипажу «Ивонны». Шарль Обрей сел в эту шлюпку со своими двумя спутниками, и несколько взмахов весел

довезли их до шхуны.

Капитан и его два помощника составляли весь главный штаб на шхуне. По знаку первого помощника капитана шестнадцать человек команды, стоявшие в два ряда, прокричали три раза «ура» в честь приезжего. Его встречали как князя или адмирала.

Каково же было удивление Шарля Обрея, когда он увидал, что все эти люди принадлежали к одной расе: офицеры и команда были черны как эбеновое дерево... Он подумал, что, может быть, повар будет для него сюрпризом, но надежда его скоро была обманута: повар был так же курчав и черен, как другие.

Это было для него проблеском света.

— Теперь я знаю цель этого путешествия и понимаю условия, которые меня заставили подписать, — сказал он Кунье, который ввел его в каюту.

— Стало быть, вы вступили в сношения с каким-нибудь духом, который открыл вам то, чего мы сами не знаем?

— Это очень просто: ваш господин, какой-нибудь негритянский король в Африке, пожелал взять к себе европейского доктора и послал вас отыскать его...

— Мой господин не негр и не король... он такой же белый как и вы.

— Что же значит в таком случае эта княжеская роскошь? Следовало дать мне несколько тысяч франков, и через трое суток я был бы в Танжере.

— Мой господин богаче всякого князя и делает, что хочет. Ему все равно, куда послать свою шхуну, и она всегда наготове.

— Почему же вся команда черная?

— Потому что мой господин не хочет зависеть ни от одной европейской державы и снарядил свою шхуну в негритянской республике Либерии; капитан и его два помощника — граждане этого свободного государства; матросы — соотечественники Йомби и мои: они из Конго.

— На шхуне кто-нибудь говорит по-французски?

— Кроме Йомби и меня, никто этого языка не знает.

— Это путешествие обещает быть однообразным; к счастью, оно недолго продолжится, надеюсь?

— Не позже как через четыре дня мы будем в Танжере, если только вы не желаете посетить Пальму — столицу Майорки, где мы должны остановиться, чтобы запастись свежим виноградом, финиками и апельсинами для вашего стола. В таком случае нам дано позволение остаться там сутки.

— Я не воспользуюсь позволением, мне хочется поскорее увидеть кого-нибудь, кто не был бы вечной загадкой; я буду есть виноград на

твердой земле, и мы поедем, как только ваши покупки будут кончены.

— Вы уже ездили по морю?

— Никогда, я даже в первый раз вижу море.

— В таком случае, если не хотите быть больным, надо следовать моим советам.

— Что же надо делать?

— Позавтракать до отъезда и тотчас лечь, чтобы привыкнуть к движению моря.

— Мысль мне кажется справедливая; она, впрочем, и согласуется с моим аппетитом.

Когда Шарль Обрей вошел в кают-компанию, он остановился ослепленный роскошью обстановки. С каждой стороны шли диваны, обитые шелковой красной материей, такие широкие, что на них можно было лежать в любом положении; в промежутках висели венецианские зеркала во всю вышину в хрустальных рамках; все свободное пространство было украшено картинами самых известных современных художников, Расписанный потолок изображал странный сюжет: на первом плане по берегам обширной реки, окруженной тропической растительностью, маленькая лодка с одним белым и двумя неграми, из которых одна была женщина, скрывалась под лианами; ночь... луна серебрит издали вершины высокого леса, окружающего реку. На заднем плане в лесу горит огонь, позволяя различать человеческую фигуру среди пламени. Около огня собралось десять негров, татуированных и вооруженных по-военному... а сидящие в лодке смотрят с удивлением, смешанным с ужасом, на эту странную сцену.

— Что это представляет? - спросил Шарль Обрей, рассмотрев живопись с величайшим вниманием.

— Я там был, - ответил Кунье с дрожащими ноздрями, - мы их всех убили; в то время я не носил одежду белых, я странствовал по лесу с моим господином, Буаной, Уале и господами, которых мы везли далеко, очень далеко, к берегам больших озер... Кунье был счастлив. Кунье не говорил на языке белых, он не пил вина, не курил сигар, не ездил на шхунах или в каретах, но у него были лес, простор и ружье... Ах! Добрый господин, добрый господин, как Кунье сожалеет о том времени!

Произнеся эти слова, негр, вне себя от волнения, забыв о присутствии того, кого он вез, протянул обе сложенные руки к картине, словно обращался к человеку, сидящему в лодке, полузакрытой тростником...

Видя Кунье таким взволнованным, Шарль Обрей остерегся задавать вопросы; он подумал, что, оставив негра в покое, он, наконец, узнает что-

нибудь о своем таинственном положении; но он скоро заметил, что имеет дело с сильным характером, потому что Кунье так же быстро оправился, как и взволновался. И когда молодой доктор, побуждаемый непреодолимым любопытством, спросил у него, находился ли его господин в лодке, Кунье ответил резким тоном:

— Господин и тут, и там... Господин бывает везде, где захочет...

В эту минуту два помощника повара принесли завтрак; весь сервиз был из позолоченного серебра, но молодой доктор уже не удивлялся ничему и охотно отдал честь кухне «Ивонны». После завтрака он последовал совету, который дал ему Кунье: лег на диван среди груды подушек, положенных, чтобы предохранить его от качки; скоро послышалось легкое колебание, и доктор понял, что вторая часть его путешествия начинается. Действительно, «Ивонна» со своими тремя шлюпками мало-помалу отделилась от группы судов, окружавших ее, и вышла из гавани. При попутном ветре она начала разрезать волны Средиземного моря по направлению к Болеарским островам.

Залив, столь бурный обыкновенно, был так спокоен, как озеро, и хотя зима уже несколько поспешно появилась на севере, потому что Париж накануне был уже покрыт снегом, берега Прованса, освещенные прекрасным ноябрьским солнцем, наслаждались еще прелестями теплой и душистой осени. Новичок не мог желать более благоприятной погоды для начала своего морского путешествия.

Утомленный быстротой путешествия, разбитый различными волнениями, не оставлявшими его двое суток, Шарль Обрей заснул и не мог насладиться поистине чудесным зрелищем отъезда. По мере того, как «Ивонна» подвигалась, берега Франции, как будто убегавшие вдаль, нечувствительно покрывались неопределенными оттенками; скоро только синеватая полоса отделяла волны от горизонта.

В час обеда Кунье, осторожно приподняв портьеру, тихо приблизился к доктору; но он увидел его в таком глубоком сне, что не смел разбудить, и вернулся без шума. То же самое повторилось три раза до полуночи, и с тем же результатом... Негр вышел после своей последней попытки, когда Шарль Обрей в полудремоте несколько раз повернулся на своем ложе. Станный шум заставил доктора вздрогнуть; проснувшись, он приподнялся, и при слабом свете ночника, бросавшего синеватые лучи из хрустального шара, вделанного в заднюю стену, приметил, что одна из панелей кают-компании медленно повернулась и открыла большое отверстие, походившее, по-видимому, на кубрик; прежде чем доктор успел сделать движение и вскрикнуть, та часть дивана, на которой он лежал,

отделилась от стены, и как бы механически опустилась в яму, которая вдруг открылась и потом захлопнулась за несчастным. За панелью, опять вернувшейся на свое место, послышался жалобный лай, - собака доктора напрасно старалась следовать за своим господином. Пораженный ужасом, Шарль Обрей не мог ни вскрикнуть, ни сделать малейшего движения. Скоро темнота, окружавшая его, рассеялась, как бы по волшебству, и Шарль увидел себя среди десяти человек в масках, которые смотрели на него, неподвижные как статуи, и между ними находились два негра, Кунье и Йомби, которые с открытым лицом насмешливо смотрели на него.

«Вот как должно было кончиться это приключение, - подумал бедняга, который был ни жив, ни мертв. - Ах, зачем я не нахожусь в моей скромной квартире в предместье Сент-Оноре!»

Он считал себя погибшим и едва нашел в себе силы, чтобы спросить, чего от него хотят.

Его вопрос раздался среди глубочайшей тишины. Ответа не последовало...

Тогда, посмотрев на этих замаскированных людей и на двух неподвижных негров, которые продолжали на него смотреть с той же улыбкой, он почувствовал, что мозг его помутился, и что с ним начинаются галлюцинации и головокружение...

Между тем замаскированные сели за небольшой столик, накрытый скатертью, а оба негра остались на ногах. Шарль Обрей, которого движение немножко привело в себя, смотрел на эту сцену, дрожа; ему казалось, что он явился перед каким-то тайным трибуналом, беспощадным орудием чьего-то мщения...

— Подойдите, - сказал вдруг пронзительный голос.

Молодой доктор с трудом мог приподняться; ему помогли негры, которые подвели его к зловещему ареопагу.

— Зачем ты явился сюда? - продолжал тот же голос со странной насмешкой.

— Не знаю, - пролепетал доктор, видевший, что его последний час настал.

— Я скажу тебе. Ты думал, что стремишься к богатству и благосостоянию... А явился к судилищу.

— Чем я заслужил это? - едва мог произнести молодой человек.

— Сейчас узнаешь!

И тот, кто председательствовал в этом собрании, начал длинную речь на гортанном языке, наполненном странными придыханиями и совершенно неизвестном Обрею. Время от времени он останавливался, как будто

спрашивал своих товарищей, которые отвечали наклонением головы, потом опять продолжал свою странную речь, которую, наконец, кончил, проведя в воздухе рукой крест по всем четырем сторонам.

— Какого наказания достоин виновный, — сказал тот же человек громко и внятно.

— Смерти! — отвечали все присутствующие зловещим тоном.

Услышав это страшное слово, доктор содрогнулся и упал бы, если бы негры не продолжали его поддерживать.

— Да будет так! — воскликнул в последний раз судья.

Кунье и Йомби бросили тогда несчастного доктора на диван, связали его и привязали к его ногам пушечное ядро... Потом один из замаскированных нажал пружину в стене и открыл большое отверстие.

— Да совершится правосудие, — сказал он, указывая пальцем на разверзшуюся бездну.

Шарль Обрей пытался крикнуть, но кляп, вложенный ему в рот, давил ему десны и губы, и он едва успел издать хриплый звук, который замер в рыдании.

Ему показалось в эту минуту, несмотря на то оцепенение, в которое он был погружен, что его бедный пудель царапается за стеной, как бы желая ему помочь; слезы полились из его глаз, и с быстротой молнии пронеслось перед ним в эту великую минуту все его прошлое.

Оба негра приподняли доктора и качали его на руках, чтобы придать необходимый размах; по новому знаку они швырнули его в пространство, и несчастный, увлекаемый пушечным ядром, погрузился в волны как стрела...

Исчезнув под водой, Шарль Обрей сделал сверхъестественное усилие, отбросил от себя кляп и мог вскрикнуть с отчаянием. В ту же минуту он упал на подводную скалу...

Физическая боль разбудила его, скала оказалась полом в кают-компании «Ивонны». Ему просто привиделся кошмарный сон! Вертясь на диване, он упал и стукнулся головой о колонну... Когда он совсем пришел в себя, его верный товарищ Фокс лизал ему лицо.

При крике, который вырвался у него, когда он упал, Кунье, спавший у дверей, бросился к нему на помощь.

Находясь еще под впечатлением страшного сновидения, которое, без сомнения, было вызвано таинственными происшествиями, волновавшими его в эти два дня, молодой человек почувствовал при виде негра, как вся кровь прилила к сердцу. И он наверное бросился бы на него, если бы спокойный голос негра, спрашивавшего о причине его падения, не

успокоил его. Он находился в кают-компании, окруженный теми же предметами, какие заметил накануне; собака лежала у его ног, и он, наконец, убедил себя, что не делал прогулки под водой.

— Вы вчера не обедали, — продолжал негр — но вы так крепко спали, что я не решился вас разбудить.

— Ну, господин Кунье — сказал Шарль Обрей, обрадовавшись, что не подвергался таким печальным приключениям, какие видел во сне, — зато я думаю, что воздам должное завтраку сегодня утром.

— Вам стоит только приказать; огонь в кухне никогда не гасят, и Джо, повар, в вашем распоряжении днем и ночью.

Начинало светать: на востоке показалась красная полоса — предшественница солнца, которую древние называли дщерью ночи; воздух был еще чище и теплее, чем накануне, и с испанского берега, к которому приблизилась шхуна, долетали время от времени порывы ветра с благоуханием померанцевых и гранатовых деревьев.

Шарль Обрей вышел на палубу прогуляться несколько минут, и зрелище столь для него новое, которое при дневном свете расстипалось перед его глазами, немало способствовало возвращению ему спокойствия, а вместе с ним и радости, и надежды.

Всю ночь «Ивонна» благодаря своей исключительно искусной конструкции — ее строили в Гавре, в мастерских Лапормана, лучшего кораблестроителя на свете — делала по одиннадцати и двенадцати узлов и в тот же вечер должна была прибыть в Пальму.

— Хорошо, если ветер все время будет попутный! — сказал доктор Кунье, который сообщил ему это известие.

— «Ивонне» ветра не нужно, — ответил негр.

— Она, может быть, заранее им запаслась? — сказал шутливо молодой человек, радуясь, что тучи в его мозгу совершенно рассеялись.

— Вы совершенно правы: «Ивонна» сделала запас, чтобы обойтись без небесного ветра и спрятала свой ветер в угольной яме.

— Как! Эта маленькая шхуна идет и на парах!

— Да, у нее есть машина в сто лошадиных сил, достаточная в случае надобности для того, чтобы делать от пятнадцати до шестнадцати узлов, а иногда она делала даже и семнадцать.

— Стало быть, у вас есть машинист на шхуне?

— Есть, и четыре кочегара.

— Кто же этот машинист?

— Я!

— Вы?

— Да. Господин мой посыпал меня на два года в мастерские в Сиота. Я учю Йомби, потому что...

Негр вдруг замолчал, как будто приступал к запрещенному предмету.

— Потому что? - повторил вкрадчивым тоном молодой доктор.

— Потому что... - сказал негр, как бы придумывая, - лучше знать двоим, чем одному...

— Вы не то хотели сказать сначала.

— Может быть... но теперь я говорю это.

— Мне кажется, что в этой тайне нет ничего таинственного.

Негр молча улыбнулся. Улыбку эту можно было перевести вопросом: «Кто знает?»

— Но где же труба машины?

— Она спрятана, ее ставят только тогда, когда надо разводить пары...

В сопровождении Кунье, Обрей спустился туда, где был? спрятана машина, и увидал одно из самых изящных механических произведений мира. Машина была сделана в мастерских Сейна и так блестела, словно только что была доставлена оттуда.

Доктор вернулся на палубу, восхищенный и заинтересованный больше прежнего, спрашивая себя, кто мог быть тот таинственный незнакомец, которому он отдал свою свободу на пять лет; будь он суеверен, его сновидение предвещало бы ему самый печальный конец этого приключения.

— Ба! - сказал он себе, смеясь, после минутного размышления, - древние авгуры толковали сны в противном смысле; к тому же, положение, в которое я буду поставлен, не может быть хуже того, которое я оставил. Буду же наслаждаться пока свободой и счастливыми часами, которые посыпает мне случай!

В три часа по полудню послышался голос матроса с марса.

— Берег с бакборта! - закричал он по-английски. Капитан прервал свою прогулку по палубе и навел трубку по указанному направлению; улыбка удовольствия мелькнула на его лице: он не ошибся в своих расчетах. «Ивонна» находилась только в двадцати милях от Пальмы, города на Майорке, самого большого из Болеарских островов и столицы всей группы.

Полчаса спустя синеватая полоса, искрившаяся радужными лучами под лучами солнца, уже закатывавшегося, сделалась видна простому глазу, и вскоре горы северо-западного берега Майорки, словно выходившие из океана, по мере того как шхуна приближалась к ним, ясно обрисовывали на небе свои причудливые контуры.

На закате солнца увидали мыс Каллафигера, и вскоре после того капитан - чистокровный негр, имевший, однако, офицерский диплом от властей Либерии, рискнул войти ночью и без лоцмана в гавань Пальмы.

Маневр удался, и на другое утро суда, стоявшие на якоре, немало были удивлены, увидев «Ивонну» возле них.

Майорка один из самых прелестных островов Средиземного моря, заключающий большое количество тех клочков земли, окруженных водой, которые можно назвать настоящими гнездышками из зелени и цветов. Он имеет около ста восьмидесяти тысяч жителей, и одна Пальма - его столица, насчитывает сорок тысяч. Климат там один из восхитительнейших на свете; зимы почти нет, а летний жар постоянно умеряется ветрами с моря, распространяющими по всему острову приятную прохладу.

Исторические судьбы этого чудесного острова, в котором на открытом воздухе растут апельсины, финики, лимоны и все фрукты умеренных климатов, очень поучительны. Римляне и карфагеняне долго оспаривали его друг у друга. В средние века им владели пизаны, которые вынуждены были бежать перед сарацинами; последних в свою очередь сменили арагонцы.

В 1262 году Иаков I сделал из Майорки независимое королевство, заключавшее в себе все Болеарские острова, графства Монпелье, Руссильон и Сердан, в пользу своего сына; Майорка в конце концов разделила участь Арагонии, когда эта страна была присоединена к Испании.

Шарль Обрей съехал на берег с Кунье, его неизбежным телохранителем, и часа два осматривал Пальму. Этот город, полуиспанской и полумавританской архитектуры, с высоким готическим собором, средневековыми крепостями, с арабскими развалинами, представляет необычайно живописное зрелище.

Возле Биржевой площади молодой доктор заметил статую, которая привлекла его внимание: это была статуя Раймунда Лилла - монаха, философа, математика, алхимики, кабалиста и мага, которого в Тунисе побили камнями как миссионера.

Как ни хотел Шарль Обрей проехать внутрь острова, он подавил свое желание перед главной целью: приехать в Танжер как можно скорее. Итак, шхуна через несколько часов продолжала свой путь к Марокканскому берегу; два дня спустя, она вошла в Гибралтарский пролив и в десять часов вечера увидала огонь танжерского маяка.

— Вот мы и приехали, - сказал Кунье доктору, указывая рукой на берег, видневшийся в ночной темноте.

Шарль Обрей был сильно взволнован. Через несколько часов он узнает, что думать о всех предположениях, так занимавших его после отъезда из Парижа.

Вдруг со шхуны поднялась ракета и, описав дугу в ночной темноте, потухла в волнах.

— Что значит этот сигнал? - спросил доктор своего обычного спутника.

— Таким образом мы даем знать о нашем приезде, - ответил Кунье, - и в то же время спрашиваем, в Квадратном ли Доме господин и можем ли мы вечером съехать на берег.

— Как вы одной ракетой даете понять все это?

— Вот смотрите, это ответ на ваш вопрос!

Две другие ракеты, пущенные с небольшим промежутком, последовали по тому же направлению, как и первая.

— Мы будем подавать эти сигналы, - продолжал негр, - пока нам не ответят.

Только шестая попытка увенчалась успехом, и большой красный перемежающийся огонь как на некоторых маяках, показался вдали. Рассматривая его несколько минут, Кунье объявил, что господина в Квадратном Доме нет и за отсутствием приказаний можно съехать на берег только завтра.

— Как вы видите это? - спросил доктор, не спускавший глаз с яркого сигнала.

— По числу минут, проходящих между каждым появлением огня, это наш условный язык.

Через четверть часа огонь погас совсем, все сделалось опять темно, и пассажир «Ивонны» был вынужден провести эту последнюю ночь на шхуне.

Странное дело: теперь, когда он приближался к цели, он уже с меньшим нетерпением желал достигнуть ее... В нем происходило то, что чувствовали все, которые в своей жизни находились под влиянием событий, всю важность которых они не могли предвидеть. Шарль Обрей хотел бы узнать все сейчас, но с другой стороны опасение было так сильно, что он не прочь был отдалить решительную минуту.

ГЛАВА III

Квадратный Дом. - Еще загадка

На рассвете «Ивонна» вошла в Танжерский рейд и бросила якорь в нескольких кабельтовых от берега. Во всех гаванях шлюпка останавливалась поодаль от других судов, так чтобы всегда быть наготове отправиться без малейшего замедления, по первому сигналу; смотря по тому, попутный ветер или нет, она поднимала паруса или разводила пары, и менее чем в полчаса снималась с якоря.

Только «Ивонна» бросила якорь, как Йомби спустил ялик, в который сел один и доехал до набережной в несколько минут.

— Куда он едет? - спросил доктор, который, наскоро окончив свой туалет, вышел на палубу.

— Он едет в Квадратный Дом за приказаниями.

— Как, мы не можем съехать на берег без позволения?

— Каждый по прибытии в гавань может съехать на берег, но сегодня другое дело: мы обязаны узнать, дома ли господин, а в случае его отсутствия, потому что он уже извещен телеграммой о вашем прибытии, указал ли, какие комнаты вам назначены.

— Вчерашние сигналы разве не сказали вам этого?

— Нет, они нам ответили только: эль-Темин - это арабское имя господина, - не находится здесь в данную минуту. Напрасно оставались мы в море всю ночь, потому что из гавани нельзя видеть Квадратный Дом; *перемежающийся огонь* погас и не отвечал ни на один из наших вопросов.

— Стало быть, все эти таинственные приготовления еще не кончились?

— Не знаю; нам неизвестны настоящие причины наших поступков.

— Давно находитесь вы у того, кого называете своим господином?

— Около двадцати лет... Кунье долго был невежественным и глупым негром, но господин послал его во Францию; два года Кунье пробыл в школе, и теперь у него мозг как у белого; это не то что Йомби; чем больше он учится, тем мозг его делается чернее.

— Я рад этому сведению, Кунье; теперь я понимаю, по крайней мере, одно.

— Что такое?

— Что вы доверенный того, кого вы называете эль-Темином, вы знаете все его планы и, если молчите, то по неведению.

Негр с гордостью улыбнулся, но промолчал.

— А Йомби что за человек? Я видел его раза два во время путешествия; и каждый раз как с ним заговаривал, он только кланялся мне, а не отвечал. Стало быть, он не понимает по-французски?

— Йомби принадлежит не господину, он невольник его друга, как Кунье - невольник господина. Йомби понимает все, что ему говорят, но эта безмозглая голова, которая говорит только глупости. Раз он чуть было нас всех...

Кунье замолчал и закусил свои толстые губы.

— Вас всех?...

— Поэтому он взял привычку молчать, даже если человек посторонний его спросит: «Йомби, какая сегодня погода?»

И негр, чтобы отвлечь внимание от неосторожности, которую сам чуть было не сделал, начал громко хохотать над своей шуткой.

— Вы хотели сказать что-то интересное, зачем же вы вдруг остановились?

— Затем, что в голове Кунье осталось немного черного мозга; он иногда начинает говорить как баба, но тогда белый мозг напоминает Кунье, что надо замолчать...

В эту минуту оба собеседника заметили Йомби, который бежал по Танжерской улице, ведущей от замка к морю; он держал в зубах бумажку. Таким образом он всегда носил небольшие вещи, которые ему поручали, между тем, обе руки мотались как маятники.

Когда ялик подошел к шхуне, негр взобрался на палубу с проворством обезьяны. Он отдал бумагу Кунье, который прочел ее и подал Шарлю Обрею.

На карточке не было ни имени, ни герба, был лишь выгравирован открытый глаз, окруженный буквами, составлявшими слово *sapientia* [2]. На ней было написано карандашом:

«Съезжайте на берег и поместите доктора в комнатах у террасы».

Кунье отошел поодаль поговорить несколько минут с Йомби; вернувшись, он весело сказал доктору:

— Я к вашим услугам до завтра.

— То есть вы опять будете моим караульным целые сутки.

— Вовсе нет, и с удовольствием сообщу вам, что, поселившись в Квадратном Доме, вы будете свободны располагать своим временем. По

прибытии сюда мое поручение кончилось, и я хотел только вам сказать, что так как господин на охоте и вернется завтра, то я еще до тех пор буду вам служить, потому что без этого вам никто не будет повиноваться в Квадратном Доме.

— И тогда я буду волен отправляться, куда хочу?

— Да, с условием не оставлять Танжера.

— А если я не подчинюсь этому условию? - спросил доктор, который невольно каждый раз старался задавать вопрос, который мог бросить хоть какой-нибудь свет на его настоящее положение.

— Выслушайте меня, - сказал Кунье, лоб которого наморщился от этих слов, - делайте, что хотите, но если дорожите жизнью, не старайтесь никогда уклониться от контракта, добровольно подписанного вами.

Когда негр произносил эти слова, его лицо, обыкновенно столь спокойное и бесстрастное, преображалось и мало-помалу принимало такое свирепое выражение, что Шарль Обрей почувствовал легкий трепет во всем теле и понял, что настаивать не следует.

Но Кунье скоро успокоился, и, когда принял свой обычный беззаботный, веселый вид, доктор ответил ему, что он не так понял его вопрос, что он, доктор, и не думает оставлять Танжера, а желает только прогуляться по окрестностям, а это желание нисколько не противоречит принятому им обязательству.

Между тем, по приказанию капитана, бесчисленное множество ящиков и свертков выносили из трюма и отправляли на берег под надзором помощника капитана, записывавшего каждую вещь.

Кунье просил доктора показать, какие вещи нужны ему сейчас и потом предложил отвести его в Квадратный Дом.

— Мы пройдем весь город, - сказал он, - и вы узнаете его так же хорошо, как и те, которые долго жили в нем.

Доктор не заставил повторить это еще раз и, взяв легкий чемоданчик, в котором находились самые нужные и дорогие инструменты, он последовал за Кунье, который, съехав на берег, тотчас отправился по большой Танжерской улице по направлению к Касбаху.

Танжер из всех Марокканских городов европейцы знают лучше всего. Он высится на восточном склоне холма, ограничивающего на западе бухту, мало укрытую от ветров; его чрезвычайно живописное местоположение представляет большое сходство с Алжиром. Город имеет форму почти квадратную, а валы обведены стеной с башнями довольно близко к берегу; крепости полуразрушены и сохраняют еще следы бомбардировки французского флота в 1844 году.

Уверяют, будто Танжер ничто иное, как Тингис - столица древней Тингитании. В таком случае, если верить старинным описаниям страны, нынешняя почва значительно возвысилась или от землетрясения, или от какой-нибудь другой причины.

— Вот единственныe здания сколько-нибудь значительные в Танжере, — сказал Кунье, указывая доктору на дома консулов на площади того же названия, — я не говорю о Квадратном Доме, который превосходит великолепием все здания в Марокко.

— И я там буду жить?

— Именно. Это часть бывшего дворца мавританских королей; там жили кордовские и гренадские калифы, когда приезжали проводить несколько дней на африканском берегу. Часто вечером, когда господин и его друг пьют кофе в мраморной гостиной, я прячусь за колонну и слушаю чудесные истории, которые это жилище им напоминает.

— Не думаю, чтобы они жили в то время, — сказал доктор смеясь.

— Господин все видел, господин знает все, — наставительно ответил Кунье.

Нельзя было бороться с этой крепкой верой, и доктор только улыбнулся.

Негр сказал правду, что в Танжере нет других замечательных зданий, кроме тех, на которые он указал.

В самом деле, все дома на улицах, по которым они проходили, были низки, неправильны и выстроены по одному образцу. Представьте себе те большие белые кубы, однообразные и без окон, какие ревность семитических рас построила на всем востоке. Улица, по которой они шли в эту минуту, только одна собственно заслуживает это название; она идет по всему городу сверху вниз и ведет от пристани к развалинам старого замка калифов.

Эта улица, перерезанная надвое площадью, единственной в Танжере, окаймлена в своей верхней части двумя рядами лавок, нечто вроде черных вертепов, выдолбленных в стене, без дверей, с одним окном, где раскладывается товар для покупателя, который остается снаружи.

Дойдя до конца улицы, Кунье указал рукой своему спутнику, с одной стороны развалины, с другой Квадратный Дом — резиденцию таинственного человека, которого знали в Танжере под именем эль-Темина, начальника.

Потом они пошли по тропинке, бежавшей зигзагами довольно круто в Касбах, через который они должны были пройти в свою резиденцию.

Вся первая часть этого замка совершенно брошена, и не пройдет и четверти века, как останутся только груды обломков для обозначения

места, где замок был выстроен.

Замок можно было обойти, но Кунье предпочел провести по нему доктора, чтобы он мог полюбоваться руинами; их часто расхваливал друг его господина, невольником которого был Йомби.

Они вошли через темный коридор на первый двор, украшенный колоннами чистейшего арабского стиля, и куда выходило множество комнат.

Доктор заметил, что потолки из резного дерева были еще роскошнее, хотя на половину обвалились. Двери с такой же искусственной резьбой, как и потолки, были ветхи и не годились к употреблению, и все комнаты были предоставлены ласточкам и вяхирям. Дворы были вымощены каменными плитами, довольно изящными.

Разрушенная лестница вела к верхним террасам. Доктор хотел по ней подняться, но Кунье остановил его и, повернув налево, провел в низкую дверь, по другую сторону которой они увидали знаменитый Квадратный

Дом, о котором Шарль Обрей столько слышал уже несколько дней.

Двенадцать черных невольников небрежно сидели на ступенях у большой мавританской двери, которую новый владелец велел сделать в стене, и которая составляла странный контраст с остальной архитектурой дома.

Представьте себе обширный квадрат ослепительной белизны, пробитый там и сям, в арабском вкусе, микроскопическими отверстиями без всякой симметрии, и перед вами будет наружный вид здания; никто не сказал бы, увидев его, что эта однообразная груда заключала в себе все чудеса восточного искусства.

Увидав приезжего, которого вел Кунье, все негры встали в ряд и поклонились по-восточному.

Испанский мажордом, которого господа называли Хоаквин, и который заставлял прислугу называть себя дон Хоаквин, ждал на крыльце и повел доктора с поклонами, величая его сеньором и сиятельством; Кунье он сделал раболепный поклон, что подтвердило мысль Шарля Обрея о том влиянии, которым негр должен был пользоваться у своего господина.

Когда молодой человек вошел во внутренний двор, он остановился, буквально ослепленный. Двор этот был вымощен розовым, белым и светло-зеленым мрамором, перемешанным так, чтобы составлять самые грациозные арабески; в центре находился обширный алебастровый бассейн для утренних омовений, из которого высоко был большой фонтан, поддерживавший постоянную прохладу, а кругом всего бассейна в порфировых вазах стояли самые редкие цветы. Четыре фасада двора были

украшены колоннами чистейшего мавританского стиля, поддерживавшими веранду, под которой отворялся ряд комнат; двери их были закрыты шелковыми и кашемировыми портьерами.

Таким образом, было три этажа колонн, веранд и комнат, оканчивавшихся наверху террасой, возвышавшейся над четырьмя фасадами дома; с одной стороны она выходила на внутренний двор, с другой - на окрестности.

Недавно терраса с южной стороны была преобразована в жилье и теперь составляла четыре великолепные комнаты, предназначавшиеся доктору.

— Вы у себя дома, — сказал Кунье, — ваши вещи уже здесь, они прибыли раньше вас. Позвольте мне оставить вас; я исполнил данное мне поручение и теперь увижу вас только, когда господин даст мне какое-нибудь поручение к вам. Кстати, я телеграфировал, что вы везете с собой собаку, и вижу, что слуги не забыли об этом: вот прекрасная ниша из розового дерева для нее.

— Умная собака угадала это, она уже легла туда.

— Я пришлю к вам невольников, которые должны вам служить, а мои услуги закончены. Я останусь до новых распоряжений машинистом «Ивонны». До возвращения господина вам будут подавать кушать в часы, назначенные вами; потрудитесь отдавать меню Хоаквину, который велит приготовлять по вашему желанию; и до завтрашнего вечера вам надо обращаться к нему насчет всего, что вам будет нужно. Лошади, которых вы желали сохранить, привезены; они так свежи и здоровы, как будто не выходили из конюшни, и вы можете, если вы желаете, велеть их запрячь, прокатиться и подышать воздухом до обеда. Вот кажется все, что мне надо было вам сказать. А! Еще один совет: не старайтесь выведать здесь ничего ни от кого; вам отвечать не будут, и это может восстановить против вас эль-Темина... Старайтесь, напротив, понравиться ему, потому что, клянусь вам — и только это одно я могу вам сказать — если мы все не погибнем, и вы вместе с нами, в том, что мы предпринимаем, господин сделает вас богаче короля!

Произнеся эти слова и не ожидая ответа, Кунье оставил доктора, сбежал с лестницы и исчез.

Не прошло и несколько секунд, как Шарль Обрей услыхал, что Кунье отдавал приказания Хоаквину по-испански, и наклонившись над внутренним двором с террасы, которая была отделена от его комнат, чтобы составить веранду, увидал, что Кунье прошел в большую мавританскую дверь, в которую он пришел вместе с ним.

— Если я не погибну вместе с ними, - сказал доктор, задумчиво садясь на диван, - нотариус мне то же сказал!

После минутного размышления, он продолжал:

— Сомневаться нечего, мой хозяин, - я должен бы сказать, почти мой господин, потому что по контракту я нахожусь в его распоряжении каждый час дня и ночи, - имеет такое громадное состояние, что может тратить, почти не считая; этот первый пункт кажется мне довольно ясен. Зато второй, имеющий отношение к условиям, заключенным со мной... Чем больше ломаю себе голову, тем меньше я могу его понять, кроме того, что этот незнакомец, какие-то его друзья и я, скоро подвергнем опасности нашу жизнь... Подвергнем опасности нашу жизнь? Где? Как?... Для чего?... Вот в чем тайна... Будь это полвека тому назад, я подумал бы, что нахожусь в услугах пирата, живущего в Танжере; но пиратов больше нет... Уж не торгует ли эль-Темин невольниками? В таком случае, зачем ему европейский доктор?... Можно еще предположить, что дело идет об ученых исследованиях, но кроме того, что тайна была бы нелепа в подобных обстоятельствах, я должен заметить, что эта причина, упомянутая в объявлении, не повторена в моем контракте... Словом, бесполезно стараться заставить сфинкса заговорить; впрочем, он завтра объяснится сам... А пока, для моего душевного спокойствия, я должен твердо решиться, как поступить. В тот день, когда потребуют от меня чего-нибудь не согласного с моей честью, я отдаю себя под покровительство французского консула...

Успокоенный этой мыслью, доктор пошел осматривать отведенные ему комнаты; но тут увидал старого испанца Хоаквина и двух негров; мажордом представил их ему, говоря:

— Вот два невольника, которых вам дарит эль-Темин; я их обучил, и ваша милость будете довольны ими; высокого зовут Хуан, а негритенка Педро.

— Хорошо! Если я буду доволен их услугами, значит я обязан этим вам, Хоаквин... Известно здесь, когда вернется эль-Темин?

— Завтра вечером, ваша милость.

«Вот как! Да он разговорчивее того, - подумал доктор, - не задать ли ему несколько вопросов? «

Но ему пришел на память совет Кунье, он понял его важность и решил старательно избегать всего, что могло походить на нескромность.

— Какой прекрасный домик, Хоаквин. - сказал он мажордому, чтобы отвлечь его внимание от первого вопроса.

— Действительно прекрасный! Ваша милость уже изволили дойти на

террасе до того места, которое выходит на два моря? Налево - океан, напротив - испанские берега, направо - Средиземное море; это прекраснейшее зрелище, каким только может любоваться человек, - прибавил Хоаквин, напыщенным тоном чичероне, повторяющим вытврежденный урок

Доктора прельстило это описание, и он прошелся по террасе которая шла из его комнат и огибала Квадратный Дом с трех сторон, восточная и западная выходили на окрестности, и вид простирался далеко на леса фиговых, померанцевых и гранатовых деревьев, что представляло очаровательное зрелище. Северная сторона, действительно, находилась против испанского берега, а направо и налево виднелись два моря, между тем, как у подножия Квадратного Дома белые домики Танжера красовались на холме.

Трудно встретить в одной и той же рамке более грандиозное зрелище, которому развалины старого замка придавали еще более поразительный вид.

— Квадратный Дом разве не составлял части Касбаха, - спросил доктор Хоаквина.

— Да, ваша милость, это была наиболее сохранившаяся часть замка; несмотря на это, потребовалось три года, чтобы привести ее в такое состояние, в каком она находится теперь.

— Известно, кто выстроил Касбах?

— Могаммед бен-Абад, кордовский калиф, но легенда говорит, что через несколько месяцев после того, как был выстроен Касбах, калиф бросил его, выломав стену в нескольких местах, и запретив кому бы то ни было, под страхом смерти, делать малейшие поправки.

— Объясняет ли легенда причины этого странного измерения?

— Объясняет, ваша милость

— Тогда, Хоаквин, если ваши обязанности не мешают вам. Потрудитесь рассказать мне эту легенду - сказал молодой человек, с задумчивым видом, устремив взор на голубые волны океана сливавшиеся вдали с небесной лазурью

— Мое время в распоряжении вашей милости.

— Я слушаю

Испанец, большой охотник рассказывать как все его соотечественники, начат

«Могаммед бен-Абад, кордовский калиф, очень любил в известное время года отдыхать на Марокканском берегу, откуда его предки отправились завоевывать

Испанию; он велел выстроить Касбах на вершине Танжерского холма и пригласил, когда замок был построен, всех своих придворных полюбоваться его чудесами. Вечером он задал большой пир который продолжался довольно поздно, и вино, несмотря на запрещение корана, лилось рекой.

Когда гости удалились, бен-Абад поехал верхом в сопровождении одного слуги по дороге в Эль-Касар-Кебир

Эта крепость была под владычеством Махмуда бен-Надира, его заклятого врага, с которым он постоянно воевал.

Бен- Абад, винные пары которого заставили забыть о таком интересном для него обстоятельстве, постучатся в городские ворота. Часовой бросился во дворец Махмуда бен-Надира и доложил ему, что кордовский калиф в сопровождении только одного человека находится у ворот Эль-Касар-Кебира и хочет войти в крепость.

Бен- Надир был тогда за столом с главными жителями города; он поспешно встал, пошел навстречу к принцу и привел его во дворец. Вернувшись обратно, он велел подать новые блюда; радость, удовольствие, по-видимому, одушевляли всех собеседников Бен-Абад, однако, опомнившись, с удивлением увидел себя среди своих жестоких врагов; опасность, которой он подвергался, вдруг представилась его уму и оледенила его ужасом. Он решил притворяться и старался превзойти в веселости других.

Через несколько минут он согнулся на своем месте и притворился спящим. Собеседники, воспользовавшись этой минутой, стали уговаривать бен Надира лишить жизни врага, который сам предал себя в их руки.

Один из главных вельмож Эль-Касар-Кебира, по имени Юссеф бен-Тасфин, вместо того, чтобы пристать к их совету, стал с жаром его отвергать. Он говорил Махмуду бен-Надиру, что было бы низостью погубить беззащитного человека, с которым он пил и ел, что его имя сделается гнусным для всех арабских племен за то, что он нарушил священные законы гостеприимства

Бен- Абад не мог не слушать всего, что говорилось. Что бы не дать времени своим врагам решить обсуждаемый вопрос, и чтобы воспользоваться благоприятным впечатлением речи Юссефа бен-Тасфина, он тотчас встал и простился с собеседниками, прося их прислать кого-нибудь в Танжер принять подарки, которые он им назначил.

Те, которые только что советовали погубить его, проводили его с поклонами.

Кордовский калиф остался верен данному слову и послал из Танжера

невольников обоего пола, дорогих лошадей и богатые материки всем тем, кто находился с ним у Махмуда бен-Надира.

Сделав это, он поспешил вернуться на испанские берега, в самый кордовский дворец, боясь, чтобы гнев не заставил его ускорить мщение.

Чтобы лучше усыпить своих врагов, он более года не переставал осыпать их благодеяниями и проявлять знаки дружбы тем более горячие, что они были притворны.

Когда это время прошло, он вернулся в Танжер, куда мало-помалу переслал сильный гарнизон и пригласил их всех в Касбах, чтобы угостить в свою очередь тех, кто угощал его в Эль-Касар-Кебире.

Гости приехали в числе шестидесяти человек, и калиф встретил их с живейшей радостью и чрезвычайно любезно. Он пригласил их, по обычаю, принять ванну до обеда. Как только они вошли в обширный бассейн, приготовленный нарочно для этого, спрятанные работники тихо заложили дверь.

Эти несчастные, от которых толстые стены скрывали то, что происходило в нескольких шагах от них, погибли все, долго боровшись со смертью, терзая друг друга.

Каждый день Могаммед бен-Абад выходил на террасу дворца и в отверстие говорил страшные слова, которые вошли в пословицу между кочующими народами пустыни:

— Того, кто изменяет законам гостеприимства, съедят собаки!

Потом он прибавлял со зловещим хохотом:

— Вы все собаки, ешьте же друг друга.

Под каким-то предлогом этот калиф не пустил Юссефа бен-Тасфина в ванную залу, а призвал его к себе и сказал, что, удовлетворив свое мщение, он хотел изъявить признательность, и взял его с собой в Кордову, где осыпал почестями и богатствами.

Перед отъездом он приказал бросить Касбах.

Впоследствии свергнутый с престола могущественный калиф приходил плакать среди этих развалин; он умер здесь от нищеты, потому что не имел других средств к существованию, кроме работы своих дочерей, которые пряли шерсть, для того, чтобы кормить его. Говорят, что последние годы своей жизни он бродил, как сумасшедший по окрестностям, воображая, что его преследуют призраки его жертв».

— Вот история вполне восточная, - сказал доктор, - и обставлена той самой рамкой, в которой следовало ее рассказать; ни в чем нет недостатка; тут есть и развалины, и восточное солнце, и народ в разнообразных костюмах на улицах Танжера; вы человек со вкусом и приятный

рассказчик, Хоаквин.

— Я должен признаться вашей милости, что я учился в Саламанке, прежде чем попал на африканский берег.

— Это не уменьшает уважения, которое вы внущили мне, — ответил доктор, которого это фанфаронство чрезвычайно забавляло, — а давно вы в Марокко?

— Я приехал сюда, как учитель детей нашего консула, и с тех пор не выезжал.

— Вы должны прекрасно знать край.

— Как не знать, я обогнал его кругом и исполнял все ремесла, приличные благородству моего происхождения. Я происхожу из фамилии Барбозов, чистейшей крови во всей старой Кастилии.

— Черт возьми! Что же скажут ваши благородные предки о вашем настоящем положении?

— Сеньор Велизарий просил же милостыню на улицах Константинополя, — со вздохом сказал кастилец комическим тоном.

— Ну, сеньор Хоаквин, если мне предназначено долго оставаться в этом крае, я буду обращаться к вашим познаниям каждый раз, как только меня заинтересует какой-нибудь исторический или этнографический вопрос. А пока, — продолжал доктор, которого страшный аппетит побуждал сократить разговор, — я вас не удерживаю более и даже буду очень благодарен, если вы дадите мне завтракать.

— Вашей милости стоит только составить меню и прислать его ко мне с одним из невольников, и через полчаса ваши приказания будут исполнены. Кстати, я должен предупредить вас об одном: здесь соблюдается правило, которое эль-Темин приказал никогда не нарушать. Завтрак всегда подается в комнаты по желанию каждого, но вечером обед должен быть подан в столовой, выходящей на парадный двор, если бы даже здесь был только один человек; следовательно, вам надо следовать принятому обычаю.

— Очень хорошо!

Шарль Обрей былдержан, он заказал самый простой завтрак и остаток дня употребил на то, чтобы устроиться в своих комнатах. Их расположение, роскошная меблировка, а главное, количество предметов, относящихся к его профессии, показывали, что, по мнению распорядителя, ожидаемый доктор должен долго оставаться тут.

В спальне, меблированной по-восточному, стояла эбеновая кровать с перламутровой инкрустацией; кроме того, диван, настолько широкий, что можно было лечь в ширину его, позволял обходиться без европейской

кровати.

Стены были обиты очень дорогими обоями, а пол покрыт чудесным левантским ковром, сотканным из шелка и кашемира и купленным за страшно дорогую цену на Бейрутском базаре.

Возле спальни была ванна из гипса, мрамора и розового гранита, а за ней - курительная комната.

Но самые замечательные комнаты были кабинет, лаборатория, где были собраны все медицинские, физические и химические инструменты, изобретенные наукой, со всеми необходимыми принадлежностями и библиотека, где находилось все, что было написано о медицине, начиная с Индии, Халдеи и Греции до наших дней...

— Я положительно имею дело с ученым! - вскричал с восторгом доктор. - Выбором и устройством всего этого руководила умная рука, указывающая вполне на качество того, кто это устроил...

В эту минуту шелковая портьера, отделявшая библиотеку от веранды, приподнялась и явился мажордом Хоаквин.

— Ваша милость, - сказал он, поклонившись до земли, - обед подан в хрустальной зале!

ГЛАВА IV

Обед. - Эль-Темин

Напрасно Шарль Обрей принял решение не удивляться ничему, что может с ним случиться, он был вынужден сознаться, войдя в столовую Квадратного Дома, что никогда даже во сне, его воображение не могло представить себе ничего до такой степени волшебного.

Не стол, уставленный севрским фарфором и серебром, массивным и позолоченным, привлек его внимание; хотя он прежде никогда не видел такого множества чудесных предметов, собранных в таком небольшом пространстве, он все же ожидал этого. Он был поражен восторгом до такой степени, что даже забыл, зачем пришел в эту залу, единственную в свете, увидев, что потолок состоял из громадной розетки горного хрусталия, а посреди этой розетки белый прозрачный свет играл на цветах, листьях, фруктах и арабесках всякого рода, выграненных в хрустальной массе. На четырех углах потолка, оставляемых свободными овалом розетки, четыре кариатиды из зеленого мрамора, не в той форме, которую им придают обыкновенно, но изящные, как греческие нимфы, одной рукой, грациозно приподнятой, повидимому, без усилия поддерживали громадную хрустальную глыбу, между тем как другой поддерживали жаровни из массивного золота. С правой и левой стороны, на двух концах стола, находились два поставца из японской камеди с перламутровыми инкрустациями, на которых стояли от пола до золотого бордюра, окаймлявшего стену, все чудеса гончарного искусства пяти частей света. Вся зала была обита тисненым сафьяном... Машинально Шарль Обрей сел на место, указанное ему мажордомом, и тот, в парадном костюме, положив руку на серебряно-вызолоченный колокольчик, приготовился отдать приказания, когда два раза раздался продолжительный звук трубы, а затем лошадиный топот, и гонец крикнул под портиком Квадратного Дома магические слова:

— Эль-Темин! Эль-Темин!...

— Вот господин, ваша милость, - сказал Хоаквин серьезным тоном.

Доктор встал, как бы движимый пружиной, точно будто в его странном приключении сюрпризы неизбежны...

— Я думал, - ответил он, - что его ждут завтра.

— Да, уезжая, он назначил этот день для своего возвращения; но на это положиться никогда нельзя. Раз эль-Темин уедет, нельзя знать, когда он вернется. В один вечер, почти в это же время, когда садились за стол, он получил письмо. «Обедайте без меня, - сказал господин своему другу господину Барте, - я вернусь поздно вечером»... Мы ждали его три месяца...

— Это странно. И вы не знали причины этого продолжительного отсутствия?

— Мы никогда не знаем ничего... Иной раз, в доме поднимается суматоха, укладываются, заколачивают ящики, «Ивонна» разводит пары в гавани, мы ожидаем продолжительного отсутствия; господин уезжает, шхуна исчезает по направлению к Испанскому берегу, и вдруг в час обеда, эль-Темин возвращается и...

В эту минуту портьера слегка раздвинулась и чей-то голос закричал:

— Доктора просят начать обедать; господин принимает ванну и придет только к десерту.

Хоаквин в ответ на эти слова, громко позвонил в колокольчик.

Сильный негр подошел к доктору с подносом, на котором стояло шесть серебряных мисок. Метрдотель, мавр, шел за ним размеренными шагами.

— Суп из дичи с томатовыми клецками. Пюре из фазана с лапшой. Суп с устрицами. Раковый суп. Овощи - гнусливым голосом перечислял мажордом, потом, переменив тон, прибавил. - Я советую выбрать это блюдо; это настоящая поварская поэма: две индейки, шесть фунтов говядины и половина барана кипятились с шести часов утра и, соединив свои соки и аромат, составили бульон, в который потом положили капусту и кусочки хлеба с пармезаном.

Говоря это, сеньор Хоаквин как будто вдыхал запах своих слов и кончил, щелкнув языком, чего, конечно, наследник Барбозов не позволил бы себе в присутствии эль-Темина.

Поставив выбранную миску на стол, негр и мавр исчезли. Ничто снаружи не нарушало тишины и спокойствия в Квадратном Доме, словно прибытие хозяев внесло еще более таинственности и тишины.

— Вы говорили, сеньор Хоаквин, - сказал Шарль Обрей, еще взволнованный внезапным прибытием тех, кого ждал завтра, - что эль-Темин часто делает вам подобные сюрпризы.

— Это не удивляет никого, мы привыкли. Здесь он или нет, а все идет своим порядком. В одиннадцать часов утра ему в комнату относят завтрак:

шоколад, который может насытить десять человек, варенье из цедры и свежие финики; в четыре часа седлают лошадей на прогулку, в шесть обед накрыт на двенадцать приборов. Господин же иногда миль за триста, в Италии или Испании.

— Это, право, невероятно.

— Мы ждем таким образом до семи часов, и если в это время никто не придет, мы вправе распорядиться обедом, как хотим.

— Как это «если никто не придет»?

— Я забыл вам сказать, что всякий знатный европеец или мавр, который служит при дворе, и был представлен сюда, имеет право обедать здесь каждый день.

— Даже когда господина нет?

— Даже когда его нет.

Звонок раздался опять, мажордом назвал шесть рыбных блюд, а метрдотель ждал выбора доктора, чтобы подать ему.

Шарль Обрей выбрал торбет с пюре из раков, свежие устрицы с лимонным соком и перцем и поспешил продолжить разговор; радуясь, что нашел кого-нибудь, кто, не колеблясь, отвечал на его вопросы, он решился попытаться поднять кончик покрывала до своего свидания с таинственными хозяевами.

«Это вполне позволительно, - говорил он сам себе, - и я напрасно не пользуюсь добрым расположением этого болтуна; если узнаю что-нибудь важное, я буду иметь время обдумать, не буду захвачен врасплох в разговоре, который мы поведем и который, как все показывает мне, будет чрезвычайно важен для меня».

— Сеньор Хоаквин, - сказал доктор, - я хочу просить вас об одной услуге.

— Ваша светлость можете пользоваться мною, - сказал мажордом тем тоном вежливости, исполненной Достоинства, слегка покровительственного, который он принимал с низшими, когда вспоминал, что в его благородных жилах течет кровь гильтальго.

Доктор не обратил внимания на его смешные притязания и продолжал:

— Обещайте же мне откровенно отвечать на мои вопросы

— Ваша милость говорит с дворянином - сказал сеньор Барбоза, презрительно оттолкнув колокольчик - знак его служебной обязанности, и приближаясь к столу.

— Я начинаю. Как настоящее имя хозяина Квадратного Дома?

— Эль-Темин, я не знаю другого. Но ваша милость должны знать это лучше меня, я простой слуга; а вы наверно приехали в Квадратный Дом,

зная зачем.

— Вы, кажется, меня расспрашиваете, сеньор Хоаквин?

— Нет, я только отвечаю.

— Я действительно, это знаю, — продолжал доктор после минутной нерешительности, которая доказала проницательному мажордому, что доктор наверно не знает ничего. — Но так же, как и вы, я знаю под именем эль-Темина здешнего хозяина, но это имя арабское, а он, по всей вероятности, европеец.

— Он француз и не скрывает этого.

— Не приказывал ли он вам хранить тайну об его приездах и отъездах и о странных дела, которые происходят здесь?

— Никогда, и по самой простой причине: здесь не происходит ничего необыкновенного, следовательно, нечего скрывать и нечего говорить; а о том, что происходит не в доме, мы решительно ничего не знаем. Эль-Темин уезжает, возвращается, путешествует, находится в отсутствии по целым месяцам, и никто из нас: ни невольники, ни слуги, ни мажордом не знают, куда он уехал...

— Стало быть, вы не находите ничего удивительного во всем, что происходит здесь?

— Извините меня, но так как все, что может показаться мне странным, например эта роскошь, затмевающая малифскую, обнаруживается явно и эль-Темин не обязан рассказывать своим людям тайну своей жизни, то хотя мы и изумляемся, мы не знаем ничего, потому что не можем ничего знать. Только два человека могли бы сказать много, если бы захотели.

— Кто это?

— Два негра. Кунье и Йомби, люди доверенные, один эль-Темина, другой — господина Барте.

— Я уже второй раз слышу это последнее имя.

— Это более чем друг, это тень нашего господина: они не расстаются. А между тем между ними большая разница в летах эль-Темину около пятидесяти, а господину Барте нет и тридцати. Когда они обедают здесь, одни Кунье и Йомби стоят за их стульями. Они разговаривают между собой на языке, которого никто здесь не понимает. Это язык не европейский и не арабский. Время от времени оба негра принимают участие в разговоре, и в те вечера какое-то волнение носится в воздухе. Я часто видел слезы на глазах белых, а негры сжимали кулаки и скрежетали зубами, как это делают при воспоминании о сильной ненависти, которую нельзя было утолить, о смертельном оскорблении, за которое не могли отомстить.

— Но, сеньор Хоаквин, вы знаете более, чем хотели сказать.

— Вы ошибаетесь, ваша милость, и если бы я мог предполагать, что малейшее ваше слово может в чем бы то ни было повредить моему господину, я не простили бы себе этого никогда... Я сообщаю вам мои личные простые предположения... Можно бы сказать, что эти четыре человека жили вместе среди борьбы, лишений и бесчисленных опасностей, потому что только такая общая жизнь, в которой можно выказать геройскую преданность невольников господам, могла вселить такое полное доверие с одной стороны, и такую почтительную фамильярность с другой.

— У вас очень тонкий ум, сеньор Хоаквин.

— Ваша милость льстит мне.

— Нет, честное слово, я высоко ценю ваш ум и заключаю, что если с тех пор, как вы служите в Квадратном Доме, вы ничего не могли видеть, ничего угадать и ничего узнать наверное, это значит, что хозяева его люди непроницаемые... И это заставляет меня задать вам последний вопрос: в подобном месте и в силу обстоятельств, которые могут случиться, приятно знать, что имеешь возле себя человека, на которого можно положиться. Как вы думаете, могу я иметь доверие к тем неграм, которым приказано мне служить; другими словами, могу ли я иметь надежду настроить одного из них сообразно моим взглядам?

— Нет, все негры, находящиеся здесь, из той части Африки, которая мне неизвестна; они не понимали два года тому назад, когда я поступил сюда, ни одного из здешних языков; повар, метрдотель и я могли понимать их только знаками; теперь они понимают и говорят прекрасно по-арабски. Бесполезно говорить вам, что они вполне преданы эль-Темину и дадут изрубить себя на куски за него. Следовательно, вам нечего на них надеяться; они перережут вам горло по сигналу их господина.

— Хорошо, сеньор Хоаквин, это меня вынуждает обратиться к вам; сначала я этого не думал, но, кажется, это устроится само собой.

— Что хотите вы сказать?

— Послушайте, Хоаквин, хотите заключить со мной союз?

— Отказываюсь, даже прежде чем узнаю условия.

— Почему?

— Потому что я служу эль-Темину, а не вам, и ни в каком случае не желаю даже косвенно делать то, чего он не одобрил бы.

— Вот человек, который может похвалиться, что ему служат хорошо!

— Он знает настоящую преданность.

— Какая же она, по вашему мнению?

— Интерес! Мы все получаем очень большое жалованье: двадцать лет труда не принесут нам столько, сколько один год здесь; вы можете себе

представить, как каждый из нас дорожит своим местом.. Позвольте мне теперь сказать вам, что во всем, что может вам быть приятно...

— Эль-Темин! - перебил тот же голос, который раздался в начале обеда.

Мажордом поспешно удалился от стола и опять положил руку на колокольчик.

Доктор встал как автомат и жадно устремил глаза на приподнявшуюся портьеру. Тот, о котором доложили, вошел в сопровождении того, кого Хоаквин назвал его тенью. Оба были одеты по-европейски, чрезвычайно изящно.

Тот, которому никто, кроме его друга, не мог бы дать другого имени как эль-Темин, был человек лет пятидесяти, высокий, сухощавый и прекрасно сложенный; под фраком и белым жилетом скрывалось тело атлета. Голова была большая, энергичная; черты немножко жесткие, но правильные, глаза необыкновенно кроткие, напоминали глаза отдыхающего льва; они были янтарного цвета; волосы густые, еще черные и кудрявые, шелковистая борода спускалась до пояса... Его друг, которого все знали под именем Барте, маленький, сильный, смуглый, с закрученными усами, с живым, решительным видом, походил как две капли воды на морского офицера в отпуске.

— Здравствуйте, доктор, - просто сказал эль-Темин, как будто обращался к старому другу, - вот мосье Барте в восторге от вашего приезда. Вы вдвоем обшарите весь Марокко; заставите говорить его развалины, его историю, его старинные легенды; изучите его любопытные нравы, составите каталог его фауны и флоры, еще так мало известных... О! Вы не соскучитесь с нами, ручаюсь вам.

Ошеломленный этим вступлением, доктор не знал, что отвечать... Эль-Темин продолжал, как будто не замечая его изумления:

— Кончайте же ваш обед, доктор, не занимайтесь нами; мы догоним вас до кофе. Кунье, - обратился он к своему негру, - позаботься сам о приготовлении божественного напитка.

Мажордом, наклонившись с его правой стороны, ждал его приказаний.

— Что у нас сегодня, Хоаквин? - спросил он. Наследник Барбозов самым мелодичным голосом начал перечислять блюда...

— Велите дать нам овощи и крыльишко фазана; усталость не придает аппетита, а мы сегодня сделали десять миль верхом... Кстати, доктор, как вы себя чувствуете после вашего путешествия? Довольны ли вы «Иронной»? Хорошо ли вам служили на шхуне?

— Я во всех отношениях доволен моим путешествием, - ответил

Шарль Обрей, к которому мало-помалу возвратилось все хладнокровие.

Его удивление уступило место простому выводу, что не за столом и не в присутствии негров и Хоаквина могли обсуждаться важные и многочисленные вопросы, возбуждаемые его приездом.

— Я очень рад, что мои приказания были в точности исполнены; мы должны были вернуться только завтра из нашего обезда по равнинам Феца, но я узнал из телеграммы о вашем отъезде из Марселя, и нам захотелось познакомиться с вами на сутки раньше.

— Вы без труда поверите, господа, с каким нетерпением желал я видеть вас, и главное...

— Узнать место нашей резиденции, — перебил эль-Темин.

Доктор закусил себе губы; он понял, что сделал фальшивый шаг, желая так скоро приступить к главному вопросу.

— Ну, любезный доктор, вы должны быть довольны теперь. Вас желали иметь в Танжере; мы должны остаться здесь довольно долго, вы будете врачом нашей маленькой колонии, спутником моего ученого друга Барте, который найдет в вас драгоценного помощника... Ваша жизнь потечет очень спокойно до тех пор, пока нам придется перенести нашу палатку в другое место.

«Это кончается, как простой роман, — сказал себе Шарль Обрей, — стоило окружать себя таинственностью для того, чтобы просто»...

Он не кончил своего размышления, потому что уловил между эль-Темином и Барте взгляд, важности которого он не понял, но который внезапно изменил течение его мыслей... Потом проницательный взгляд его хозяина на минуту устремился на него, как бы желая изведать самую глубину его мыслей; он задрожал, а между тем посторонний наблюдатель увидел бы в этом ясном и спокойном взгляде только выражение полнейшей доброты. Обед кончился без всяких приключений; три собеседника сделались вдруг задумчивыми и, по-видимому, отдались течению своих собственных мыслей.

Эти три человека предались серьезным размышлениям, и самыми тягостными были размышления доктора, потому что, не зная на чем остановиться, он чувствовал какое-то неуловимое удушье... Нотариус и сам Кунье намекнули ему, что он, может быть, погибнет в замышляемом предприятии, и спокойные, почти веселые слова его хозяина казались ему горькой насмешкой...

— Кунье, — вдруг сказал эль-Темин, — «Ивонна» должна быть готова завтра на восходе солнца; ветер установился на несколько дней, и мне нужно сделать поездку по морю... Если вам угодно, господа, — обратился он

к своим собеседникам, - мы пойдем пить кофе ко мне.

ГЛАВА V

Марокканские ночи. - Уголок покрывала

Два этажа западной стороны Квадратного Дома и терраса, возвышавшаяся над ними, находились в исключительном владении эль-Темина; но он вдруг передумал, и вместо того, чтобы вести доктора и своего друга в свои комнаты, пригласил их на террасу, откуда они могли дышать свежим воздухом, который время от времени дул с моря. Была одна из тех теплых душистых ночей, которые так обычны на востоке, и которые встречаются часто и на африканских берегах Средиземного моря. Луна сияла на небе и серебрила своими лучами пальмы в садах консолов и волны океана, составлявшие блестящий пояс Танжера.

Римский Тингис, старинный город фатимидов, спал в светлой ванне; всякий шум прекратился на пристани и на улицах уже несколько часов; сантоны своим гортанным голосом уже провозгласили отдых, а марабуты пропели на всех перекрестках охранительную молитву, которая удаляет ангела полуночи.

— Нам здесь лучше будет разговаривать, — сказал эль-Темин, пригласив садиться своих гостей, — притом посмотрите, какой великолепный ландшафт расстилается перед нашими глазами... Сколько раз пропускал я здесь часы сна, любуясь картиной, которую природа предлагает нам каждый вечер... Безлунная ночь еще лучше, особенно летом, потому что согретое солнцем море, в свою очередь, как будто освещает небо фосфорным блеском, исходящим из его недр... Что с вами, Барте, вы сегодня печальны?

— Все то же воспоминание преследует меня... Этот ясный свет напоминает мне нигерские ночи... и тогда вы понимаете, страшное зрелище является перед моими глазами... Я вспоминаю мою клятву и говорю себе, зачем я медлю выполнить ее?...

— Если вы желаете, друг мой, мы поедем завтра, — холодно ответил эль-Темин, — но клянусь честью, мы потерпим неудачу, и если один из нас переживет другого, ему придется тогда исполнить двойную клятву!...

— Нет, мой старый друг!... Я поклялся повиноваться вам во всем и буду ждать, когда пробьет благоприятный час... Я очень хорошо понимаю,

по каким причинам я уже потерпел неудачу, чтобы не ценить вашего благоразумия... Впрочем, не в первый раз благодаря вашей энергии... О! если бы вы были с нами...

— Тише! - сказал эль-Темин, приложив палец к губам - вспомните ваши обещания,. Ничего не может быть справедливее арабской пословицы: «Не повторяется только то, что говорится мертвцам».

Облокотившись о балюстраду террасы, оба собеседника замолчали, и, по-видимому, несколько минут следили за нитью своих воспоминаний, вызванных этим странным разговором, и не обращали никакого внимания на присутствие доктора.

Шарль Обрей слушал их с неописанным изумлением; он вдруг очутился лицом к лицу с одним из тех положений, которые смутно предчувствовал... Не поднимался ли уголок покрывала? Поэтому без слишком сильного волнения услыхал он, как эль-Темин сказал ему без всяких предисловий с той резкой откровенностью, которая, по-видимому, была присуща его характеру:

— Доктор, мы обязаны дать вам объяснение и сейчас дадим.

По знаку своего господина, черный невольник, который как верная собака, жил, так сказать, у его ног, медленно налил кофе в чашки китайского фарфора и поставил на стол поднос, сделанный из перламутровой раковины, с казадорами, которые «Ивонна» привезла прямо из Гаваны.

Эль- Темин закурил одну сигару, потом раза два прошелся по террасе и стал, заложив руки за спину перед Шарлем Обреем.

— Доктор, - сказал он, - представляю вам подпоручика Барте, моего единственного друга на этом свете. Барте, хотите теперь представить меня?

— Сделайте лучше это сами, - ответил взволнованный молодой человек, - и возьмите на себя объяснения. Мои нервы сегодня не в порядке, и вспоминая о прошлом, я наверно увлекусь дальше может быть, чем будет полезно для успеха наших планов.

— Хорошо, - просто сказал эль-Темин. Он начал:

— Мы знаем, доктор, что вы человек мужественный, нам известна ваша трудовая жизнь... Шарль Обрей сделал движение.

— Не прерывайте меня... Следовательно, мы обязаны, так как вы разделите нашу жизнь и наши опасности, открыть вам наши планы... Для меня будет достаточно почти минутного внимания; я не имею привычки говорить длинные речи... Выслушайте меня. Если вы не захотите соединить вашу жизнь с нашей в том, что мы предпринимаем, я разорву контракт, связывающий вас, «Ивонна» отвезет вас в Марсель, а я попрошу

vas принять в подарок пятьдесят тысяч франков, которые сделают менее тягостным начало вашей карьеры... Вы видите перед собою бывшего дезертира французского флота, осужденного на смерть за непослушание на рейде Сан-Паоло-де-Лоанда в Конго, на восточном берегу Африки. Я успел убежать и, благодаря преданности одной негритянки, достиг верхнего Конго в окрестностях озера Куффуа. Я был принят самым могущественным начальником в стране и обучал его войско по-европейски... Я жил десять лет в том kraю, странствовал по девственным лесам, охотился, ловил рыбу, вел жизнь человека свободного, когда возвратившись из экспедиции на берег Анголы, король-негр, принявший меня в свои владения, привез двух белых, которых ему выдал из гнусного мщения капитан сунна, торговавшего неграми, и которых король хотел сделать своими невольниками.

Барте был один из этих двух белых; слишком долго будет объяснять вам, каким образом французский офицер мог очутиться во власти капитана судна, производившего торговлю неграми [3]. Все это раскроется само собой в дальнейших частых и задушевных разговорах, которые мы будем иметь с вами. Я не мог перенести, чтобы два соотечественника были отданы в рабство на моих глазах, и помог им бежать. Шесть месяцев странствовали мы по Центральной Африке, по дорогам известным только нескольким негритянским караванам и хищным зверям. Без Кунье и Йомби, двух верных слуг, с которыми мы путешествовали, мы никогда не выбрались бы...

— Я расскажу вам после, любезный доктор, - перебил Барте, - о том, о чем он забывает упомянуть: об его преданности, энергии и неукротимом мужестве.

— К чему? Каждый исполняет свой долг.

Эти два человека вдруг выросли неизмеримо в глазах доктора. Эль-Темин продолжал:

— По прибытии на французскую землю Габон, я расстался с ними... Я потерял наклонность к цивилизованной жизни и вернулся в мои равнины, изобилующие дичью, в мои бесконечные леса... Но любовь к моим товарищам щемила мое сердце, и время от времени мною овладевало горячее желание опять их увидеть.

В это время открыли алмазные копи на мысе Доброй Надежды, и тотчас в голове моей зародилась мысль; я знал, что эти драгоценные камни находятся в верхнем Конго, я начал делать раскопки возле озера Куффуа с десятью невольниками, принадлежавшими мне, и три месяца спустя напал на копь в вулканических скалах, наполненную золотом и алмазами

чистейшей воды. Чтобы дать вам понятие об этом богатстве, скажу лишь, что продал один алмаз марокканскому султану более чем за два миллиона...

Я обладал сумасбродным богатством, мог купить престол, мог бы купить все европейские армии... «К чему это?...» - сказал я себе. - Мое желание было удовлетворено, я велел пока заделать копь, которую нашел, и отправился с Кунье продолжать мою странническую жизнь по лесам. Когда я расставался с товарищами, воспоминание о которых так часто волновало меня, я сказал им: «Если когда-нибудь я нужен буду вам в важных обстоятельствах, в которых будут затронуты ваша честь или ваша жизнь, пришлите ко мне Йомби, и я отдаст вам и телом и душой». Барте спас жизнь Йомби; признательный негр объявил себя его невольником и последовал за ним во Францию. Однажды, когда я бросал невод на берегу Конго, передо мною вдруг явилась тень, я поднял голову и задрожал. Это был Йомби. Он сказал мне такие слова: «Момту-Самбу (это мое африканское имя, как эль-Темин - арабское), господин прислал меня; вы ему нужны».

— Я бросил мои сети и тотчас же отправился по дороге к Куффуа. Вместо золота, которое неудобно носить с собой в большом количестве, я запасся алмазами, взял с собой Кунье и половину моих черных невольников, а других оставил стеречь копь. Я в них уверен, как в самом себе, потому что они принимают меня за мокисса, за одного из их богов, спустившегося на землю.

Я отправился из гавани Малимба и два месяца спустя прибыл в Танжер. Прошло ровно семь лет с тех пор, как я расстался с Барте. Йомби тотчас вернулся во Францию через Испанию предупредить своего господина, что я жду его в Марокко.

Я выбрал это местопребывание по двум причинам: осужденный на смерть военным советом, я должен был ждать еще четыре года, чтобы вина моя погасилась за давностью. С другой стороны, в мои планы входило не давать никому знать о моем богатстве, и я мог посредством марокканских евреев, богатство которых неисчислимо, сбыть столько алмазов, сколько мог пожелать, не возбуждая внимания, чего я не мог бы сделать ни в одном европейском городе. Имея в своем распоряжении миллионы, еврейские купцы постоянно должны выдавать себя за бедняков, иначе султан обременит их налогами.

Через шесть дней после отъезда Йомби, я получил от Барте следующие строки:

«*Еду, вдохновение Неба заставило вас выбрать Марокко.*

На другой день мой молодой друг был со мною. Он немедленно сообщил мне о причине, заставившей его вызвать меня... Вы позволите мне, доктор, оставить в тени несколько подробностей. Вы поверите моему слову, когда я вам скажу, что весь успех нашего плана зависит от этого.

После нашего путешествия в Центральную Африку, Барте понравились отдаленные странствования, и он отправился с небольшим караваном в Тимбукту, таинственный Песчаный Город. Он имел намерение осмотреть весь Судан и вернуться через Нигер. Экспедиция не удалась, часть конвоя была убита в Тимбукту, и Барте остался жив только вследствие преданности Йомби, которому удалось доставить ему возможность бежать. У них не осталось ни верблюдов, ни палаток, ни провизии, и они вдвоем совершили путешествие, выполненное таких же опасностей как и то, которое мы делали вместе. После восьми месяцев неслыханных страданий, они добрались до Сенегала и могли вернуться во Францию. Но в Тимбукту произошла страшная драма, подробности которой заставляют еще и теперь трепетать от ужаса моего друга, когда он вспоминает об этом как сегодня... Об этой страшной драме я ничего не могу сказать, кроме того, что когда Йомби спас своего господина от верной смерти, к которой тот стремился в минуту безумия, Барте бросился на колени на песок и, протянув руки к проклятому городу, дал клятву вернуться, чтобы исполнить свой долг... В чем он заключается, я не могу теперь вам объяснить».

Услышав эти слова, которые без сомнения напоминали ему ужасное прошлое, Барте зарыдал, поспешно встал, отошел на противоположный конец террасы, чтобы свободнее предаться своему горю.

Эль-Темин продолжал:

— Я и не подумал отговаривать моего друга сдержать клятву, а ответил ему просто: «Мы вместе исполним то дело, которому вы хотите посвятить вашу жизнь; но если вы желаете, чтобы экспедиция удалась, вы должны предоставить мне руководить ею».

Всякий чужестранец, не исповедывающий ислама, узнанный в Тимбукту, непременно будет убит. Даже всякий магометанин, не тамошний, приезжающий как путешественник, а не как купец, будет принят за шпиона, отправленного из Марокко, чтобы способствовать завоеванию, и подвергнется той же участи. Следовательно, мы должны отправиться туда не только как магометане, но и с товаром как купцы.

Теперь можем ли мы присоединиться к одному из караванов, отправляющихся из Марокко к берегам Нигера? Это решительно невозможно; такую цену ни заплатили бы за молчание, всегда найдется

кто-нибудь, кто предаст нас из религиозного фанатизма. В самом деле, какой магометанин, зная, что мы неверные, может молчать, когда увидит, что мы входим в тимбуктуские мечети и совершаляем молитвы по закону пророка? Поэтому ради нашей безопасности мы должны выдавать себя за ревностных мусульман.

Следовательно, мы вынуждены составить наш караван сами, и не иметь в нем ни одного изменника, ни одного сомнительного человека. Ну, этот караван у меня под рукой. Мои двенадцать негров, которым я приказал перейти в исламизм, завтра они сделаются буддистами, если я им прикажу, говорят теперь довольно бегло по-арабски; это будут вожаки верблюдов, словом слуги; купцов будут представлять Барте, вы, я, два мавра - повар и метрдотель, которых я изучаю уже два года, впрочем обещание громадной суммы в случае успеха, сделает из них людей, на которых мы будем в состоянии положиться вполне; я нанял двух мавров, оттого что они были уже в Тимбукту с караванами пустыни; они еще не подозревают наших планов. Хоаквин мажордом, который говорит на всех мароккских языках, и, что еще важнее, на разных наречиях Сахары, будет служить нам переводчиком в дороге. Добрый мусульманин обязан не знать другого языка, кроме арабского. Когда придет время, я отправлю двух мавров, Хоаквина и негров в провинцию Сус, на границах Марокко; они купят верблюдов и устроят караван. Когда все будет готово, в одну прекрасную ночь мы тайно уедем из Танжера и присоединимся к нашим людям в костюмах кочующих купцов пустыни... С той минуты ни одно слово, ни одно движение не должны обнаружить наше звание. Как только мы перейдем мароккскую границу и вступим в Сахару, малейшее неблагоразумие среди племен, не знающих других законов, кроме силы и хитрости, повлечет за собой смерть... Но я не должен скрывать от вас, что опасности в дороге ничего не значат в сравнении с теми, которые ожидают нас в Тимбукту, особенно ввиду цели, которой мы желаем достигнуть.

Если мы достигнем нашей цели, мы отправимся назад по берегу Нигера до тех пор, пока не встретим «Ивонну», которая войдет вверх по реке так далеко, как позволит глубина воды.

— Ваш план удивительно составлен, но...

— Не прерывайте меня, доктор. Когда я кончу, вы можете делать какие хотите возражения, но многие, может быть, получат ответ прежде, чем вы сделаете их. Барте и я живем уже два года в Танжере, приготовляя все для этой экспедиции; мы употребляем наше свободное время на изучение арабского языка, а я еще с помощью моего друга пополняю мои недостаточные познания в географии. Барте хотел начать предприятие в

этом году, но я потребовал от него четыре года, чтобы сформировать на «Ивонне» испытанный экипаж и придать маленькому отряду, который должен составлять караван, ту тесную связь, которая возникает от продолжительной жизни вместе; притом мы сами обязаны чисто говорить по-арабски и вполне изучить нравы страны, так что это замедление необходимо...

Месяц тому назад, когда мы разговаривали как сегодня на этой террасе, нам пришло в голову присоединить врача к нашей экспедиции; мы извлечем из этого тройную пользу: у нас будет лишний собеседник, а это большой отдых для ума в продолжительных путешествиях, где часто слишком скучно вдвоем в часы грусти; потом он будет лечить нас и наших людей, наблюдать за состоянием нашего каравана, и, наконец, - так как всякий врач есть и естествоиспытатель, - мы воспользуемся его специальными познаниями и изучим флору и фауну Сахары и стран, орошаемых Нигером.

Тогда я почувствовал горячее желание увидеть Францию хоть на двое суток, и мы решили, что я поеду в Париж за нашим новым спутником. С Марокканским паспортом, под именем эль-Темина, я поехал в Испанию с Кунье и Йомби, а «Ивонне» приказал ждать в Марселе, чтобы везти нас обратно.

Как только я приехал во Францию, как почувствовал тоску по солнцу; началась ранняя зима, и когда в Марокко везде еще была зелень и цветы, там земля исчезла под снегом; притом опасение быть узнанным и привлеченным к военному суду, отравляло мое удовольствие. По приезде в Париж, я отправился к нотариусу Лонге, которого я никогда не видал, но через которого уже два года пересыпал безымянные подарки моим родным; он сделал всех моих братьев и сестер богатыми фермерами; все мои племянницы получили в приданое по сто тысяч франков; все бедствия в деревне Плуаре он обязан исправлять, ибо там я родился и там похоронена моя мать.

Эль- Темин произнес последние слова с сильным волнением.

— Я кончу в двух словах, - продолжал он через несколько минут. - Узнав о моих желаниях, нотариус взялся напечатать известное вам объявление и отвечать на различные вопросы, которые будут предлагать ему. Ни под каким предлогом не должен он был говорить мое настоящее имя; в том положении, в каком я находился, я не мог обнаружить его всем тем, кого могли привлечь мои предложения... К тому же осуждение меня военным судом не позволяло мне подписать контракт, по которому могли меня узнать; следовательно, обнаруживать имени нельзя было... И,

наконец, - простите, если я настойчиво повторяю, - это имя не существует больше ни для кого, я не хочу быть никем иным как эль-Темином...

На другой же день я уехал в Танжер через Кадикс. Вид этого суетливого общества, торопящегося наслаждаться, которое топчет под ногами нищету, порождаемую им самим, эта жизнь, сотканная из шелка для одних и страданий для других, излечила меня от желания жить в Европе... На востоке, по крайней мере, человек, забытый обществом, живет пригоршней фиников и спокойно засыпает на углу длинной белой стены... Кунье и Йомби были моими доверенными лицами и должны были привезти сюда на «Ивонне» доктора, который не побоится принять наше предложение, несмотря на несколько странные обстоятельства, сопровождающие его... Вот, любезный доктор, объяснения, которых вы имели право ждать от нас, и которых ранее мы не могли вам дать. Оно не полно в том смысле, что оставляет в тени и без ответа самый важный вопрос, который вы могли бы задать мне: «Что мы будем делать в Тимбукту? «В этом отношении я могу ответить вам только одно: тут есть тайна, которая принадлежит не мне, и открыть ее - значит совершенно уничтожить наши планы. Мы с Барте будем счастливы, если вы никогда не будете делать ни малейшего намека на это, если согласитесь помогать нам вашим знанием и ученым опытом, в пять предстоящих лет... Я сказал все. Теперь говорить надо вам, любезный доктор; мы уничтожаем ваш контракт, не желая вовлечь вас в приключение, которое может вам не понравиться; вы можете остаться, или уничтожить его, или снова подписать его добровольно.

— Я желаю, господа, прежде всякого разговора о предмете, занимающем нас, тотчас дать вам ответ, которого заслуживают ваши деликатные поступки со мною. Я принимаю, закрыв глаза, ваши предложения. Цель, к которой вы стремитесь, не касается меня; моя обязанность определена, - я врач в танжерском доме и в то же время спутник каравана.

— Ученый руководитель.

— Пусть так. Я вполне ваш не только на пять лет, определенных по контракту, но и на все время, в которое вы сочтете мои услуги необходимыми для ваших планов... Даю вам слово! Теперь я последую за вами хоть на край света.

Барте и эль-Темин горячо пожали руку, протянутую им доктором как бы затем, чтобы еще более скрепить новый договор, и эти три человека под влиянием самых разнообразных волнений, оставались несколько минут погружены в размышления.

— Доктор, вы именно такой человек, какого нам нужно было, - сказал Барте, возвратив все свое самообладание,

— Да, - продолжал эль-Темин, - теперь мы трое связаны на жизнь и на смерть, и если не будем засыпаны песком Сахары, или брошены жителями Тимбукту в высохшие цистерны, или убиты обитателями берегов Нигера, обещаю вам, доктор, что Париж будет говорить о вас, когда вы туда вернетесь, потому что я сделаю вас богачом... Вы затмите любого раджу...

— Теперь, господа, позвольте мне воспользоваться вашим разрешением и разъяснить некоторые пункты, которые еще остаются темными для меня; они касаются моего положения.

— Мы к вашим услугам, любезный доктор.

— Когда вы думаете начать вашу экспедицию?

— Не ранее двух лет, - ответил эль-Темин, - назначить эту отсрочку предписывало мне благоразумие, и ее следует скорее удлинить, чем уменьшить.

— Что должен я делать в это время?

— Учиться арабскому языку, объезжать Марокко, изучать его историю, легенды, нравы, верования, суеверия, - словом, забыть Европу и стать мусульманином, потому что мы можем войти в Тимбукту только как мусульмане; если бы там стали сомневаться в этом, вы с Барте должны быть в состоянии поддерживать публичное состязание, по обычаям страны, со всеми учеными, сантонами и марабутами Песчаного Города. Медицинская школа в Феце славится во всей Сахаре, вам надо отправиться туда... Знакомьтесь как можно более с восточной наукой, это будет для вас легко... Барте изучает теперь всех казуистов корана... Видите ли, дело идет о том, чтобы не лишиться жизни в самой странной, самой опасной и самой необычной экспедиции, какую когда-либо предпринимала живая душа... В эти два года всем нам предоставляется полная свобода во всем, совершенная независимость друг от друга; вы можете быть, месяцами не будете видеть нас, вы можете отлучаться на срок, какой захотите, и мы не будем следить за вами... Мы будем как можно менее, разъезжать вместе, потому что я прошу вас сродниться с восточными обычаями, а что невозможно, когда живешь с европейцами; язык и нравы родной страны всегда одержат верх. Я вас представлю двум врачам султана, его поэту и историографу; и в их обществе вы за шесть месяцев научитесь большему, чем за два года в нашем. Вам открыт неограниченный кредит у Соларио Перейра, моих банкиров в Танжере. Берите сколько хотите, моя алмазная копь усыплет золотом дорогу от Гибралтара до Москвы. Каждый вечер те из нас, которые будут в Танжере, должны сходиться за обедом в

хрустальной зале... Это все, что вы желали знать?

— Вы предупреждаете мои вопросы. Мне остается только просить вас исполнить одну просьбу.

— Говорите!

— Я хотел бы, чтобы вы определили Хоаквина на службу ко мне. Его знание Марокко и Берберийских языков будет мне очень полезно.

— Мажордом получит надлежащие приказания, а теперь, господа, - продолжал эль-Темин, - позвольте мне подать сигнал к удалению на покой. Пора отдохнуть. Завтра на рассвете я еду на «Ивонне» к берегу старого Калабара; посмотрим, как далеко шхуна может идти по Нигеру. Самый дальний пункт, известный стропейцам - Яури; но все заставляет меня думать, что можно пройти дальше; если мы дойдем до Кабры, в двенадцати милях от Тимбукту, возвращение экспедиции обеспечено...

Произнеся эти слова, эль-Темин встал.

— Вы знаете, - сказал он доктору, горячо пожимая ему руку на прощанье, - что вы по террасе можете дойти до ваших комнат. Пойдемте, Барте, нам надо устроить некоторые дела до моего отъезда.

Шарль Обрей, оставшись один, пошел по указанной дороге, и, дойдя до западной стороны, которая была ниже других, потому что тут в былое время Квадратный Дом соединялся с Касбахом, он поднялся на десять ступеней и очутился в той части террасы, которая вела в его комнаты. На веранде два негра, присев неподвижно, как бронзовые статуи, ожидали его возвращения. Но разнообразные волнения, испытанные им в этот вечер, не располагали его ко сну, и, облокотившись на балюстраду веранды, он несколько часов предавался мечтам.

Когда ночная свежесть заставила его подумать о сне, он заметил, повернувшись, чтобы пройти в свою спальню, Хоаквина, стоявшего в нескольких шагах от него.

— Вы давно здесь? - спросил доктор с удивлением.

— Около часа; я не хотел мешать вашим размышлениям. Эль-Темин освободил меня от должности мажордома, удвоил мое жалованье и приказал исключительно служить вам. Я теперь к вашим услугам.

— Хорошо, сеньор Хоаквин, вы вернулись к вашим учительским занятиям... Завтра я начну учиться у вас арабскому языку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [4]

МАРОККО ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И АНЕКДОТИЧЕСКИЙ

Мавритания древних, ныне Марокканская империя, есть обширная территория в северной Африке, в шестьсот семьдесят две тысячи трехста квадратных километров. На всем этом пространстве насчитывается до восьми миллионов жителей!

Ее ограничивает к западу Атлантический океан, к северу - Гибралтарский пролив и Средиземное море, к северо-западу - Алжир и юго-западу - Сахара.

Определить в точности ее границы было бы довольно трудно; они часто изменялись и могут еще измениться, смотря по темпераменту, а главное, по степени могущества ее государей.

То, что римляне называли Тингитанской Мавританией, теперь составляет северную часть Марокко; в южной части она заходила далее территории Фец, и притом эта последняя была мало ценима, чтобы не сказать прямо пренебрегаема властелинами мира. Долго разделенная на два отдельных королевства, эта африканская область нашла единство в первый раз только в могущественных руках двух берберийских владычеств; новое разделение в последующих династиях опять разбило ее на два королевства - Фец и Марокко: но в первых годах XV столетия единство снова восстановилось и нарушилось только временно междуусобными раздорами.

В наше время границы Марокканской империи определены подробно трактатом от 18 марта 1845 года с Францией, и если иногда бывают изменения, то это надо приписывать не устройству ее поверхности, потому что ни одна страна не окружена более резкими границами.

Посмотрите, в самом деле, на карту этой страны, и вы увидите, что с одной стороны ее обширные равнины замкнуты поясом крутых и высоких гор, которые выходят на Сахару, а с другой - Средиземное море и океан служат природными границами ее берегам.

Известно, что захваченный вандалами в V столетии, арабами - в VII, Марокко населен берберами, маврами, арабами и евреями.

Берberы - коренные жители Северной Африки. Происхождение этого имени подало повод к большим спорам, к многочисленным

предположениям, о которых бесполезно здесь упоминать. Не проще ли и рациональнее объяснить его словом *barbari* (варвары), имя, которое римские нумидийцы давали чужестранцам?

Разделенные на «шеллоков» и «амазиргов», берберы современного Марокко говорят общим языком, так что нельзя оспаривать их общего происхождения. Белые цветом лица в северных областях, они становятся темнее и даже совершенно смуглыми в южных частях; но по этой легкой разнице, происходящей от климата, нельзя считать их различными расами.

Хотя *шеллоки* живут на южных горах Атласа, они земледельцы и в то же время имеют большую склонность к разным промышленным искусствам.

Ожесточенные - враги арабов, они страшны для этой расы; они считают первейшим долгом грабить их, и каждый раз как представится случай, дурно обращаться с ними.

Справедливость требует прибавить, что не лучше обращаются они и с иностранными караванами, которые отважутся зайти в их горы.

Они негостеприимны, и их справедливо называют величайшими ворами и убийцами в целом свете. Они гораздо умнее амазиргов, их соседей; их дома сделаны из красивых камней, с аспидными крышами, и как будто подразнивают жалкие лачуги или природные пещеры, в которых живут соседние племена.

В простой шерстяной тунике, на которую надевает плащ, *шеллок* ходит с непокрытой головой в любое время года. Сильный и неустрашимый, - это страшный враг в битве. Оружие его - шпага и кинжал; *шеллоков* может победить только кавалерия.

Амазирги населяют ту часть Марокко, которая простирается от Риффа до Тафилета в цепи Атласа. Эти горцы крепкого сложения; их легко узнать по белокурым волосам и отсутствию бороды. Странный контраст белизны их лица с темным цветом других марокканских племен замечается и в нравах. Неустрашимые охотники и неутомимые пешеходы, они любят охоту страстно, неистово. Вооруженные ружьем необыкновенно длинным, которое сын получает от отца, они никогда не расстаются с ним. Большую часть дня они гоняются за дичью своих гор. Как только достанут золота, серебра, слоновой кости, тотчас украшают ими свое оружие - самую главную их драгоценность.

Состарившись, амазирг становится пастухом и проводит дни на склонах гор, сидя в тени каменной глыбы или каких-нибудь кустов, случайно выросших в этих бесплодных областях; он грустно стережет свое стадо, которое щиплет траву в нескольких стах шагах под ним, в местах

обработанных или на плоскогорье, еще не опустошенном знойным солнцем.

Смелый турист, который может пробраться туда не иначе как с сильным конвоем, заметит там и сям, на высотах, человеческие силуэты, неподвижные близ пропасти, и издали примет их за изваянные каменные глыбы - последние допотопные остатки исчезнувших городов, а зубчатые скалы гор - за укрепления.

И шеллочки и амазирги с одинаковым отвращением платят марокканскому императору дань, которую он считает себя обязанным требовать от них. Но власть его над этими племенами скорее номинальна. Его марокканское величество, величающее себя повелителем правоверных, принужден прибегать к весьма странному способу, чтобы добиться чего-нибудь от этих горцев. Для этого он обращается к марабутам, которые занимают обязанности духовных гражданских и военных начальников. Святые особы не заставляют это повторять два раза и отправляются проповедывать не войну, а священный сбор... Надо послушать как они говорят по целым часам, примешивая к своим речам и архангела Гавриила, и Магомета; европейское красноречие чрезвычайно бедно в сравнении с теми трогательными и убедительными словами, которые слышатся в эту минуту в этих негостеприимных горах, удивленных такими ораторскими прельщениями. Поэтому сбор часто бывает успешен. Как только он окончится, благочестивый сборщик, успевший собрать неожиданную дань, берет, конечно, себе большую долю, а остальное вручает своему всемилостивейшему государю, который и удивленный, и обрадованный тем, что не совсем ограблен, награждает величайшими наследственными почестями верных уполномоченных. Марабут возвращается в горы, до будущей поры, радуясь успеху, достигнутому его ловкостью.

Мавры составляют другую часть, и, может быть, самую важную, марокканского народонаселения. Их бесспорно карфагенское происхождение избавило бы нас от труда описывать их, если бы мы не желали сообщить о них несколько подробностей, которые кажутся нам интересными для читателей.

Итальянский писатель Гемсо, очень в этом сведущий, описал их в трех строках:

«Все что есть самого гнусного и презренного в сердце человека присуще нраву этих африканцев».

Некогда римляне приписывали вероломство этим закоренелым врагам их племени и империи; потомки их вполне сохранили эту черту. Приведем один пример из тысячи, происходивший на глазах наших

путешественников. Однажды, когда они осматривали в Мекинесе старый султанский дворец, один мавр был осужден на казнь за убийство, в котором был уличен. Час казни приближался, когда один из друзей пленника решился вывести его из тюрьмы и спасти ему жизнь. Он пошел к тюремщику и сказал:

— Кадах (так звали тюремщика), вот двести золотых секинов; у тебя здесь Али-Ахмет, который убил Мегемета-Шиха, - мой самый дорогой друг... Помоги мне спасти его - и это золото твое.

— Можешь положиться на меня, - ответил Кадах, протянув руки, дрожавшие от алчности, чтобы заранее получить плату. - Нынешнюю ночь, как только луна исчезнет за Атласом, эти ключи возвратят Али-Ахмета твоей дружбе.

— Хорошо, Кадах, это золото твое!

Доверчивый друг Али-Ахмета спокойно вернулся долой приготовить верное убежище убийце после его освобождения.

Но едва только скряга Кадах спрятал в надежное место полученную сумму, как побежал к Могаммеду-бен-Азеру, брату жертвы Али-Ахмета:

— Нынешнюю ночь, - сказал он, - я должен выпустить убийцу твоего брата, и в три часа утра его друг Фаракхах уведет его к себе. Дай мне сто золотых секинов, я выпущу его часом ранее установленного времени, ты можешь встретить его на дороге одного и легко отомстить за смерть твоего брата.

При этом неожиданном предложении, обнаружившем гнусную измену Кадаха, Могаммед улыбнулся с глубоким презрением; но удовольствие иметь в своих руках убийцу брата одержало верх, и, не говоря ни слова, он бросил к ногам тюремщика просимую цену крови.

В назначенный час Могаммед подстерег пленника и убил его ударом кинжала в ту минуту, как несчастный, раскрыв объятия, думал, что бросается на грудь друга.

В тот час, когда луна исчезла за горами Атласа, по условию с тюремщиком, Фаракхах бросился встретить своего друга; но в нескольких шагах от назначенного места встречи, он споткнулся о труп Али-Ахмета... Он тотчас бросился к Кадаху и горько упрекал его в смерти пленника и в его низком вероломстве. Но Кадах, нисколько не смущаясь, ответил ему холодно:

— Я тебе обещал освободить твоего друга; я сдержал слово; не моя вина, если он не сумел защитить своей жизни от того, кто на него напал.

Мавры семитического происхождения и не имеют ничего общего с берберами. Их предки некогда покинули города Финикии, Палестины и

Аравии и поселились в африканских областях, занимаемых ими и ныне.

Но те, которые населяют берег Средиземного моря, переселились из Испании, потому что предками их были те мавры, которые укрылись на африканской земле изгнанные из Гренады.

Богатые и могущественные, они составляют аристократию в городах, и имеют право голоса в советах императорского правительства. Скупость их вошла в поговорку, и всеми их поступками руководит эта гнусная страсть. Приобретать сокровища и прятать их составляет цель их жизни. В молодости они вообще сильны и стройны, хотя малы ростом; беспечные и ленивые с годами толстеют. Зажиточные жители ведут самую приятную жизнь; встают с солнцем, туалетом не занимаются, потому что спят, не раздеваясь; чтобы молиться - ждут, пока муэдзин возвестит с мечетей час молитвы, повторяя пять раз в день одно и то же:

— Бог велик! Бог весьма велик! Свидетельствую, что нет другого Бога, кроме Бога! Свидетельствую, что Магомет пророк Бога. Идите на молитву, идите в храм. Бог велик! Весьма велик! Нет другого Бога, кроме Бога!

Но так как идти в мечеть значит отдалить час завтрака, то мавр молится у себя; потом, напившись кофе и поев сухих фруктов, делает верхом большую прогулку и возвращается к полудню. Он находит на своем столе, роскошно уставленном пилавом и другими национальными блюдами, множество свежих и сухих фруктов, самые разнообразные пирожные и варенья.

После этого обеда, мавры идут в мечеть; потом собираются в кофейнях, где проводят остаток дня. Вечером, после плотного ужина, бросаются на груды мягких подушек, и там, насытившиеся и усталые, засыпают до тех пор, пока голос муэдзина снова разбудит их.

При подобном образе жизни, умственной работы нет почти никакой в этих мозгах, у которых достает энергии только на то, чтобы предаваться самым постыдным излишествам. Такое умственное состояние удивляет мене, когда видишь, как мавританские мальчики, голый череп которых беспрестанно подвергающийся солнечному зною, приобретает необычайную толщину, бросаются друг на друга как бешеные козлы, сталкиваются головами и не прекращают этой грубой борьбы, прежде чем у обоих противников не будет сил продолжать ее. Только щит черепахи может сравниться в твердости с этими черепами, которые таким образом с юных лет приучаются выдерживать удары палкой и камнем.

Как только путешественник появляется на Танжерских улицах, толпа мальчишек предлагает ему за ничтожные деньги разбивать о свои головы кирпичи и бульджик, которые может раздробить лишь только молоток.

Для дополнения картины прибавим, что суеверие мавров еще превосходит их леность и жестокость. Они ужасно боятся злых духов и носят ладанки для предохранения от зловредного влияния. Какова бы ни была ваша национальность и религия, но если вам удастся приобрести дружбу мавра, он непременно навесит предохранительные ладанки на вашу одежду, занавеси вашей кровати, даже на ваши туфли. Действуя таким образом, он положительно убежден, что избавляет вас от бесчисленных злоключений. Так поступают даже самые разумные; по этому можно судить, в каком состоянии находятся другие.

У марокканского араба нравы более кротки, чем у мавра; он гостеприимнее и следовательно менее вероломен. Высокого роста, он носит короткие волосы, окруженные длинной повязкой в форме тюрбана. Арабы происходят от великих завоевателей, пришедших после римлян. В начале XVII столетия они прошли Гибралтарский пролив, заняли Испанию, и, продолжая свои завоевания, привили бы всей Европе мусульманскую культуру, если бы Карл Мартелл не разбил их в равнинах Пуатье.

Впоследствии, изгнанные и из Испании, они вернулись в Африку и поселились на берегах ее, где выстроили много городов, существующих и поныне. Горячие поклонники пророка, они хващаются, что говорят чистейшим языком Корана. Некогда они проповедывали новую веру с оружием в руках и покорили множество народов. Ныне марокканские арабы живут спокойно в своих деревнях, защищаясь всеми силами от нападений шеллотов, их отъявленных врагов. В каждой из этих деревень находится мечеть, которая служит храмом и училищем, и где талеб учит науке корана.

Многие арабы живут в палатках на горах, чтобы легче укрываться от денежных требований султана; они живут там, окруженные своими стадами; однако не могут избегнуть поземельного налога, и когда войска проходят мимо их деревень или кочевья, они обязаны их кормить.

Их легко узнать по белому хаику, с которым они не расстаются никогда. По своим пастушеским и вместе с тем воинственным нравам, они напоминают арабов йеменских, тип которых сохранили.

Евреи составляют четвертый элемент марокканского народонаселения. Они лишь терпимы там, и с них дорого берут за эту терпимость; не считая экстраординарных налогов, с них берут значительную ежегодную дань; они платят за все, даже за право носить башмаки, которые должны снимать двадцать раз в день, - перед мечетями, домами сантонов и знатных людей, они принуждены носить одежду черного цвета, очень презираемого маврами; им запрещено читать и писать по-арабски, так как они

недостойны знать божественный Коран Им запрещено также ездить верхом: лошадь - животное слишком благородное для них, - они могут ездить только на ослах и ишаках, и то еще должны платить за это право. Еврей не может подойти к колодезю, когда мусульманин утоляет в нем жажду, и будет жестоко наказан, если осмелится сесть в присутствии правоверного.

Вот на каких условиях их терпят! С ними обращаются не как с людьми, а как со скотами; загнанные в свой квартал и запираемые на ночь, как хищные звери, они живут под дисциплиной еврейского кадия, выбранного ими, но подчиненного шейку или старшине, выбранному султаном. Им дозволено свободное исповедание их религии, к которой они очень привязаны, и управление собственными законами. Они все говорят по-испански и происходят, по большей части, особенно береговые, от евреев, изгнанных из Европы, и главное из Испании, в разные эпохи средних веков. Однако в горах есть еврейские племена, поселившиеся там ранее времен христианства. Их называют, и они сами называют себя филистинами; живут они с амазиграми берберскими, которые не преследуют их так как мавры. Филистины признают только Ветхий Завет, к которому прибавляют некоторые халдейские парофразисы, - и другие евреи считают их еретиками. Одно время думали, что они происходят от саддукеев, но гебраисты отвергают это мнение.

Евреи утешают себя за оскорблений торговлей и берут хитростью то, что у них тираны вырывают силою. Как ни хитер, ни лукав мавр, еврей превзойдет его и проведет во всех сделках. Это единственное мщение, дозволенное ему, и он пользуется им немилосердно Ему всегда возвратится что-нибудь из дани, которую он платит; поэтому он покоряется; к тому же это для него необходимое условие существования.

Самые низкие страсти человечества: скопость и страх составляют отличительные черты этих несчастных; они носят неизгладимую печать их на лице и во всей наружности. Взгляд у них косой и тревожный, они скрывают страх, терзающий их сердце, под улыбкой, на которую неприятно смотреть

Еврей не говорит, а шепчет как пленник, который боится разбудить своих спящих палачей; не ходит, а скользит около стен, зорко подсматривая, внимательно подслушивая и шмыгает за все углы как вор, за которым гонятся. Часто он держит обувь в руке, чтобы делать как можно меньше шума, потому что больше всего боится привлечь к себе внимание; ему хотелось бы идти по облакам и быть невидимым. Если на него посмотрят, он ускорит шаги; если остановятся, он побежит. Он похож и на зайца, и на

шакала. Его безобразие какого-то особого свойства; черты его физически небезобразны, но верное зеркало его внутренней жизни, физиономия, имеет что-то неблагородное, грубое, чего нельзя определить, но что не нравится с первого взгляда и непреодолимо отталкивает. Надо видеть этот униженный народ, чтобы составить себе точное понятие о том, до чего может довести людей продолжительное притеснение. Разумная жизнь уже несколько веков погасла в этих несчастных существах; от человека у них остались только низшие инстинкты и грубые помыслы; никакая высокая мысль не может зародиться в этом окаменелом, если можно так выразиться, металлическом мозгу; ни одно великодушное чувство не заставляет биться эти медные груди. Деньги - их кумир, предмет их поклонения. Они поклоняются, как их предки, золотому тельцу.

Если следить за ними от прилавка до синагоги, их найдут везде похожими на себя; рабы обрядов, дух которых умер и смысл потерян, они смешивают все, - Моисея и каббалу, пророков и раввинов.

Любопытно, однако, что еврейские женщины избавились от физического вырождения, поразившего мужчин. Они столь же красивы, насколько те безобразны. Нигде не увидишь черт более совершенных, форм, более идеальных, - и спрашиваешь себя с удивлением, как такие отцы могут иметь таких дочерей и зачем такие очаровательные существа брошены на съедение таким чудовищам...

Красота евреек, как и безобразие мужчин, имеет свой оригинальный отпечаток: это восточный блеск, соединенный с европейской тонкостью, точка, на которой оба типа сходятся и сливаются. Черты их, не будучи ни греческими, ни римскими, походят и на те, и на другие.

У всех евреек прекрасные черные, пламенные глаза и кожа очень белая; они среднего роста, но стройны и хорошо сложены. Не будучи подчинены, как мужчины, однообразному костюму, они могли сохранить древнюю одежду. Эта богатая и блестящая одежда идет им чрезвычайно, она хорошо облегает формы и подчеркивает их красоту. Юбка - *фальдета*, яркого цвета, открыта внизу и украшена двумя широкими отворотами, затканными золотом и доходящими до колен; их корсаж - *пунта*, суконный или бархатный, также вышит золотом, и шнуруется на груди; на него они надевают казо - зеленый, красный или голубой жилет без пуговиц, свободно развевающийся. На маленьких голых ногах красные туфли. *Сфифа* - диадема из жемчуга, изумрудов и других драгоценных камней - надевается на лоб и достойным образом венчает эти грациозные головы. Молодые девушки носят волосы длинными косами; замужние обрезают их или прячут. Этот блеск, это золото составляют живописный контраст с

темным цветом мужской одежды. Однако, полиция не вмешивается в туалет евреек, она принуждает их наполовину открывать лицо, чтобы отличить их от мавританок, которые едва показывают глаза.

Еврейки выходят мало: они боятся оскорблений со стороны мусульман, которые всегда остаются безнаказанными; накажут не обидчика, а жертву - таково правосудие в этом kraю.

Малейший проступок еврейки, двусмысленный шаг, даже одно подозрение, наказываются кнутом, и эти наказания исполняются с возмутительной жестокостью. Мавританок втайне наказывает *арифа*; с еврейками же не церемонятся: солдат хватает их и счет на улице без стыда и жалости. Понятно, что, подвергаясь подобным обидам, они стремятся оставаться дома. Целый день занимаются они хозяйством и вышиванием, между тем как отцы, братья, мужья плутают и торгуют...

Таким образом, четыре расы, совершенно различные с этнографической точки зрения, разделяют между собой Мароккансскую территорию, и эти различия в происхождении, порождающие нравы, вкусы, привычки, наклонности, качества и пороки, также различны, - достаточно объясняют все преступления, все изменения, все перевороты, которыми наполнена марокканская история.

Все эти различные народы имеют, однако, одну связь: религию. Магометанство религия более чем государственная, более чем национальная, это исключительно религия марокканская, потому что христиан и евреев только терпят, и эта терпимость покупается дорогой ценой, и теперь было бы то же, что и в средние века, если бы марокканские султаны не боялись европейского вмешательства.

Как «потомок пророка», султан марокканский в то же время и духовный правитель, религиозный, неоспоримый начальник; отсюда его громадное влияние на его подданных. Можно даже сказать, что одно это более способствовало поддержанию престола султанов, чем сила их оружия.

Надо сознаться, что мусульманская религия, помимо нравов ее adeptov, носит печать величия в своей холодной простоте. Она говорит каждому правоверному: «Я не хочу алтарей, не хочу образов. Каждая человеческая совесть может прямо говорить с Богом; сам будь твоим священником, и пусть твое сердце будет алтарем, достойным Всевышнего».

Марокканский мусульманин так же верен своим молитвам и омовениям, как его меккский собрат, и, пожалуй он еще фанатичнее. В детстве он учился только корану, стихи которого читал под руководством талеба. После, смотря по своим способностям, он становится геометром - с

Эвклидом, астрономом - с Птоломеем и врачом - с Иппократом, а тайны физики должен ему открыть Аристотель; анатомия, естественная история и другие науки, объявленные излишними волею истолкователей корана, изгнаны из курса учения. Только желающему изучать астрологию позволяет отдаваться исследованиям над влиянием планет. Со временем эта почтенная наука сделает из него одно из самых важных лиц при дворе султана, который осыпляет его почестями и богатствами, и даже поручит управление общественными делами.

Религиозных сект в Марокко множество. Во-первых, - сантоны. Так называют довольно многочисленную категорию отшельников, которые живут или в окрестностях пустыни, или в отдаленных закоулках городов; это марокканские святые, и пользуются своей святостью при жизни. Особенно почитают их мавры; хотя между сантонами убежденных мало, а большинство актеров, но какова бы ни была категория, к какой следует их причислить, толпа выказывает им одинаковое уважение; им все позволяет, даже самые варварские поступки.

Один французский консул в Танжере испытал это на себе. В 1820 году он гулял по улице, когда один из этих безумцев, бросившись на него, нанес ему по голове сильный удар палкой, от которого он упал совершенно ошеломленный. Консул потребовал удовлетворения от султана Мулея-Солимана, который, с одной стороны, не желая навлечь на себя неприятности, охотно дал бы удовлетворение консулу, но, с другой, боясь оскорбить суеверную толпу, наказав виновного, - написал консулу письмо, которое должно считаться образцовым произведением восточной ловкости.

«Именем Бога Милостивого и Милосердного, нет могущества и силы иначе как с Богом Всевышним и Великим. Так будет в настоящем и будущем.

Консулу французской нации, поклон тому, кто идет по прямой дороге!

Так как ты наш гость, поставленный под наше покровительство, и консул великой нации в нашей стране, мы можем только желать тебе самого высокого уважения и величайшего почета. Поэтому ты поймешь, как нам показалось нестерпимо то, что случилось с тобою, если бы даже в этом был виноват самый дорогой из наших сыновей и друзей.

И хотя нельзя сопротивляться определениям божественного Провидения, мы не можем допустить, чтобы подобные вещи делались даже с самым гнусным человеком, даже со скотом. Поэтому мы не откажем тебе в правосудии, если угодно будет Богу.

Однако у вас христиан сердце исполнено сострадания, вы терпеливо переносите оскорблении, по примеру вашего пророка - Господь да

прославит его - Иисуса, сына Марии. В книге, принесенной вам от имени Бога, он приказывает вам: «Когда кто ударит в щеку, подставить другую». И сам - да будет он благословен от Бога - он не защищался, когда евреи пришли убить его; вот почему Бог взял его к себе. В нашей книге нам также сказано устами нашего пророка, что нет ни одного народа более близкого к милосердию истинных правоверных, чем те, которые зовут себя христианами! Это совершенно справедливо, потому что между ними есть священники и люди праведные, которые вовсе не горды. Наш пророк говорит нам еще, что не надо ставить в ви-ну поступки трех человек, именно: безумного, до тех пор, пока он не возвратит свой рассудок; ребенка и человека спящего.

А человек, который оскорбил тебя, безумный. Конечно, мы приказали, чтобы тебе было воздано правосудие за оскорбление. Если, однако, ты ему простишь, ты поступишь великодушно и будешь вознагражден Милосердным. Но если ты непременно хочешь, чтобы тебе была воздана справедливость на этом свете, это будет зависеть от тебя, так как в моей империи никто не должен бояться ни несправедливости, ни обиды с Божьей помощью».

Результат согласовался с желаниями султана: консул простил фанатика.

Между другими сектами в Марокко надо упомянуть о деркаунах, гиталах и фмачах, которых встречаешь везде: в городе, деревне, пустыне, всегда суетливых и в смешных костюмах; аизауа, или заговорщиков змей, - этих заговорщиков очень опасаются в краю, потому что, кроме того, они считаются способными портить людей, неугодных им. У этих аизауа есть в Феце большая община, где они собираются, чтобы заниматься своими тайными обрядами.

Однажды, когда Шарль Обрей оставил своих товарищей, чтобы собирать травы в провинции Су, он встретил группу этих заговорщиков змей. Они принадлежали к расе амазиргов. Троє были музыканты с инструментами из длинного тростника, проткнутого с обоих концов, в один конец они дули и производили печальные звуки, которые продолжали гармоническим образом.

Молодой врач пригласил заговорщиков показать ему их змей; они охотно согласились.

Сперва они подняли руку, как будто поддерживали книгу, шепча молитву покровителю заговорщиков. Кончив свое воззвание, продолжали музыку; главный заговорщик в неистовой пляске начал вертеться вокруг тростниковой корзины, в которой лежали змеи, покрытые козлиной

шкурой. Вдруг фокусник остановился, засунул голую руку в корзину и вынул оттуда очковую змею, которую называют в стране *бюска*. Заговорщик свертывает ее, развертывает, сгибает как кисею это зеленоватое и черное тело, свивает тюрбаном вокруг головы, продолжает плясать, - и змея сохраняет свое положение, по-видимому, повинуясь всем движениям и воле танцовщика. *Бюску* потом положили на землю, и, приподнявшись на хвосте - это положение она принимает на пустынных дорогах, чтобы нападать на путешественников - она начала качаться направо и налево, соответственно такту песни. Вертясь кругами все более и более быстрыми и все более и более сближавшимися, заговорщик опять засунул руку в корзину и вынул двух самых ядовитых пресмыкающихся пустыни Су - змей толще руки человека, длиною в три фута, блестящая и чешуйчатая кожа которых испещрена черными и желтыми пятнами, а укус пронзает жилы огнем, который сжигает; это вероятно *торрида дипсас* древних. Арабы называют этот род эль *еффах*, вероятно потому, что поза, которую эта змея принимает для того, чтобы броситься на свою добычу, напоминает форму двадцатой буквы арабской азбуки. Европейцы сделали из этого имени *леффах* - как из «эль корана» сделали «алькоран» - исказив член и соединив его с именем.

Обе леффахи, более горячие и менее послушные, чем *бюска*, держались, полусвернувшись, склонив голову на сторону, готовые напасть, и следили сверкающими глазами за движениями танцовщика. Как только он подходил к ним, они бросались на него, раскрыв челюсти и устремляя тело вперед с неимоверной быстротой, хотя хвост их не шевелился, и тотчас откинувшись назад, заговорщик с помощью своего длинного каика отражал нападения, направленные на его голые ноги, а леффахи как будто пропитывали его одежду своим ядом. Заговорщик потом схватил за затылок одну из двух змей и продолжал плясать; потом разделил эластичные и могучие челюсти пресмыкающегося палочкой и показал изумленному зрителю зубы, из которых сочилось белое и маслянистое вещество. Потом он протянул руку к леффахе, которая тотчас укусила его, между тем как плясун продолжал отвратительные кривляния, как бы в болезненной агонии, призывая своего святого покровителя. Пресмыкающееся продолжало кусать до тех пор, пока аизауа, оторвав его от своей руки, показал кровь, которая текла из раны. Положив на землю леффаху, он приложил рот к ране и, скав ее зубами, плясал еще несколько минут, тем как музыканты все ускоряли тант; выбившись из сил, он, наконец, остановился.

Убежденный, что находится перед искусственным фокусником и что у

леффахи уже заранее вынули ядовитые железы, так что ее укус не опаснее укуса крысы, молодой врач изъявил желание самому взять в руки змею.

— А вы разве ачзауа? — спросил житель пустыни. Су — или вы имеете непоколебимую веру в могущество нашего святого покровителя?

— Ни то, ни другое, — ответил Шарль Обрей,

— Если так, змея вас укусит, ваш час пробьет — сказал заговорщик. — Пусть мне принесут цыпленка или какое-нибудь другое животное, и я сейчас дам вам доказательство моих слов.

Молодой доктор купил курицу у кочевников, которые, присев на краю дороги, с любопытством смотрели на эту сцену, отдал ее заговорщику; тот вынул из нее несколько перьев, взял свою змею и дал ей укусить спину курицы. Бедная курочка, поставленная наземь, судорожно завертелась, зашаталась и упала мертвую. Почти тотчас ее тело приняло синий цвет, — и испуганный путешественник излечился от своего желания поиграть со змеей.

Факт этот не подлежит сомнению, и свидетели этих странных зрелищ расходятся только в одном: как это объяснить.

Все различные расы Марокко и многочисленные религиозные секты признают султана земным и духовным начальником; этот государь также судья и законодатель. Его свод законов — Коран, и во всех спорных пунктах он толкует его по-своему.

В известные дни в году султан сам принимает прошения от своих подданных и произносит безапелляционные приговоры. В провинции он передает свою судебную власть губернаторам, которые в то же время военные, гражданские администраторы и сборщики подати. Но на смерть они не могут осудить никого без воли султана. Смертная казнь, впрочем, редко применяется в Марокко, но когда применяется, то почти всегда самым гнусным образом. Возмездие составляет общее правило, из этого выводят, что осужденный за убийство должен умереть точно так, как его жертва. Незадолго до приезда доктора Шарля Обрея в Танжер, преступление, сделанное в обстоятельствах исключительных, позволяло ему самому изучать эти варварские нравы, которые уже несколько столетий исчезли из уголовных законов всех цивилизованных наций, и которые делают мусульман в наше время нравственным и историческим анахронизмом.

Мясник поспорил в своем собственном доме с богатым купцом и нанес ему в минуту гнева такой удар, что он повлек за собой немедленную смерть. Сцена эта не имела других свидетелей, кроме его невольника, и мясник, обеспечив себя его молчанием, стал думать о способах скрыть

дело. По утрам он продавал носильщикам и работникам на пристани куски говядины, поджаренные в оливковом масле. И вот он разрезал свою жертву и продавал тело кусками своим обычным покупателям.. Убитый был человек влиятельный, его родные, встревоженные его исчезновением, обратились к султану, который находился тогда в Танжере, и умоляли его отдать приказание отыскать пропавшего - мертвого или живого.

Султан издал приказ, обещавший сто золотых секинов тому, кто даст известие об Абдул-Касеме (так звали негоцианта). Кроме того, было обещано, что если это откроет невольник, то сверх денег он получит и свободу.

Невольник мясника не мог устоять против таких обещаний и рассказал все муҳтсибу или начальнику полиции, который тотчас велел препроводить его к кадию.

Мясник был немедленно арестован, и так как в Танжере, пока гам находился султан, никто не мог вершить правосудие, то султан сам составил приговор.

Этот приговор был страшно жесток. Убийца был осужден на смерть, и потомок пророка приказал, чтобы его тело было изрублено на мелкие куски палачом и отдано на съедение собакам, прежде поджаренное с маслом - так, как было сделано с телом жертвы...

Был дан приказ исполнить приговор немедленно. Палач - в Марокко есть палач, особый для всякого рода казни - приготовлялся уже нанести мяснику сильный удар палкой по затылку, - потому что именно таким образом был убит Абдул-Касем. Другой палач, который должен был выполнить вторую часть приговора, находился на своем посту; масло трещало на огне... Когда муҳтсиб представил на усмотрение кадия следующее возражение: «Эмир Эль-Муменин (повелитель правоверных) не объяснил в приговоре, произнесенном его мудростью, следует ли изрезать убийцу мертвого или живого».

Услышав эти слова, несчастный, участь которого решалась таким образом, начал дрожать всеми членами и умолять кадия решить вопрос в его пользу.

Судья послал просить императора объяснить его приговор. Посланый явился и объяснил, что убийца должен быть разрезан на куски живой. Беднягу привязали и страшный приговор выполнили немедленно.,.

Будь мясник богат, все произошло бы иначе, и он отделался бы большой пеней в пользу султана и большой суммой в пользу родных убитого. Тому, кто может заплатить - нечего опасаться в Марокко никакого телесного наказания.

Бедные, которые не могут платить из своего кошелька, обязаны подвергаться наказанию; судя по важности преступления, их бьют бычачьей жилой; наказание может доходить до девятисот девяноста девяти ударов, но никогда до тысячи. Ворам обыкновенно отрубают руку.

Низшие агенты казначейства часто прибегают к пыткам, чтобы заставить тех, кого они считают богатыми, платить требуемые налоги.

В Марокко, как на всем Востоке, все, имеющие дело с государственной казной, прежде думают о своей доле; жестокость сборщиков не знает границ, когда они обращаются к евреям, которых не защищают ни закон, ни нравы. То они сажают своих жертв в печку, которую постепенно нагревают до тех пор, пока те не согласятся заплатить наложенную на них сумму; то их сажают в деревянный футляр, оставив на свободе одну голову, а возле них ставят невольника, который должен колотить им лицо саблей, каждый раз, как несчастные задремлют.

Но иногда случается, - когда сборщики податей чрезмерно обогалятся этими средствами, - что султан поступает с ними так же, дабы заставить их возвратить неправильно взятое.

Однажды, когда доктор Шарль Обрей находился в Рабате, куда по приглашению эль-Темина он поехал изучать по прибытии каравана воспаление глаз, - страшную болезнь, которой путешественники по Сахаре опасаются больше всего, Хоаквин, которого ему дали в спутники, пришел сказать доктору, что мухтсиб (начальник фецеекой полиции) послан султаном заставить сборщика податей провинции возвратить награбленное; и этот мухтсиб, по приезде начал свое дело мастерски.

Назвав вероломному агенту сумму, возвратить которую приказал ему султан, и получив по обыкновению уверение в бедности, а не деньги, он велел запереть его в клетку, где находился лев, не евший со вчерашнего дня, и приковать таким образом, чтобы лев не мог достать до сборщика, пока тот стоит прижавшись и не делая ни малейшего движения.

Это приключение занимало в ту минуту весь Рабат, и Шарль Обрей в сопровождении своего чичероне последовал за толпой к этому зреющим. Осужденный был человек, известный своей редкой энергией. Он объявил, что Аллах докажет его невиновность, и что лев будет побежден в этом поединке. Он знал, что закон и обычай воспрещали предавать мусульманина смерти из-за денежного вопроса: следовательно он был уверен, что его не заморят голодом, и что он должен опасаться только когтей льва.

Когда доктор подошел к клетке, которую мухтсиб велел перенести на главную площадь Рабата, пытка длилась уже два дня. Накануне лев только

бешено прыгал до самого конца своей цепи, чтобы постараться схватить свою жертву; но теперь зверь, убежденный в бесполезности своих усилий, лег, вытянувшись, как можно дальше по направлению к каиду. Надо было видеть с какой свирепой алчностью глядел он на него, раскрывая и закрывая свои большие глаза, как будто заранее вкушал удовольствие, с каким его сожрет... Бен-Аис - так звали каида - стоя неподвижно в углу клетки, ухватившись левою рукою за решетку, чтобы поддержать себя в утомительной позе, которую вынужден сохранять, из хвастовства осыпал льва оскорбительными названиями.

Так продолжалось еще два дня. Лев, побуждаемый голодом, все делался страшнее, и каид, которому одна минута дремоты доставила удар когтями, разорвавший ему икру, наконец, уступил, побежденный не страхом, а сном. Он заплатил сумму, назначенную ему, и сохранил не только свое место, но все привилегии, связанные с ним.

Коран запрещает всякому мужчине налагать руку на женщину, и поэтому в каждом Марокканском городе есть палачиха, называемая в насмешку *ахрифа*, то есть снисходительная. Но справедливость требует сказать, что здесь жалуются властям на женщин только в последней крайности.

— Я в Марокко уже двадцать лет, — сказал Хоаквин доктору, который собирал у него все сведения об этих странных обычаях, — но видел казнь женщины только один раз ахрифа отрубила ей голову ятаганом со всем проворством записного палача.

— Женщина не создана для подобного ремесла — ответил доктор, — я полагаю, немногие добиваются чести занять этот пост.

— Напрасно вы это думаете, сеньор: ахрифы очень уважаемы в Марокко, притом они находятся под покровительством пророчицы Аэши.

— Это что еще за женщина?

— Вы требуете от меня новой экскурсии в область исторической легенды, — напыщенно сказал бывший студент Саламаннского университета.

— Сеньор Хоаквин хочет заставить себя просить?

— Нет, сеньор, я повинуюсь вам. Аэша — дочь меккского патриарха Абу-Бекра. Магомет, который хотел привлечь на свою сторону этого человека, очень влиятельного в своем племени, сватался за его дочь, еще ребенка; брак был отложен, и Магомет взял ее своей второй женой, когда ей минуло пятнадцать лет. Магомет нежно любил ее всю жизнь, и она сопровождала его во всех его путешествиях. По возвращении с войны, которую он вел с мольташиками, Аэша потеряла свое ожерелье и,

отыскивая его, осталась позади войска; мусульмане, встретив ее верблюда, отвели его в лагерь, думая, что жена пророка находится в носилках, которые нес верблюд. Не найдя своего верблюда, Аэша пришла в глубокое отчаяние. Ее встретил в этом состоянии молодой араб по имени Сован, который посадил ее на своего верблюда и привез в лагерь.

Увидев, что она возвратилась из пустыни с молодым воином, подозрительные арабы обвинили в неверности жену своего пророка. Она даже была принуждена защищаться перед самим Магометом. Но ее отец, Абу-Бекр, и ее супруг признали ее невиновность.

Когда Магомет почувствовал приближение кончины, он удалился к Аэше, не желая, чтобы кто-нибудь другой, кроме нее, был свидетелем его последних страданий.

После смерти пророка она способствовала удалению с калифского престола Али, которому не прощала совет, поданный им Магомету, допросить ее служанку, когда распространили сомнение в ее супружеской верности. Аэша удалилась в Мекку, где собрала всех врагов калифа и отправилась оттуда с многочисленным войском под командою Талаха и Зобеира. Овладев Баской, она дала сражение Али. Но в начале битвы Талах и Зобеир были убиты, и Аэша, которая на своем верблюде ободряла сражающихся, попала во власть Али, который окружил ее уважением и даже дал пятьдесят женщин прислуги. Он велел отвезти ее в Мекку, где она и умерла. Мусульмане назвали ее пророчицей и поставили в число четырех несравненных женщин, появлявшихся на земле.

— Все это очень интересно, сеньор Хоаквин, и доказывает, что вы прежде с любовью занимались вашими учительскими обязанностями. Но признаюсь, я не вижу, почему ахрифы взяли Аэшу в свои покровительницы.

— Подождите конца. Пока жена пророка жила в Мекке, к ней со всех сторон приходили спрашивать толкования трудных мест корана. Вот однажды, когда женщина была присуждена к телесному наказанию, Аэша не допустила, чтобы приговор исполнил мужчина, и с той поры начинается происхождение ахрифа.

Власть султана в Марокко не ограничена, он самовольно распоряжается жизнью и имуществом своих подданных; но во всем, что близко или далеко касается предметов религиозных, он раб предрассудков своих подданных. Его называют: Эмир эль-Муменин - государь правоверных; Шериф, - то есть знатнейший Мулана - первый вельможа; он может зажечь свою империю со всех четырех сторон, если ему придет фантазия, но предсказания фанатика имама часто было достаточно, чтобы

лишить его престола. Справедливо, что деспоты часто делаются сами жертвами способа своего правления.

В VII или VIII столетии Марокко подвергся вторжению арабов и еще теперь находится под владычеством государя этой расы.

Семь династий одна за другую занимали престол.

1. Династия Эдриситов, имевшая основателем Эдриса, потомка пророка через Али, его зятя, насчитывающая восемь государей, - от 789 до 919.

2. Династия Фатимидов, имевшая основателем эль-Мохади и насчитывающая четырех государей, - от 919 до 972.

3. Династия Зейридов, имевшая основателем Юссефабен Зейри и насчитывающая девять государей, - от 972 до 1148.

4. Династия Альморвидов, имевшая основателем Абу Бекр бен-Омара и насчитывающая девять государей.

5. Династия Альмогадов, основанная Могаммедом Абдаллахом бен-Томратом и насчитывающая четырнадцать государей.

6. Династия Меринитов, имевшая основателем Абдуллу Яя бен-Меринга и насчитывающая семнадцать государей.

7. Наконец, царствующая династия, имевшая основателем Мулея Али.

История этих различных династий и переворотов, помещавших их на Марокканский престол, могла бы быть написана кровью. Около половины государей, царствовавших в этой части Африки, кончили жизнь насильственной смертью. Нет, может быть, уголка земли, на котором венценосцы совершили бы столько преступлений.

Несколько примеров достаточно покажут жестокость этих государей. Сын Мулея Измаила возмутился против своего отца вследствие каких-то серальных интриг; но его войска были побеждены, а он подвергнут жестокому наказанию. Когда он просил отца простить ему, неумолимый Измаил погрозил ему своим копьем, и сам присутствовал с величайшим хладнокровием при мучениях сына, которого очень любил; он приказал двум служителям схватить его, а палачу отрубить ему руку. Тот отказался, говоря, что предпочитает смерть святотатству: он не дерзнул обагрить свою руку в крови пророка.

Султан, раздраженный этим благородным отказом, сам отрубил голову палачу и велел позвать другого, которого принудил исполнить свой приговор. У Могамета бен-Мулея отрубили правую руку и ногу.

— Ну, негодяй, — сказал ему тогда Мулей-Измаил, — признаешь ты своего отца?

Сказав эти слова, он взял ружье и убил палача, который изуродовал его

сына. Несмотря на свои страдания, Могамет не мог не упрекнуть отца в страшной непоследовательности государя, равно убивающего того, кто отказывается и кто соглашается исполнять приказания.

Изуродованные члены несчастного принца окунули в жидкую смолу, чтобы остановить кровотечение, и султан, орошенный кровью своего сына, приказал своим стражам отвести его в Мекинес; несчастный умер через тринадцать дней после страшных мучений. Отец, терзаемый угрызениями совести, чтобы загладить свое преступление насколько возможно, воздвиг ему богатый мавзолей. Но потомство сохранило мрачное воспоминание об этом варварском поступке.

Внук этого самого Мулея-Измаила Аршид был сумасшедший, находивший наслаждение в самых бес смысленных жестокостях.

Однажды один из его каидов расхваливал в публичном заседании мудрость повелителя правоверных и говорил, что в его царствование все дороги так же безопасны, как и ограда того судилища, где султан в эту минуту оказывал правосудие.

— Как ты можешь это утверждать? - сказал ему Аршид резким тоном.

— Эмир! - отвечал каид, - сегодня утром, когда я шел к тебе, я нашел мешок с орехами, до которого не дотронулся никто...

— А почему ты знаешь, что в мешке были орехи? - продолжал император.

— Я дотронулся до него ногою, - ответил каид.

— Пусть ему отрубят ногу в наказание за его любопытство, - тотчас приказал султан.

Аршид часто повторял:

— Мои подданные не имеют другого права на жизнь, кроме того, которое я им даю, а я не имею большего удовольствия, как убивать их самому.

Однажды пьяный еврей нечаянно вошел в мечеть; чтобы избегнуть смерти, он изъявил желание сделаться мусульманином; но на другой день имел неблагоразумие передумать; губернатор Феца, где это происходило, немедленно дал об этом знать султану, который ответил:

— Пришлите мне голову этого еврея в мешке, наполненном солью.

В другой раз он убил двух марабутов, выдававших себя за святых:

— Вы не святые, - сказал он им, - вы самозванцы и, пользуясь суеверием народа, пришли сюда шпионить.

При этих словах он выстрелил в каждого из ружья и поверг их мертвыми к своим ногам.

Один почтенный сантон сказал ему однажды, что его образ жизни

противен закону Магомета.

— Пророк, - прибавил он, - приказал мне сам прийти к вам с этими увещаниями от его имени.

— А святой пророк, - спросил Абдаллах, - сказал ли тебе, как я тебя приму?

— Он сказал мне, - ответил сантон, - что вы будете тронуты тем, что я вам скажу, и извлечете из этого пользу.

— Пророк обманул тебя, - сказал султан и убит сантона из ружья, не позволив даже похоронить.

— Бросьте его на улицу, - сказал он своим придворным, которые спрашивали его, что делать с трупом, - это пища для шакалов и собак.

Один каид, виновный в неповиновении, приехал в Мекинес умолять императора о милосердии; Аршид велел отрубить ему голову, а потом приказал пригласить на обед офицеров, провожавших этого каида, и положить на блюдо эту голову еще в крови, чтобы запечатлеть в их памяти наказание, которому он подвергал мятежников.

Начальник его черной гвардии принял сторону Мулея-Могамета, соперника, оспаривавшего у него престол, был побежден и укрылся в мечети, пользующейся: правом неприкосновенного убежища.

Солдаты умоляли об амнистии своему генералу, и султан даровал это прощение клятвенно, но с одним условием, - что он приедет повергнуться перед ним ниц и покаяться.

Генерал, не вполне полагаясь на слово своего повелителя, согласился выйти из своего убежища не иначе, как завернувшись в святой покров, который делал его таким же священным для всех, как если бы он не выходил из мечети. Он явился к императору в этом одеянии. В ту минуту, когда он распростерся перед Аршидом, султан почтительно поцеловал покров и, быстро сорвав его с плеч генерала, воткнул свое копье в тело несчастного.

Другой султан Мулей-Ахмет не имел препровождения времени приятнее, как сажать на кол своих министров, офицеров или слуг, и сопровождал это жестокое зрелище, на которое приглашал своих приближенных, самыми отвратительными шутками.

Среди всех этих гнусных личностей, едва найдется одна или две, которые могут не подвергаться осуждению потомства. Мулей-Солиман, современник Наполеона, заставляет несколько забывать все преступления своих предшественников.

Благодаря искусной и примирительной политике, он сохранил мир в своей империи среди самых трудных обстоятельств и борьбы, заливавшей

кровью Европу более четверти столетия.

Напрасно Наполеон несколько раз старался заставить его нарушить нейтралитет, - он отвечал с величайшей твердостью:

— Я никогда не отступлю от нейтралитета, которого держусь относительно всех христианских государей.

Это был не только лучший государь царствующего дома нынешних шерифов, но и всех династий, оспаривавших марокканский престол.

Лицо его носило отпечаток доброты, и он всегда строго согласовывал свое поведение с законами пророка; и ничто в его поступках и в его наружности не отличало его в религиозных церемониях от самого смиренного из его подданных. Он был чрезвычайнодержан и довольствовался пищей, приготовляемой для его солдат.

Его последний поступок был согласен со всей его жизнью. Он вступил на престол только потому, что его брат Хишем, почти идиот, был неспособен к правлению. Почувствовав приближение кончины, он прямо объявил, что занимал престол только временно и что корона по праву принадлежит Абдер-Раману старшему сыну его брата.

В царствование этого последнего государя, Марокко выдержал войну с Францией за покровительство, оказываемое Абд-эль-Кадеру, явившемуся туда проповедывать священную войну и набиравшему там войско, чтобы начать опять борьбу в Алжире. Эта война началась бомбардированием Танжера и Могадора и кончилась поражением при Исле, уничтожившим навсегда надежды знаменитого алжирского агитатора.

Абдер- Раман личность вовсе не воинственная; он наследовал мирные чувства своего дяди и любил иностранцев; он никогда не сердился на французов за свое поражение и всегда принимал их при своем дворе с особыенным почетом.

Таковы исторические, этнографические и анекдотические подробности, которые можно было собрать об этой стране, столь близкой к Европе по своему географическому положению и столь далекой от нее по своим нравам. В ней наши путешественники жили два года для успеха планов эль-Темина, изучая арабский язык, привыкая, посредством экскурсий, к великой пустыне, стараясь хорошенько узнать все обряды мусульманской веры, носить одежду сагарских кочевников, загорая от жаркого климата - словом, приготовляясь всеми возможными способами к своей экспедиции в Песчаный Город.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЕСЧАННЫЙ ГОРОД. - ТАЙНА ЭЛЬ-ТЕМИНА

ГЛАВА I

Караван

Два года, которые еще оставались по приезде доктора для срока, назначенного эль-Темином, прошли. Эль-Темин почти не выезжал уже из Квадратного Дома; уже несколько месяцев он проводил время в продолжительных совещаниях со своими друзьями; приближалась минута принять энергичное решение. Барте торопил каждый день; это продолжительное ожидание чрезвычайно волновало его.

— Любезный друг, — часто говорил ему эль-Темин, — я поклялся, что мы все вернемся здравы и невредимы из этой безумной экспедиции; не осуждайте же меня за то, что я принимаю всевозможные меры; к чему бросаться туда очертя голову? Мы рискуем оставить там наши кости, и тогда наша клятва не будет исполнена...

Молодой человек обыкновенно соглашался с этими доводами, выполненными здравого смысла, потому что он не обманывал себя насчет успеха экспедиции, предпринятой необдуманно. Несмотря на это, он, если бы был один, давно уже отправился бы в Тимбукту.

Доктор же провел два года, самые счастливые в своей жизни; он знал Марокко во всех мелочах и прибавил к своей исторической и этнографической жатве самое полное изучение флоры и фауны страны. Под его руководством благородный наследник Барбозов сделался искусственным препаратором; в свою очередь, мажордом сделал своего учителя сведущим в арабском языке. Уже около года они говорили между собою только на этом языке.

Вся часть южной стороны Квадратного Дома примыкала к наносной земле, которая когда-то составляла нечто вроде висячих садов; доктор велел приподнять поддерживавшие эту землю стены, и успел собрать в этом тесном пространстве самые лучшие виды мароккских растений, именно тех, которые составляли отличительную принадлежность страны. Там находилась *опунция вульгарис*, очень распространенная на всех берегах Северной Африки, ее плод, который арабы называют *кермузен-насрам* (христианская фига), очень освежителен; фиговые, миндалевые, оливковые деревья; *рассул*, которые употребляют марокканские кожевники для

приготовления своих чудных кож; *туйя* - конопля, производящая гашиш; водяной лотос, для которого доктор велел устроить особый бассейн, *ююба лотос*, за которым он нарочно ездил в Атласские горы; *коббаица*, которую арабские врачи считают лучшим средством от лихорадки; колоквант с песчаных берегов Агадира и Уед-Нуна; атласский *сурнаг*, в соке которого доктор нашел прекрасное успокоительное средство; *терфец*, корни которого дают громадные шишки, достигающие иногда величины арбуза и похожие на патаг; гумминосная петрушка, доставляющая нашатырную камедь; *лавзония*, которую женщины употребляют, чтобы придавать своим рукам и ногам красивый оранжевый цвет; ливанский кедр; разные виды можжевельника; сосна; пробковое дерево; дуб со сладкими желудями, плоды которого имеют вкус каштанов, - их отправляют в большом количестве в Испанию, особенно для дам, которые очень до них лакомы; финиковая пальма, арабская *некла*, плоды которой чрезвычайно полезны для караванов, могущих питаться ими целые месяцы; малорослая испанская пальма, одно из полезнейших растений Марокко: ее встречаешь повсюду; дорогою погонщики верблюдов и мулов срывают листья и плетут из них веревки, из них также делают корзины, шляпы или мешки для зерна.

Библиотека и гостиная доктора превратилась в настоящий музей, где встречались чучела животных всей страны: лев, медведь, гиена, шакал, лисица, вепрь, носорог, которого доктор убил в провинции Су с берберийскими охотниками, антилопы, газели, обезьяны и сахарские страусы...

Хамелеоны, змеи и вообще пресмыкающиеся животные имели своих представителей возле аистов, всех голенастых и хищных птиц, которыми изобилует Марокко.

— Ах, мой бедный Хоаквин, - сказал в одно утро доктор, с задумчивым видом осматривавший все это богатство, - скоро придется расстаться со всем этим.

— Что вы говорите, ваша светлость? - ответил с удивлением кастилец, которого доктор никак не мог приучить употреблять более простое обращение, - разве вы хотите оставить Танжер? Вернуться во Францию, может быть? Не надейтесь оставить меня здесь: потомок Барбозов похож на зайца: он хочет умереть там, где привязается.

— Как, вы поехали бы со мною, Хоаквин?

— В самые недра земли.

— А если бы со мною вас ждала верная смерть?

— Слишком был бы счастлив кончить жизнь на глазах вашей светлости и, может быть, защитить вас моим телом, - продекламировал старый испанец тем мелодраматическим тоном, который, по крайней мере,

у испанцев не исключает настоящего мужества.

Доктор улыбнулся.

— Вам нечего бояться ни того, ни другого... Но мне приятно знать, что я могу положиться на вас.

— Разве мы опять переоденемся кочующими арабами и снова пустимся странствовать по Уед-Нуну, Тафилету или Атласу?

— Не знаю.

— А знаете ли, ваша светлость, что мы играем в опасную игру, выдавая себя за мавров среди всех этих людей?... Если бы нас узнали, когда мы осмеливались входить молиться в мечеть, нас изрубили бы на куски; к счастью, мы так хорошо вошли в нашу роль, что нас всегда принимали за мусульман.

— Я скоро сообщу вам какие-нибудь новости, Хоаквин; не думаю, чтобы мы долго остались в Танжере.

— Я поеду, куда бы вы ни повезли меня.

— Скажите мне, Хоаквин... вы помните разговор, который мы имели, когда я сюда приехал, о таинственных поступках жителей Квадратного Дома?

— Помню очень хорошо!

— Вы ничего не замечали после того?

— Ничего особенного. Все, что было бы странно в другом месте, здесь очень обыкновенно.

— Кунье и Йомби ничего при вас не говорили о планах своих господ, не упоминали вам о предстоящем продолжительном путешествии?

— Никогда!

— Словом не сообщали вам ничего?

— Ничего... Раз двадцать, после возвращения обоих негров, - одних или с их господами, - я спрашивал, откуда они приехали. Кунье всегда отвечал мне сухим тоном: «Не знаю», а Йомби всегда посмотрит на меня с лукавым видом и скажет: «Я по-французски не говорить и вашего вопроса не понимать. Спросить у господина Темина».

— Это хорошо! Эль-Темин умеет выбирать людей.

Вечером после этого разговора было продолжительное совещание, к которому доктор был допущен только в конце. Был назначен день отъезда. Сам эль-Темин после тщательного обсуждения не нашел нужным отменить ни одной меры или принять новые предосторожности. Барте говорил по-арабски и поддерживал прения о Коране как марабут; он даже вступил в секту аизауа, во время путешествия в пустыню Су. Эль-Темин очень хорошо понимал обычное наречие караванов, и стоило послушать,

как доктор говорил с Хоаквином по-арабски и на трех или четырех сахарских наречиях, которых понимали в Тимбукту! Он имел такие удивительные способности к языкам, что уже полгода тому назад мог бы отправиться к берберам, шеллокам, амазиграм, арабам или маврам; все, — когда он надевал их национальный костюм, принимали его за своего земляка. Нигер, по которому путешественники должны были возвратиться, был измерен более чем на пятьсот миль выше Яури; только пора дождей принудила «Ивонну» вернуться в море, Туаре, капитан и Йомби брались довести шхуну до Тимбукту. Словом все было готово, и благоразумие требовало, если уж экспедиция была решена, не откладывать ее больше. Туаре и Йомби, призванные в этот вечер на совет, возобновили свои уверения и подкрепили свои слова тем, что видели суда, возвращавшиеся из Тимбукту, которым была нужна такая же глубина как и «Ивонне». Они получили приказание сняться с якоря завтра и ровно через три месяца стать на якорь в Нигере, как можно ближе к Тимбукту. Им было приказано, идя по реке, осыпать подарками всех прибрежных владельцев и начальников и сдружиться с ними на случай, если путешественников будут преследовать на обратном пути. Йомби сверх того получил какое-то особое поручение.

«Ивонна» была вооружена четырьмя гаубицами и шестью пушками, заряжающимися с казенной части; следовательно, она могла защищаться в случае надобности. Она везла более чем на миллион товаров, назначенных в подарки.

Кунье оставался с караваном. Когда Йомби, простившись со своими господами, обернулся проститься с Кунье, необыкновенное волнение овладело обоими неграми. Они несколько минут пожимали друг другу руку, обменялись долгим взглядом; старые слуги поняли друг друга, и Йомби, прося беречь господ, произнес слова, заставившие вздрогнуть его друга;

— Амбей денанион сетатон доверен Иман.

Эти слова на языке негров вероятно относились к настоящей цели начинающегося путешествия, потому что, когда Барте услыхал их, глаза его наполнились слезами, и даже эль-Темин не мог скрыть своего волнения.

Потом были призваны оба мавра, уже бывшие в Тимбукту с караваном шеллоков и занимавшие в Квадратном Доме должности метрдотеля и повара, и эль-Темин сказал им без всяких предисловий:

— Через неделю мы едем в большой город Джолибы; хотите ехать с нами и служить нам проводниками?

Оба мавра переглянулись с глубоким изумлением.

— Вы колеблетесь?

— Нет, - ответил один из них по имени Бен-Абда, - мы не колеблемся, но каким образом ты, столь же могущественный как эмир эль-Муменин, мог вздумать ехать в город, где не в безопасности даже жизнь правоверных?

— Что тебе за нужда? Отвечай на мой вопрос.

— Мы поедем в Тимбукту с эль-Темином; только мы попросим позволения отнести к нашим родным, живущим на Атласе, все золото, которое накопили здесь, потому что мы никогда не увидимся с ними.

— Почему?

— Потому что мы все будем убиты.

— Не видишь ли ты какого-нибудь способа избежнуть этой опасности?

— Можно попытаться, но за это нельзя взяться только за неделю. Если бы ты и все твои говорили по-арабски, если бы так же, как негры, привезенные тобою с юга, вы все сделались мусульманами, если бы вы могли присоединиться к каравану, - тогда я сказал бы тебе: «Отправимся в Песчаный Город, может быть мы вернемся». Но без всего этого я могу только молчать... Это значило бы вести тебя на смерть... Ты предупрежден; теперь знай, что мы будем тебе повиноваться.

Во все время как Бен-Абда говорил, сияющее лицо эль-Темина как будто говорило доктору и его другу: «Видите, как я был прав, сдерживая ваше нетерпение».

— Итак, решено, - продолжал эль-Темин, обращаясь к обоим маврам, - вы соглашаетесь служить нам проводниками до Песчаного Города?

— Мы дали слово.

— Вот Коран, готовы вы поклясться?

— Готовы!

— Хорошо! Повторяйте за мною следующие слова: «Именем того, кто единий Бог, потому что другого

Бога, кроме него нет.

Именем Магомета, который есть единственный пророк, потому что другого пророка, кроме него, нет.

Мы клянемся провожать и служить проводниками в Тимбукту эль-Темину и всей его свите, оставаться им верными и защищать их ценою нашей крови. Пусть это будет под опасением вечного проклятия! «

Бен- Абда и его товарищ Бен-Шауиа повторили эту клятву слово в слово, положив руку на священную книгу.

— Аллах слышал ваши слова, - сказал с важным видом эль-Темин. - Теперь, вот награда, назначаемая вам.

Он подал каждому чек на сто тысяч франков в банк Соларио Перейра.

— Вы можете получить эти деньги, — продолжал он, — только если мы вернемся здравы и невредимы; но вы можете тотчас навести справки у банкиров и узнаете, что эта сумма, положенная с нынешнего дня на ваше имя, будет вам выплачена с процентами, в тот самый день, как мы вернемся в Танжер. Ступайте и до нового приказания продолжайте вашу службу; а главное, — ни слова никому об этом путешествии!

Оба ушли, важно поклонившись, как вошли. Радость наполняла их сердце, но так как они не были рабы, то чувство собственного достоинства не позволяло им выражать свои чувства перед посторонними.

Только что они вышли, как эль-Темин сказал, улыбаясь:

— Вот два молодца, готовые дать себя изрубить в куски за нас; но я гораздо более полагаюсь на награду, ожидающую их у Соларио, чем на клятву, которую они произнесли над кораном.

В ту минуту когда они переступали за порог комнаты эль-Темина, Барте подошел к Шарлю Обрею и сказал, взяв его за руку:

— Благодарю, доктор, за вашу преданность делу, чуждому для вас... Когда я смогу откровенно говорить, вы увидите, что нельзя подвергать опасности свою жизнь для дела более священного...

На другой день все негры под начальством Кунье, отправились в Тафилет купить верблюдов, необходимых для каравана, и принять разные товары, которые эль-Темин отправлял через своих европейских корреспондентов. Эти приготовления в Танжере не прошли бы незаметно, в Тафилете же они были естественны, потому что из этого города, находящегося на границе Марокко и великой пустыни, все караваны обыкновенно отправлялись в Судан и Тимбукту.

Когда все было готово, эль-Темин поручил караул Квадратного Дома двум невольникам из Конго, неподкупную верность которых знал. Он отдал им запечатанный конверт, заключавший последнюю волю его и его двух спутников, приказав неграм отдать этот конверт французскому консулу, если через два года никто из них не вернется. Хоаквин сделал то же на случай, если в Испании еще найдется наследник благородного рода Барбозов.

Искусно переодевшись арабами пустыни, три европейца, бывший мажордом и мавританские служители оставили в одну прекрасную ночь Квадратный Дом. Никто в Танжере не должен был подозревать, какой цели хотели они достигнуть. Два караульных, оставшихся в Касбахе, должны были распространить слух, что они отправились в Европу на несколько месяцев.

Шесть путешественников имели превосходных лошадей: эль-Темин и

его два товарища ехали на великолепных арабских лошадях из конюшен султана, купленных за громадную сумму; оба мавра и Хоаквин - на лошадях атласских, не знающих усталости и выносливых как верблюды. Решение ехать на лошадях по громадной пустыне, расстилающейся от Марокко до Нигера, часто обсуждалось с тех пор как день отъезда был назначен; мавры, основываясь на том, что целые караваны умирали с голода с верблюдами среди песков, объявили это невозможным.

— Потребуется особый верблюд, для того чтобы нести пищу и воду для каждой лошади, - говорил Бен-Абда. - Да и то, так как от Тецакента до Тимбукту нужно идти две недели, не встретив воды, почти наверно придется бросить лошадей.

— Ну! - ответил эль-Темин, державшийся за свою мысль, - у нас будет два верблюда для каждой лошади, но мы возьмем наших лошадей в Тимбукту.

Так как все знали, что владелец Квадратного Дома нелегко откажется от мысли, зародившейся в его голове, то никто не стал отговаривать его.

Когда маленький отряд спустился шагом с касбахского холма, Шарль Обрей обернулся и, заметив силуэт Квадратного Дома, возвышавшегося над спящим Танжером, почувствовал слезы на своих глазах.

— Прощайте! - сказал он про себя. - мои милые коллекции, мои арабские рукописи, собранные с таким трудом; прощайте, мои мирные учёные занятия! Может быть, я никогда к вам не вернусь!

Потом, вспомнив, что страны, по которым он будет проезжать, еще никем не изучены, что он один на свете и, следовательно, находится в лучшем положении для подобной экспедиции, он сел крепче в седло и прошептал, как древний муж:

— Alea jacta est! [5]

Пришпорив свою лошадь, он догнал караван, который опередил его на несколько сот шагов.

Лошади тихо ржали при свежем ветерке, дувшем с моря; с нетерпением подчинялись они тихому шагу и рвались вперед. Проехав городские ворота, эль-Темин завернулся в свой бурнус и, наклонившись к шее лошади, протяжно свистнул. При этом знакомом звуке благородные животные, по-видимому, только ждавшие сигнала, помчались по равнине, расстилавшейся необозримо перед ними, по направлению к Фецу, - арабские лошади впереди, а атлаские - за ними. Мало-помалу, разгорячась, они мчались все быстрее, и тот, кто увидал бы, как они несутся в ночной темноте, подумал бы, что присутствует при какой-то фантастической скачке призраков.

Они мчались таким образом несколько часов, пока небо не начало белеть на востоке. Аврора рассеяла темноту, и первый луч солнца засиял на небе по направлению к Атласу, снежные вершины которого немедленно окрасились пурпуром и золотом.

— Стой! Слезай с лошадей, — сказал по-арабски мужественный голос эль-Темина.

Все повиновались, и прежде чем мавры, уже спрашивавшие себя с беспокойством, дадут ли им время помолиться, опомнились от удивления, они услыхали как Барте, на котором была одежда марабута, затянул гнусливым тоном традиционное возвзвание:

— Аллах! Аллах, руссул Аллах. Нет Бога кроме Бога и Магомета, его пророка.

По окончании молитвы, эль-Темин и его спутники отошли каждый в сторону, чтобы омыться тонким песком на дороге, как сказано в Коране, когда путешественник не находит воды под рукою, и вернулись к своим лошадям, исполнив все предписания пророка.

— Господа! — сказали оба мавра, вне себя от восхищения, — вы раскрыли свою душу святому свету, исходящему из Мекки. Вы приняли ислам, — мы можем отправляться в большой город Джолибы.

— Знайте теперь, — сказал им эль-Темин, — никто никогда не должен подозревать, что мы родились не в Африке... Мы здесь разделим наш отряд, чтобы не возбуждать внимания в городах, по которым будем проезжать. Вы, — обратился он к обоим маврам, — прямо отправляйтесь в Тафилет, куда мы прибудем через двое суток после вас; по приезде вы скажете Кунье, чтобы он ускорил приготовления к отъезду, потому что мы тотчас отправимся в путь.

Оба мавра сели на лошадей и, повернув от берега по дороге более прямой, исчезли через несколько минут за оливковым лесом.

— Мы можем ехать вперед, — сказал довольный эль-Темин, — опыт удался по нашему желанию, и никто не примет нас с нашими смуглыми лицами и нечесанными бородами в одеждах кочевников за неверных. Не забудем самого важного — говорить между собой только по-арабски. Еще одно слово. Теперь, когда мавров здесь нет, я могу вам сказать, почему я настоял, чтобы мы взяли лошадей. Если нас узнают, до или после исполнения... плана, который ведет нас в Тимбукту, наше единственное спасение — в быстроте этих лошадей, которые за три или за четыре часа могут привезти нас к «Ивонне».

— Я никогда не позволял себе, — сказал тогда доктор, — расспрашивать вас о ваших намерениях; однако мне хотелось бы задать вам один вопрос:

он давно уже мучил меня.

— В чем ваш вопрос, любезный доктор? Вы можете быть уверены, что я отвечу на него в границах возможного.

— Мы едем в таинственную столицу центральной Нигриции, в которую до сих пор мог проникнуть только один европеец, наш соотечественник Калье, едем не для того, чтобы осматривать ее, но для такой цели, которая хотя неизвестна мне, однако, насколько я мог понять из ваших разговоров, по крайней мере, удваивает опасности этого путешествия. Ну вот на что я прошу вас ответить мне: Уверены ли вы, что дорога по Великой пустыне лучше всякой другой?

— Караваны ходят только по двум дорогам: по той, которая идет из Тафилета вдоль Атласа, и той, которая из Уед-Нуна ведет сразу в пустыню и проходит ее во всю длину. Мы выбрали первую, потому что там мы можем чаще возобновлять наш запас зерен, плодов и воды.

— Все это так, если выехать из Марокко. Но почему же мы не отправились по Нигеру на «Ивонне», когда через три или четыре часа мы можем поспеть из Тимбукту на шхуне. Следовательно, мы в тот же промежуток времени можем прибыть со шхуны в Песчаный Город.

Эль-Темин улыбнулся.

— И вы могли подумать, доктор, что эта мысль ни-когда не приходила мне на ум за те четыре года, за которые я готовлю эту экспедицию? Но я никогда не останавливался на этой мысли, потому что она неудобоисполнима. Вспомните, что я вам часто говорил: нас ожидает неизбежная смерть, если догадаются, что мы европейцы... А как же можем мы скрыть это, если поедем по Нигеру на пароходе? Прибытие подобного судна в Тимбукту было бы событием. Мы, может быть, рисковали бы немногим на «Ивонне», потому что при малейшем неприязненном знаке мы могли бы тотчас вернуться по реке, и даже сделаем это, если наша экспедиция удастся; но к чему нам ехать по Нигеру, если станет известным, что мы европейцы?

— Не считая того, - вмешался Барте, - что Песчаный Город находится не на Нигере, а за пятнадцать миль от Кабры, служащей ему гаванью. Я оттуда приехал пять лет тому назад, и от этого мое предприятие не удалось... Нельзя ехать иначе, как по пустыне.

— Извините меня, друзья мои, что я мог подвергнуть сомнению ваше благоразумие и вашу опытность! - сказал тогда доктор. - И вздумал же я вмешиваться в то, что меня не касается! - прибавил он, улыбнувшись.

Три путешественника в сопровождении Хоаквина, продолжали путь к Фецу, куда прибыли вечером вскоре после заката солнца.

Фец - один из старейших городов в Марокко. Султан часто живет там, и Фец считается святым городом всеми мусульманами. Говорят, что он был основан в 800 году нашей эры калифом Бен-Едрисом. Его местоположение в углублении, образуемом отрогами Атласа, укрывает его от северных ветров; поэтому султаны выбрали его своей зимней резиденцией. Прежде очень мало населенный, он и теперь насчитывает не более сорока тысяч жителей. Все дома его построены из красного кирпича и очень высоки; они соединяются с противоположными домами на той же улице галереями, которые идут от одной террасы до другой, и высокими стенами, загораживающими всю улицу в некоторых местах. Эти стены пробиты стрельчатыми потернами, которые запирают на ночь, так что различные кварталы, отделенные одни от других, не имеют после назначенного часа сообщения между собой. Каждый из этих домов расположен точно так как Квадратный Дом: тот же внутренний двор, окруженный колоннами, поддерживающими несколько этажей, те же веранды, на которые отворяются двери, ведущие в комнаты; над всем этим возвышается терраса; это однообразный тип, принятый жителями в той части Африки. Разницу в жилищах бедных и богатых составляет только величина и украшение; здесь - простые кирпичи, там - мрамор; здесь - намалеванные красками арабески, там - арабески серебряные и золотые.

В Феце есть около трехсот мечетей, потому что каждая богатая фамилия строит свою; но только в трех или четырех торжественно читают Кхотбу, Domine salvum исламизма. Это происходит по пятницам, до торжественной молитвы; сначала молятся за Магомета, его семейство, его товарищей и четырех первых калифов, потом за царствующего султана, который считается государем правоверных.

Мечеть Бен-Едриса, основателя Феца, привлекает большое число поклонников; в самом центре, возле ниши, где имам становится читать молитву, находится могила калифа. Это святилище, самое уважаемое во всей империи, пользуется правом убежища, и каждый преступник находится там в такой безопасности, что никто не осмелится вывести его оттуда, даже по приказанию императора.

Дворец султана не представляет ничего замечательного и многие его части полуразрушены.

Путешественники ночевали в фондуке, нечто в роде караван-сарай, где за несколько медных секинов можно найти место для лошади и циновку возле нее для себя. Хоаквин, которому было поручено позаботиться об ужине, принес с базара огромное блюдо кускусу и жареной баранины, которому каждый сделал честь. Эль-Темин и его два спутника давно уже

привыкли к арабской жизни. Всю ночь они провели в сильном волнении, которое легко понять: в самом деле, они должны были на восходе солнца возобновить при двухстах или трехстах мусульманах разного происхождения вчерашний опыт и играли опасную игру, потому что, если бы догадались о том, что они пародировали святые предписания Корана, их изрубили бы в куски прежде даже, чем полиция успела бы вмешаться.

К счастью, все прошло как и в первый раз, хотя свидетели были многочисленнее, и Барте, который не хотел подвергаться опасности, затянул при первых лучах солнца, несмотря на присутствие двадцати иманов и марабутов, воззвание к молитве. Немедленно все присутствующие бросились на колени, повернувшись лицом к Мекке, и молодой человек мог кончить торжественное воззвание среди благоговейного молчания, не возбудив ничьего подозрения. Все приняли его за настоящего сантона. По неприметному знаку эль-Темина, которому до конца путешествия должны были повиноваться как начальнику, маленький отряд сел на лошадей и отправился в путь по лабиринту улиц.

— Я начинаю думать, — сказал эль-Темин, — что мы прибудем здравы и невредимы в Тимбукту.

Из Феца они отправились в Рабат, где должны были увидеться со старым евреем Елеазар бен-Якубом, корреспондентом Соларио, который долго жил в Тимбукту и имел там родственников. Этот город гораздо важнее Феца, расположен у океана и ведет довольно значительную торговлю. Его жители деятельны, трудолюбивы и отправляют на испанские берега большие партии фиников, сухих винных ягод и тисненого сафьяна, покрытого арабесками и предназначенного для обоев богатых жителей Андалузии, которые еще сохранили арабские обычаи в украшении своих домов.

Рабат был любимым местопребыванием калифа эль-Мансура, который выстроил там лучшие водопроводы в империи, и укрепления, недоступные для бомб.

Путешественники рано въехали в город. Эль-Темин подождал наступления ночи, чтобы пробраться в жилище старого Елеазар бен-Якуба; он остался там допоздна. Бен-Якуб дал ему вексель в пятьсот тысяч пиастров (около двух с половиной миллионов франков) на своих единоверцев в Тимбукту, по сообщению Соларио-Перейры, и небольшой треугольный кусок меди, на котором были вырезаны еврейские буквы, говоря:

— С этим талисманом нигерские израильтяне сделают для вас все, что могут, не подвергая себя опасности.

По выезде из Рабата, маленький отряд оставил в стороне Марокко, когда-то один из самых важных городов этой части Африки, но ныне разрушающийся, - и направился прямо на Атлас.

Шесть дней спустя они въехали в Тафилет и могли заметить издали заходящее солнце, лучи которого играли на песках большой пустыни.

ГЛАВА II

Пустыня

— Господин, все готово!

Такими словами Кунье приветствовал эль-Темина при встрече.

— Сколько у тебя верблюдов для товаров? - тотчас спросил эль-Темин.

— Семнадцать.

— Груз для каждого приготовлен?

— Со вчерашнего дня возле каждого верблюда лежит его ноша.

— Сколько у тебя верблюдов для нашей провизии и для корма лошадей?

— Одиннадцать.

— Ты думаешь, что этого достаточно?

— Каждый может нести пятьсот фунтов муки, сто фунтов сухих фруктов и два бурдюка в пятьдесят литров воды.

— Знаешь ли ты, что у нас будут двухнедельные переходы, когда мы не встретим ни одного колодца: все будет песок, один песок?

— Мои одиннадцать верблюдов, навьюченные умеренно, могут обеспечить едой на два месяца двадцать человек и шесть лошадей.

— Хорошо. Мы поедем завтра на восходе солнца, после молитвы.

Доктор, услыхавший эти последние слова, не мог не сказать, улыбаясь:

— Итак, мы сделались настоящими последователями пророка.

— Любезный друг, - холодно ответил эль-Темин, - вам надо отвыкать от подобных замечаний, если не хотите, чтобы нам перерезали горло в какой-нибудь арабской деревне...

Тафилет - странный город. Среди междуусобной борьбы, не перестававшей раздирать Марокко, каждый раз как один государь сменял другого силою, победитель ссылал всю семью побежденного в провинцию Тафилет: таким-то образом появился этот город; одних детей Мулей-Измаила было больше тысячи.

Сорок семейств, происходящих от крови калифов, поселились там; их члены, под начальством старейшего, живут в группе отдельных домов, и Тафилет поэтому получил название Аль-Куссара - города дворцов. Все главы фамилий имеют свои земли и обогащаются от подарков, которые им

делают султаны при восшествии на престол в ознаменование этого радостного события.

Эти потомки шерифов превосходят ныне цифру в пятьдесят тысяч; поэтому султан, который мог бы бояться проявления честолюбия у этих людей, имеющих притязание принадлежать к потомству пророка, содержит среди них довольно многочисленное войско, под начальством кадия, обязанного наблюдать за этими ссыльными; это всегда человек испытанный, на которого можно положиться.

Множество источников орошают эту провинцию и придает ей плодородие. Здесь произрастают финики, позволяющие караванам сохранять здоровье в продолжение многих месяцев среди песка, нагреваемого тропическим солнцем.

Доктор, вступивший в свои обязанности, велел навьючить финиками четыре верблюда.

На другой день в назначенный час караван со своей величественной линией из двадцати восьми верблюдов направился к пустыне, держась несколько к западу, где более встречается оазисов. Жители Тафилета, у которых наши путешественники сделали большие покупки, и которые думали, что имеют дело с правоверными, проводили их молитвами и пожеланиями.

Мавр Бен-Абда на верблюде вел караван, замыкаемый его товарищем Бен-Шауиа. За верблюдами в пятнадцати шагах позади ехали три европейца и Хоаквин, приоравливаясь к ходу верблюдов; а десять негров, под предводительством Кунье шли пешком возле верблюдов. Один из них вел атласских лошадей, на которых ехали оба мавра до Тафилета; последние должны были в случае усталости заменить лошадь эль-Темина или его товарищей.

Путешественники пополнили тут запас ячменя, риса, фиников и остановились на день, угостили себя пилавом с жареной бараниной, состряпанным мавром Бен-Шауиа, бывшим поваром Квадратного Дома, которого эль-Темин не без причины присоединил к каравану.

До своего вступления в настоящую Сахару, путешествие было очень однообразно и представляло мало опасностей; они ехали от одной деревни к другой, от оазиса к оазису, останавливаясь то у шеллков, то у берберов, поселившихся вдоль всей окраины Сахары, повсюду, где росли трава и финики.

Интересно проследить их маршрут, составленный Абдой.

В четыре дня проехали они от Доца до Верзазата; в семь дней - от

Верзазата до Зенаги; в три дня - от Зенаги до Загмузуна; в четыре дня - от Загмузуна до Гарб-эль-Су; в пять дней - от реки Рас-эль-Уад, границы Гарб-эль-Су в Мизигину; в один день - оттуда в Тарудант.

Из Таруданта, где караван отдыхал три дня, он в семь дней дошел до Эт-Ведрима; оттуда через Тукрибт, Эт-Брагим, Стуку, Эт-Сугам, Эт-Бельфу, Эт-Семлад-Эт-Амгед Тибидент, Тагзут, Темсит, Тиллин, Теалу, Ида-Угбар, Айт-Суаб, Аржизель и Эт-Умануди дошел в двадцать восемь дней до Тезагальта - большой город, населенный эмигрантами шеллаками, где эль-Темин решил отдохнуть неделю.

Тезагальт - небольшая республика, управляемая сорока начальниками, которых избирают каждый год. На этой территории находится несколько медных рудников, разрабатываемых жителями; они делают из меди вазы и домашнюю утварь, очень ценимую во всей Сахаре, в Тимбукту и в восточной Нигриции это лучший товар для размена. Там также чеканят монету - единственную, которую кочующие арабы соглашаются принимать.

Эль-Темин сделал большой запас этого товара, и разменял крупную сумму на эту медную монету.

На верблюдов навьючили столько груза, сколько они могли нести; из бурдюков вылили воду и налили свежей, потому что теперь придется целую неделю не возобновлять ее, и караван, повернув на восток, решительно вошел в Сахару, окраин которой до сих пор только касался.

Настоящее путешествие, со всеми своими неожиданными и таинственными опасностями, теперь только начиналось.

Вечером, когда расположились лагерем на песке, эль-Темин собрал путешественников на совет. Прежде чем войти далее в пустыню, необходимо было, для общей пользы, предписать каждому строжайшую дисциплину; малейший повод к неудовольствию в этой обширной пустыне, посещаемой только арабскими бродягами, которые убивают всех - и друзей, и врагов, могло не только повредить предприятию, но и повлечь за собой гибель всего каравана. При таких обстоятельствах допустимо только одно наказание - смерть, в двух следующих случаях: за отказ повиноваться приказаниям начальника и за кражу воды или провизии свыше порции, положенной на каждого человека.

Действительно, надо было предвидеть ту минуту, когда придется защищать от людей, раздраженных лишениями, последние запасы каравана.

В применении этого закона, никакой разницы не должно быть между европейцами и туземцами, между людьми свободными и черными невольниками.

— Бен-Шауиа, - сказал эль-Темин, - через сколько дней увидим мы Тимбукту?

— Через двадцать пять дней мы сможем остановиться под стенами Песчаного Города.

— Есть в этом городе какое-нибудь здание, которое можно видеть издали?

— Мечеть Муза-Сулеймана.

— Хорошо! Если в двадцать пятый день, начиная с нынешнего, мы приметим минареты этой мечети и все наши животные будут живы, а все мы налицо, я удваиваю награду, которую обещал тебе и твоему товарищу. Если Бен-Абда или ты чувствуете малейшее опасение, есть еще время вернуться. Выберите верблюда с навьюченным на него товаром, я дарю его вам за то, что вы проводили нас сюда, - и возвращайтесь в Марокко.

— Бен-Шауиа поклялся на Коране, - ответил мавр, глаза которого засверкали при воспоминании о громадной сумме, положенной для него у Соларио, - и сдержит клятву.

— Бен-Абда может умереть в песчаной пустыне, - сказал его товарищ, - но он дал слово.

— А вы, Хоаквин, - спросил начальник, обернувшись к испанцу, - только вам одному мы не обещали ничего, а между тем вы идете с нами охотно. Я должен также вас предупредить, если вы не желаете подвергаться опасностям и утомлениям, ожидающим нас, вернитесь в Танжер, караульте Квадратный Дом во время нашего отсутствия с двумя неграми, которых я оставил там.

— Ваша светлость! - ответил достойный кастилец, подбоченившись, как герой мелодрамы и радуясь случаю вставить историйку, - один из моих благородных предков, дон Фернанд Барбоза Сомбреро лежал в постели, дрожа от лихорадки, когда великий Гонзальв штурмовал Кордову. Он хотел отговорить своего друга от участия в битве, но мой предок надел свою броню и, устремившись в битву, пал убитый. Вот как умирают в фамилии Барбоза!

— Я не настаиваю, Хоаквин, и могу вам обещать, что награда будет соразмерна с преданностью.

— Я не имею привычки отказываться от подарков на память, которые вашей светлости угодно будет мне дать, - сказал Хоаквин, в котором звание мажордома взяло верх и напоминало наследнику Барбозов, что не следует пренебрегать тленными благами.

— Хорошо! - сказал эль-Темин, дав знак предаться покою (эту первую ночь они хотели провести в пустыне), - кажется, мы можем теперь идти

вперед. Но первому, кто отступит, я прострелю голову!...

Если в этих совещаниях не было речи о десяти неграх, которые, вооруженные с ног до головы, наблюдали за общей безопасностью и, главное, должны были устрашать кочующих арабов, то это потому, что можно было положиться на их слепую преданность; уже более пятнадцати лет служили они эль-Темину, и дали бы себя убить по одному его знаку без малейшего колебания; эти добрые люди даже не позволили бы себе спросить почему. Можно было сказать, что эти негры думали тогда мозгом своих господ. Поэтому, когда им было приказано бросить свою веру и вступить в магометанство, эти наивные курчавые головы сказали друг другу:

— Посмотрите, как масса Темин добр: он нашел нам Бога, могущественнее всех наших; он не разделяет своего неба от других и защитит нас лучше фетишей.

И они охотно сделались мусульманами; их господин не сказал им причин, которые заставляли его действовать, но для его планов было необходимо, чтобы его черные невольники сделались магометанами. Только таким образом могли они доставлять ему сведения об их безопасности во время пребывания в Тимбукту и исполнять главные роли в драме, которая должна разыграться в этом городе.

Вечером, когда путешественники заснули в своих палатках, убаюкиваемые зловещим воем шакалов и гиен, бродивших около лагеря, эль-Темин, перебирая в уме все предосторожности, которыми окружал эту экспедицию, мог снова сказать себе, что не забыл ничего. Потом завернувшись в свое одеяло, он произнес на одном из наречий Нигриции:

— Нгналах Иколоссей! Да хранит нас Бог!

— Ндегам Наика, да будет так! - ответил доктор, который, прежде чем заснул, думал о том же.

ГЛАВА III

Сахара. Безводный колодец

Среди ночи доктора разбудило странное ощущение: ему показалось, что кто-то лизнул ему руку. Но, ощупав все вокруг и прислушиваясь, он ничего не нашел в подтверждение своих опасений, принял это за сон и скоро опять заснул. Вдруг голоса, к которым примешивался жалобный вой собаки, заставили его вздрогнуть.

— Отведите ее на пятьдесят шагов, — говорил эль-Темин тоном, не допускавшим возражения, — и пусть пистолетный выстрел освободит нас от нее.

Доктор выбежал. Дело шло об его собаке.

— Фокс! Мой бедный Фокс! — закричал он вне себя, видя, что один из негров надел собаке веревку на шею и хотел тащить, — как ты попал сюда? Я оставил тебя под надзором негров в Квадратном Доме.

— Это очень просто! — сказал эль-Темин, видимо раздосадованный этим обстоятельством, — его недостаточно долго держали на привязи, и он воспользовался этим, чтобы пуститься по нашим следам; эта порода необыкновенно умна. Очень жаль, но собака должна умереть!

— Вы этого не сделаете, эль-Темин! — сказал доктор, тронутый до слез, — вы не знаете, что он три года был единственным товарищем моей нищеты?

— Уведи его! — вместо ответа сказал эль-Темин негру, отвернувшись.

— Эль-Темин! — умолял доктор.

— Он помешает успеху нашей экспедиции; пусть исполнят мое приказание!

Быстрее молнии, доктор вырвал веревку из рук негра и освободил свою собаку.

— Неповинование! — сказал начальник, нахмурив брови и взводя курок у своего револьвера.

— Вы вправе стрелять и убить нас обоих, но я не оставлю моей собаки... Выслушайте меня, эль-Темин!

— Неужели вы думаете, — ответил начальник, — что, жертвуя четыре года моими днями и ночами самому святому делу, я поколеблюсь

пожертвовать жизнью человека?

Он сделал шаг к доктору и прицелился в него.

— Остановитесь! - вскричал Барте, который до сих пор присутствовал при этой сцене, не сделав ни малейшего движения, не произнеся ни одного слова.

— Как! И вы также, Барте? Если мы начинаем таким образом, не к чему было оставлять Марокко!

— Эль-Темин, - ответил молодой человек решительным тоном, - пусть мы идем из преданности к... к моей клятве навстречу опасностям, которые могут быть гибельны для нас. Всякий из нас был волен в этом, и доктор также, как и мы. Но если человек должен из-за этого лишиться жизни, я предпочту отказаться, уверяю вас! Выслушайте доктора, он просит вас об этом.

— Хорошо! - сказал начальник, опустив револьвер.

— Скажите мне, эль-Темин, в чем мой бедный Фокс может помешать нашей экспедиции?

— Он может залаять и обнаружить наше присутствие.

— Если только это, успокойтесь. Вы видите, какую необыкновенную понятливость выказал он, догнав нас через сорок дней. Правда, он должен был сделать этот путь в десять раз скорее нас. Могу вас уверить, он ни в чем не будет мешать каравану; одним знаком, одним движением я заставлю его остаться неподвижным по целым дням, и он гораздо менее обнаружит наше присутствие, чем лошади и верблюды, которых мы ведем с собой.

— Но если, например, нам придется оставить позади весь караван для особой экспедиции, собака ваша побежит за нами?

— Мне стоит только положить мой чемодан или какую бы то ни было вещь, мне принадлежащую, приказав Фоксу лечь возле и не трогаться с места до моего возвращения, и могу вас уверить, что он послушается меня.

Все время, пока происходил этот разговор, бедная собака, сидя на песке, смотрела то на своего господина, то на того, кто возражал ему, словно она понимала, что дело шло о ее жизни.

— Ну нечего делать, - сказал эль-Темин, под суровостью которого скрывалась редкая чувствительность, - примем этого нового спутника; но, признаюсь, я на него не рассчитывал... Доктор, вот моя рука, извините меня за минуту гнева, причину которого вы поймете впоследствии. Видите, в предприятиях такого рода все погибнет, если начальник не поддерживает железной дисциплины. Что буду я делать завтра, если один из мавров-свидетелей этой сцены, также откажется повиноваться мне?

— Ни тот, ни другой ничего не поняли в этой сцене, потому что

волнение заставило меня забыть об арабском языке, и я заговорил с вами по-французски; вы отвечали на том же языке, а через Хоаквина можно распространить слухи, что ваш револьвер был направлен на собаку, а не на меня, и что вы согласились на мою просьбу.

— Ну, конечно. Дай Бог, чтобы мне не пришлось раскаяться в этой слабости.

— Я вам сказал, что ручаюсь за мою собаку; я уверен, что она не будет нам в тягость; может быть даже окажет вам услугу.

Солнце уже взошло, когда караван отправился в путь; перед ним открывалась неизмеримая и пустынная равнина, которую арабы на своем образном языке, назвали *морем без воды*, и которая начинается от берегов Атлантического океана и кончается у берегов Египта и Нубии. Там живут многочисленные племена, по большей части семитической расы, которые, не поддаваясь цивилизации и государственному игу, удалились за этот обширный песчаный оплот и живут там по-своему, переносят свои жилища от севера к югу, от востока к западу, пока порыв ветра не засыплет их волнами песку.

Эти кочующие народы - самые страшные враги караванов; если они не совсем отнимут верблюдов, товар, провизию и бросят потом без всего в пустыне, они берут такую высокую плату за право прохода, что встреча двух-трех этих племен равняется грабежу. Бен-Абда и Бен-Шауиа, знавшие по опыту, как опасны эти встречи, повели караван по такой дороге, где оазисы и источники пресной воды были редки, и которая по этой причине была мало посещаема.

Племена, оспаривающие друг у друга господство в большой пустыне, принадлежат к двум различным расам, называющимся туарегами и тиббу.

Туареги лучшие наездники в Сахаре и величайшие грабители. Они подстерегают караваны из Судана и Нигриции, захватывают источники и берут большую плату у людей, умирающих от жажды, за право напиться и напоить животных.

Эти кочевники арабского происхождения; у них совершенно мавританский тип: продолговатое лицо, высокий лоб, тонкий рот, орлиный нос, большие глаза и очень длинные волосы. Они мусульмане, но не очень сведущи в своем вероисповедании; многие бормочут по-арабски отрывки из молитв, смысла которых не понимают, а другие только слушают их. Суеверные донельзя, они навешивают на себя ладанки, не заботясь, откуда их достают, потому что покупают их и от марабутов и от негров-немагометан; эти ладанки бывают разные: и от неприятных встреч, и от лихорадки, и от несчастий всякого рода; у них даже есть такие, которые

наводят на след богатых караванов. Каждая из этих ладанок, чтобы оказывать свое действие, должна занимать особое место; одни надеваются на голову, другие - на руки, третья - на ноги, или на шею; те, которые привязываются к ружью или копью, способствуют тому, чтобы метко попадать в врага.

Воинственные и жестокие, они живут во всей центральной Сахаре и постоянно ведут войну с обитателями Судана, на которых налагаются большую дань зерновым хлебом и невольниками; они существуют только продажей невольников на рынках Марокко, Триполи, Туниса и даже Тимбукту и грабежом караванов. Их искусство обращаться с оружием и неукротимое мужество делают их опасными, несмотря на их малочисленность, потому что племена, которые они притесняют, жирбала, дирины, киунсы, так же как и обитатели Таутата и Салаха, все вместе превзошли бы числом своих врагов, и могли бы легко освободиться от разорительного ига.

Тибу, живущие в южной и восточной части великой пустыни, такие же смелые воры, как и туареги, и так же опасны для караванов; но они предпочитают действовать хитростью, а не вооруженной рукой. Они чрезвычайно проворны и на своих верблюдах, хорошо приученных, проезжают невероятные расстояния в один день. Некоторые занимаются только ремеслом гонцов между Марокко и Нигерией, Суданом и Фецом.

Те, которые живут на границах Сахары, еще плодородных, имеют стада, занимаются земледелием и нрава довольно мирного. Они по большей части магометане.

Кочевники, напротив, земледелием не занимаются, питаются финиками, молоком, мясом молодых верблюдов и грабежом. Они поселяются в углублениях длинного ряда скал, как будто случайно брошенных в пустыню, или вырывают себе ямы в песке.

Но эти вечные враги караванов имеют также врагов, от которых спасаются с трудом. Арабы и туареги считают их своими природными врагами и поминутно делают на них набеги. Когда вознамерятся напасть на кочевые тиббу, то обыкновенно проберутся в окрестности на закате солнца, оставят лошадей и верблюдов под надзором нескольких человек и идут вперед, так чтобы к рассвету прийти на место, окружают кочевые тиббу и захватывают все. Если некоторые жители убегут, то наткнутся на стрелков, поставленных в окрестностях, и те гонят их назад ружейными выстрелами. Тиббу так боятся огнестрельного оружия, что достаточно трехсот арабов, чтобы захватить две тысячи их. Но в беге никто не сравнится с тиббу: они употребляют всевозможные хитрости, чтобы избавиться от преследования,

и это часто Удается им. Если враг заметит их на скалистой почве, они вдруг падают на колени, съеживаются и остаются неподвижны, так что их можно легко смешать с окружающими их скалами; если находятся на песчаной почве, они зарываются в волнах движущегося песка.

Арабы выказывают такую же ловкость, когда дело идет о грабеже каравана, они ползком приближаются ночью и, не возбуждая внимания тех, кто спит в палатке, оставляют на верблюдах, лежащих на песке, только их выючное седло и кожаный брезент, покрывающий товары.

По той дороге, где шел караван эль-Темина, подобных встреч опасаться было нечего: тиббу никогда не отваживались проникать в эту часть пустыни, где и туареги бывают редко, вследствие ее бесплодия и малой вероятности встретить караван.

Первые две недели прошли удручающе однообразно; все одна и та же песчаная равнина, столь же обширная, как и горизонт, без всякого отдыха для глаз и для мысли. Нельзя поверить, до какой степени эти громадные степи утомляют мозг и притупляют ум; глупость семитических рас происходит, конечно, от этого угнетающего ощущения пустоты, которое человек должен испытывать в песчаной степи, где живописные виды природы не помогают ему разнообразить своих мыслей.

В этом океане песка, где редко виднеются зеленые островки, нет вовсе представителей царств живой природы. Доктор мог только заметить несколько видов чахлых акаций, мимоз, чегерана, тамариндов, пальм, лишая.

Во время остановки, продолжавшейся несколько часов, доктор подобрал один вид съедобного лишая, которым была покрыта земля. Этот вид быстро разрастается в дождевую пору, потом в период засухи отделяется от земли и принимает вид жесткого белого и мучнистого вещества.

— Вот это может быть, — сказал Шарль Обрей своим спутникам, — большим подспорьем для пищи человека и скота в пустыне.

— Вы думаете? — спросил Барте, удивленный, что эту сухую водоросль можно употреблять в пищу.

— Я в этом уверен. Лишай составляет переход от водорослей к грибам. Это растение, как вы видите, не имеет ни корней, ни стеблей, ни цветов, ни листьев; оно растет на сыром камне, на бесплодной скале, на коре деревьев, покрывает строения и придает им тот зеленоватый оттенок, в котором поэты видят руку времени, и который естествоиспытатели приписывают развитию жизни. Только когда это растение обогатило первозданную землю своим столетним прахом, мог появиться мох, а потом мало-помалу и

высшие растения. Лишай растет и на северном полюсе, под снегом и льдом, и, как вы видите, на жгучем песке пустыни. И стоит только у сахарского лишая отнять горечь, чтобы он оказал здесь и человеку, и верблюду ту же самую услугу, какую оказывает северный лишай лапландцам и оленям.

— Его так много, что он был бы драгоценным подспорьем.

— Особенно потому, что верблюд, это удивительное животное, без которого путешествие по Сахаре было бы невозможно, не может оставаться неделю без еды.

— Именно, - вмешался эль-Темин, - для наших животных было бы большим счастьем, если бы эта проблема была решена теперь, потому что вот уже пять дней они живут пригоршней фиников и ячменя, который с нынешнего дня мы будем принуждены сохранять для наших лошадей. Ни одной травинки, ни одного стебля мимозы... Это ужасно!

— К счастью, если расчеты Бен-Абды верны, мы должны быть не очень далеко от оазиса Аин-Феца.

— Мы доедем туда только завтра вечером, - сказал проводник, к которому путешественники приблизились, - Аин-Феца находится в семнадцати днях ходьбы от Тецагальта.

В этот вечер солнце закатилось в огненной атмосфере; воздух был сух и труден для дыхания, лошади дышали тяжело, их дрожащие ноздри как будто просили свежести. Людьми овладевала непреодолимая дремота. Только верблюды оставались равнодушны к этому свинцовому зною, но и они как будто торопились оставить эти места, потому что шли быстрее обычновенного.

Несмотря на уверения обоих мавров, что колодцы Аин-Феца обещали дать возможность возобновить запас воды, эль-Темин велел раздать очень небольшую долю воды, потому что этой драгоценной жидкости осталось только дня на три, и то если не поить верблюдов.

Как только бедным животным позволили прилечь на песке, они приблизились друг к другу и начали жадно лизать бурдюки, которые несли, чтобы обмануть жажду, терзавшую их... Но они могли прожить еще неделю без питья, и необходимо было сохранить для людей и лошадей оставшееся небольшое количество воды до ближайшего оазиса.

Ночью вдруг поднялся жгучий ветер, который окончательно истомил европейских путешественников, и когда при первых лучах солнца отправились в путь, думали, что не будут в состоянии двигаться. Тончайшая красная пыль до такой степени затемняла воздух, что им почти нельзя было дышать.

Однако ветер стих на восходе солнца, и, несмотря на нестерпимый

жар, караван мог, хотя и с трудом, продолжать свой путь.

Верблюды шли спокойно, негры сложили палатки, а путешественники позади сидели уже в седлах, как вдруг прибежал Кунье и, подойдя к своему господину, сказал шепотом:

— Верблюды, которым позволили приблизиться друг к другу, изгрызли кожу бурдюков, и вода вся вытекла...

Эль-Темин почувствовал дрожь, но преодолел себя и сказал с редким присутствием духа:

— Хорошо, вели приготовить другие бурдюки, мы наполним их через несколько часов в Аин-Феце.

Кунье, принесший это известие с расстроенным лицом, вернулся почти успокоенный, чтобы стать во главе каравана.

— Господа, — сказал начальник своим спутникам, — надо нынче поспешить; в бурдюках воды больше нет.

— Воды больше нет? — повторили Барте и доктор тревожным тоном.

— Верблюды разорвали бурдюки, и мы погибнем, если не приедем сегодня вечером в Аин-Фецу.

Эль-Темин сам стал во главе каравана и подозвал к себе обоих мавров.

— Сетовать бесполезно, — сказал он, — мы все виноваты в том, что случилось; но не обманываете ли вы меня? Уверены ли вы, что мы идем по настоящей дороге?

— Так уверены, как в том, что Магомет — пророк правоверных, — ответил Бен-Абда.

— Из Тецагальта, — продолжал Бен-Шауиа, — для того чтобы следовать по прямому пути в Тимбукту через оазисы Аин-Феца и Уфрам, достаточно направлять свою лошадь так, чтобы солнце всегда всходило над ее левым ухом, а закатывалось у правого плеча.

— И в таком случае, когда же, вы думаете, можем мы приехать?

— Сегодня до полуночи, а так как нынче будет луна, то мы можем напоить животных и возобновить запас воды.

Эль-Темин передал ответ арабов своим спутникам, и это возвратило им мужество. Они начинали уже чувствовать жажду — страшное страдание, против которого бессильны самые твердые характеры, и которое, ослабляя мозг, уничтожает волю...

Вечера ждали со страстным нетерпением; всем казалось, что солнце как будто замедлило свое течение по небу и что однообразие пустыни еще удлиняет часы ожидания.

Ночь настала, наконец, и караван опередили две стаи страусов и газелей.

— Они идут пить в Аин-Фецу, - сказал Бен-Абда, вне себя от восторга, - потому что вода в колодце доходит до поверхности земли. И мы также скоро напьемся!...

Незадолго до назначенного времени, Бен-Шауиа попросил позволения поехать вперед на одной из запасных лошадей, что и было ему дозволено. Пора было приехать, потому что, исключая верблюдов, собравшихся с силами в прошлую ночь, и люди, и лошади сильно измучились.

Полчаса спустя, караван вдруг очутился в овраге, вырытом ураганом, и наткнулся на мавра, который сошел с лошади, сидел на земле и плакал.

— Что с тобой? - спросил эль-Темин, немедленно подойдя к нему с тревогой, но еще не подозревая в чем дело.

— Вот, - сказал мавр, протянув руку по направлению к тощей пальме, полузакрытой в сыпучем песке, - все, что осталось от оазиса Аин-Феца; песок засыпал колодец и всю зелень...

— Так желал Аллах, - прошептал Бен-Абда, - никто не может бороться против своей судьбы.

Длинная линия из двадцати восьми верблюдов, воспользовавшихся остановкой, чтобы прилечь на жгучий песок, лошади, умирающие от жажды, со своими угрюмыми всадниками, не имевшими сил обменяться словом, группа безмолвных негров, готовых идти до тех пор, пока смерть не положит границ их преданности, - все это под лучами луны представляло самую странную картину.

Снова послышался спокойный голос начальника:

— Сколько времени нам надо еще, чтобы доехать до оазиса Уфрама, нашей последней надежды?

— Пять дней, - ответил Бен-Абда, - но лошади умрут завтра. Верблюды могут дойти, но через два дня они будут везти мертвцев.

— Нет ли какого-нибудь средства выйти из этого положения?

Ответа не последовало, и начальник продолжал с твердостью:

— Я обращаюсь к вам, Бен-Абда и Бен-Шауиа! Вы нас повели по этой пустынной дороге...

— Мы указали вам две дороги: через Уед-Нун и Тецагальт; вы выбрали ту, где почти нет оазисов, но зато и не встречаются туареги. Да совершится воля Аллаха! - сказал Бен-Абда.

— Мы не виноваты, что бурдюки разорвались... Если бы смотрели за верблюдами, у нас достало бы воды до Уфрама, - ответил Бен-Шауиа. - Да совершится воля Аллаха! Я знаю, однако средство, которое может спасти караван.

— Какое? Говори скорее.

— Надо убивать по три верблюда каждый день и пить их кровь до Уфрама.

— Кровь жажды не утолит, - сказал доктор мрачным голосом, - мы только обманем нашу жажду на несколько минут, а смерть не отдалим ни на один час.

— Хорошо! - сказал тогда эль-Темин, голосом слегка изменившимся вначале, но потом по-прежнему звучно. - Если нам предназначено здесь умереть, умрем без жалоб. Последнее слово, доктор! Нет ли в вашем искусстве чего-нибудь, что могло бы помочь... Я понимаю, что это невозможно, но так, как утопающий хватается за соломинку, задаю вам этот вопрос.

Доктор потупил голову.

— Я вас понимаю, - сказал эль-Темин, - мы исполним предложение Бен-Шауиа и убьем наших верблюдов одного за одним, направляясь к Уфраму.

— К чему, - перебил Барте, - разве вы не слыхали, что сказал наш друг... мы ни на один час не отдалим нашей смерти... Мы не пили уже тридцать шесть часов среди жгучего песка, который сушит кровь; нам нужно напиться воды, напиться вдоволь. У меня горит горло, я не буду иметь сил сделать малейшее движение, я предпочитаю умереть здесь...

Молодой человек соскользнул с лошади и лег на песок.

— Бедный друг! - прошептал эль-Темин. - Я видел его таким мужественным в других обстоятельствах.

— Он не виноват в этой слабости, - ответил доктор. - Это начинается галлюцинация жажды, - с ним прежде, а потом с нами!...

— Экспедиция была так хорошо придумана! Нам остается до Тимбукту только десять дней... И четыре года необычайных усилий, бессонных ночей, уничтожены пустой случайностью: если бы мы отделили верблюдов вчера вечером, мы были бы еще исполнены силы и надежды...

Произнеся эти слова, эль-Темин опустил голову и заплакал... В первый раз в жизни этот человек, часто видевший смерть лицом к лицу в своих многочисленных странствованиях по свету, был побежден судьбой.

— Что такое человек? К чему служит ему разум? - вдруг продолжал он с яростью. - Если вся его воля, вся энергия ничего не могут сделать против грубого факта, и когда последнее слово всегда остается за случаем!

— Успокойтесь, эль-Темин. В том страшном положении, в каком мы находимся...

Доктор не докончил своей мысли... Радостный лай собаки перебил его слова.

— Послушайте! Фокс лает... он что-то нашел!

В эту минуту путешественники увидали Фокса, выбежавшего из-за песчаного бугорка. Умная собака тотчас бросилась к своему господину, схватила его за бурнус и с радостным лаем звала его следовать за ней. Доктор пошел; собака выпустила из зубов бурнус и приподнялась на лапках, ласкаясь к своему хозяину. При этом она дотронулась своей мордочкой до его руки. Шарль Обрей вскрикнул так, что весь караван вздрогнул:

— Эль-Темин! Мы спасены!...

Он бросился за собакой... Мордочка ее была мокрая.

В несколько минут обошел он песчаный бугор... Фокс остановился у ямы, которую вырыл, доктор стал на колени и засунул в яму руку.

— Вода! вода! - сказал он, приподнимаясь и вскрикнув от радости.

Все уже окружили его.

— Это колодец Аин-Феца нашла собака, - сказал Бен-Абда, - ураган засыпал их, но вода сочится сквозь песок.

— Доктор, - сказал эль-Темин, судорожно пожимая ему руку, - если даже ваша собака будет причиной нашей смерти в Тимбукту, отныне она священна для нас...

— Вода? Где вода?... - спросил Барте, которого вели два негра, потому что он шатался.

Увидев яму, в которой вода не убавлялась, он бросился наземь и напился.

— О! друзья мои, - сказал он, приподнимаясь, - какой божественный напиток!...

Он присел на землю. Реакция была так сильна, что ему сделалось дурно.

— Постойте, - сказал эль-Темин повелительным тоном, - надо расширить отверстие, а иначе нам понадобится два дня, чтобы напоить всех и наполнить наши бурдюки.

Он сделал знак, и негры начали разгребать песок около ямы, вырытой собакой.

Менее чем в четверть часа отверстие колодца было открыто, и вода беспрепятственно показалась на поверхности почвы. Через несколько минут, она сделалась так чиста как горный ключ. Колодец этот снабжался водой из какого-нибудь источника, ибо вода сначала теплая, скоро сделалась почти холодная.

Эль- Темин дал напиться всем, а сам напился последний. Потом напоили лошадей и, наконец, верблюдов. Утолив жажду, начали утолять

голод. Вспомнили, что с утра ничего не ели, финики и винные ягоды, и поджаренные зерна маиса придали каждому силы, необходимые для путешествия.

Люди собирались наполнять водой бурдюки, когда их прервал один любопытный случай... Газель, побуждаемая жаждой, прибежала к колодцу, и не тревожась присутствием живых существ, которых может быть никогда не встречала в пустыне, утолила свою жажду и убежала; после нее явилась другая, потом третья и, наконец, целое стадо... Путешественники насчитали более пятидесяти.

— Это верно те самые бедные животные, которых мы уже встретили несколько часов тому назад, - сказал доктор, - они так же, как и мы искали воду, засыпанную самумом.

— Мясо этих животных очень нежно, - сказал Хоаквин, который во время всех этих злоключений выказал спокойствие, достойное восточного жителя. - Когда я служил в султанской кухне, каждый месяц присыпали газелей из пустыни.

Это предложение сеньора Барбозы, который был бы не прочь покушать сочного жаркого, не нашло отголоска в караване, который, почти чудом избавившись от верной смерти, не решился убить таких грациозных и безвредных животных.

Эль- Темин решил отдохнуть день у источников Аин-Феца; это было почти необходимо, после волнений, испытанных караваном. Тотчас раскинули палатки.

Восходящее солнце показало путешественникам, как хорошо было, что они не прибыли сутками ранее в Аин-Фецу. Страшный ураган разразился над оазисом и засыпал его песком, и только вершины финиковых деревьев торчали из массы песка.

С верблюдов сняли их вьюки и пустили на волю под надзором негров выкапывать из песка тощих представителей растительного царства.

Недалеко находилась небольшая равнина, покрытая *hedysarum albagi*. Это растение с длинными живучими корнями растет изобильно в Сахаре и возвышается над землей не более как на двадцать сантиметров. Его темно-зеленые листья очень коротки и с колючками как у вереска; они остаются зелеными целый год и составляют драгоценное подспорье для кормления верблюдов, которые очень до них лакомы.

Выпущеные на волю, верблюды устремились на эти заскорузлые растения и, насытившись, запасли в своих желудках пищу на несколько дней.

Верблюды, выбранные и купленные Кунье в Тафилете, были

великолепны, крепки, неутомимы и могли нести без труда до семисот килограммов. Они уже несколько раз путешествовали по Сахаре.

Часто говорили, что без компаса человеку было бы трудно плавать по океану. Может быть еще справедливее сказать, что без верблюда человек никогда не переехал бы большой африканской пустыни. Поэтому арабы прозвали верблюда *кораблем пустыни*.

Благодаря толстой и гибкой подошве, соединяющей пальцы его ног, верблюд может идти, не увязая, по сыпучему песку, его длинные ноги дают ему возможность проходить быстро и не утомляясь огромные расстояния. Хорошо приученный верблюд может делать до двухсот километров в день. Он для араба драгоценность, потому что снабжает его молоком, мясом и шерстью, которая вырастает каждый год.

Кочевник приучает верблюда к службе с самого его рождения: он сгибает ему ноги, каждый день кладет на него большой груз, приучает довольствоваться скучной пищей и ходить далеко. Замечательно то, что верблюд очень хорошо знает, какую тяжесть может он снести, и если его навьючат через меру, он ложится и не встает, пока лишний груз не снимут. Он может путешествовать десять дней без питья и пищи, и ни деятельность, ни сила не уменьшатся. Если встретит в пустыне лужу воды, которую чувствует издалека, он ускорит шаги, напьется и за прошедшее и на будущее, и продолжает свой путь. Погонять его и даже указывать дорогу не надо, если он уже ходил по ней. В Персии, Туркестане, Аравии и некоторых частях Африки без верблюда невозможны никакие торговые сношения.

Это животное водится в определенных географических границах, за которые не переходит никогда. Напрасно стали бы его искать под экватором; пояс, в котором он живет, *верблюжий пояс*, как его зовет Риттер, обнимает всю древнюю Ливию, Мавританию, страну магребов, берберов, бедуинов и всю Сахару. Этот пояс кончается там, где начинается разделение сухой и дождливой страны. Верблюд водится в обширных степях Азии, Аравии и Африки, однообразие которых едва нарушается там и сям движущимися дюнами, поднимаемыми самумом, как большие западные ветры поднимают волны на поверхности моря.

Наружный вид пустыни до такой степени напоминает океан, что издали большие массы песка кажутся жидкими волнами, и караванам как морякам, часто представляются миражи.

Верблюд избегает цветущих стран умеренного и тропического поясов. Он сын бесконечных равнин, где его полузакрытые глаза, защищаемые мясистой перепонкой, привыкли смотреть на красный или белый песок,

раскаленный солнечным зноем, и на ярко-голубое небо, служащее пустыне сводом. Он рождается, живет и умирает там, где произрастает его друг - финиковое дерево, которое также встречаешь только там, где шаги верблюдов могут оставлять следы на земле. Оба, верные своей песчаной почве, держатся в равном расстоянии от страны оленей и страны слонов. Оба, наконец, драгоценны для караванов: одни их кормят, другие - перевозят.

Вечером после освежительного сна, которым, кроме негров, воспользовались все, эль-Темин предложил, что если солнечный зной возрастает каждый день, лучше было бы ехать ночью, а спать днем. К этому мнению присоединились все. Верблюдов снова навыочили, и караван направился к оазису Уфрам.

Негры, которые целый день смотрели за верблюдами и лошадьми, получили позволение сесть на верблюдов и соснуть несколько часов. Но этим позволением согласился воспользоваться только один, который ушиб себе ногу, погнавшись за огромным ужом, спрятавшимся в песке. Фокс, сделавшийся героем каравана и иногда очень страдавший на жгучем песке, был посажен на верблюда, и это очень ему понравилось.

Через двое суток после отъезда из Аин-Феца, Бен-Абда, все еще ехавший впереди каравана, вдруг остановил свою лошадь. Все последовали его примеру. Эль-Темин быстро подъехал к нему, и он показал ему на песке свежие следы лошадей и верблюдов.

— Это, верно, караван идет, - сказал эль-Темин, - и опередил нас на несколько дней.

— Нет, - ответил мавр, который сошел с лошади и рассматривал следы, видневшиеся на песке. - Эти следы слишком легки; верблюды, оставившие их, не были навыочены.

— Что же ты думаешь?

— Я думаю, что здесь проезжали туареги не позже как сегодня утром.

— Сколько их было?

Мавр рассмотрел внимательно следы и ответил, не колеблясь:

— Эмир, их не больше восьми.

— Ты думаешь, что мы можем встретить их у оазиса Уфрама?

— Это возможно.

— Они едут по той самой дороге, которая ведет туда?

— Нам стоит только ехать по этим следам, и мы доедем туда.

— Хорошо, будем продолжать наш путь. Вернувшись на свое место, эль-Темин позвал Кунье.

— Вели переменить заряды у карабинов твоих людей, - сказал он, -

может быть, скоро им придется стрелять.

ГЛАВА IV

Разбойники. - Приезд в Тимбукту

Мавры не ошиблись. На четвертый день после отъезда из Аин-Феца, путешественники прибыли в оазис Уфрам, который нашли в целости: действия урагана не коснулись этого оазиса, и зеленый островок со своими тремя колоннами, - настоящими источниками, поддерживающими растительность на пространстве квадратной полуили, - со своими фиговыми и финиковыми деревьями, представлял поразительный контраст с окружавшей его унылой равниной.

Оазис был пуст, но легко было заметить, что накануне тут останавливались путники; тут даже приготовляли пищу: это показывала зора, которую ветер еще не успел разметать.

Путешественники остановились здесь только на несколько часов.

— Туареги едут скорее нас, - сказал эль-Темин, - теперь они опередили нас больше, чем три дня тому назад.

— Может быть это просто гонцы тиббу везут письма в Тимбукту? - сказал Бен-Шауиа.

— Невероятно, чтобы мы их догнали, - прибавил

Бен-Абда, -с тех пор, как мы путешествуем ночью, мы подвигаемся почти вдвое скорее, и несмотря на это, мы к ним не приблизились.

— Сколько от Уфрама до Песчаного Города?

— Пять дней обычновенной езды; но продолжая останавливаться только на несколько часов самых жарких в сутки, мы прибудем ночью на третий день.

Мавр, предводительствовавший караваном, только произнес эти слова, как вдруг остановил своего верблюда: его орлиный взгляд приметил вдали что-то необычайное.

— Еще что? - спросил начальник, который после замеченных следов ехал почти постоянно впереди каравана.

— Я подозреваю, что туареги спрятались за этими песчаными буграми.

— Почему ты так думаешь?

— Сейчас блеснуло на солнце копье, а сахарские разбойники

употребляют именно это оружие; они бросаются на караван с громкими криками; во время схватки верблюды разбегаются, и если даже разбойники убегут, они все-таки успеют захватить некоторых из них.

— Ты меня уверял, что их не бывает на этой дороге?

— Да, но мы приближаемся к концу путешествия; эта часть дороги многолюднее, и мы скорее доедем до двух дорог, по которым ездят караваны из западной Нигрии.

— Во всяком случае мы подготовимся хорошенько их принять.

Эль-Темин приказал Кунье предупредить негров и при первой тревоге выставить их вперед.

Приближались к месту, указанному Бен-Абдой, и начальник уже полагал, что мавр сделался жертвой обмана, — как вдруг пятнадцать туарегов на маленьких суданских лошадях выскочили из-за бугра и устремились на путешественников копьями вперед.

Но в ту же минуту раздался крик:

— *Ama! Ama!*

Это Кунье собрал своих людей и повел их вперед. Прежде чем туареги, думавшие, что имеют дело с простыми купцами, опомнились от удивления, послышался новый крик:

— *Tasma! (стреляй!)*

Одннадцать выстрелов из карабина раздались немедленно с механической точностью, и семь нападающих упали на песок.

Барте и доктор подъехали к эль-Темину, и все трое с револьверами в руках готовились отражать нападение. Мавры были теперь позади верблюдов.

Туареги храбры, и по прошествии первой минуты изумления, восьмьмеро оставшихся устремились вперед, чтобы отомстить за своих товарищей.

Но у негров Кунье были превосходные карабины, и громкий голос их начальника раздался опять:

— *Accye! (целься!) Tasma! (стреляй!)*

Второй залп убил еще пятерых; туареги, поняв, наконец, что борьба неравная, потащили с собой лошадей своих мертвых или раненых товарищей. Когда они повернули за бугор, из-за которого выехали, к ним присоединилось шесть верблюдов, на которых сидели женщины. В одно мгновение шайка, значительно уменьшенная, исчезла по направлению к югу за буграми.

Когда караван прибыл на место, где пали туареги, эль-Темин и доктор, из чувства человеколюбия, хотели посмотреть, нет ли раненых, которым

можно помочь.

— Эмир! Оставьте этих собак, - сказал эль-Темину Бен-Абда, - не успеем мы и повернуться, как те, которые убежали, явятся поднять тела своих товарищей.

— В самом деле, - сказал Барте, - всякий правоверный должен быть похоронен ногами к Мекке, и тот, кто забудет оказать этот последний долг своему брату, будет также лишен священного погребения.

Доктор рассмотрел всех туарегов и сказал эль-Темину:

— Какие ужасные раны! Ни один не прожил и двух секунд после выстрела; они все были убиты в голову и грудь разрывными пулями.

— Вот уже четыре года, как Кунье обучает своих подчиненных; каждый может попасть в цель на расстоянии двухсот шагов.

Караван благополучно продолжал путь. Разбойники, напавшие на них, без сомнения, 'составляли отдельную шайку, а племя их, вероятно, было далеко, потому что караван без всяких приключений кончил свое путешествие.

В самом деле, на третью ночь, с той точностью, с какой правильный ход верблюда позволяет рассчитать расстояние, путешественники прибыли к тому таинственному городу, который возвышается среди страшной пустыни и существует только провизией, привозимой караванами, и из которого изгоняется всякий иностранец, не исповедующий магометанской веры. Минареты храмов резко отделялись от неба, посеребренного луной, а дома неравной вышины, между которыми играл лунный свет, представляли странный контраст среди обширной равнины, в которой выстроен этот фантастический город.

Когда Бен-Абда, протянув руку по направлению к городу, первый вскрикнул: «Тимбукту! Тимбукту!», эль-Темин и его спутники вздрогнули. Но их волновали весьма различные чувства.

Для эль- Темина это был успех всей первой части плана, придуманного им так старательно; он был вне себя от радости. Если даже та часть, которая еще не исполнена, была гораздо опаснее, то энергия путешественников не будет уже тратиться на бесплодную борьбу с зноем солнца и с неожиданными случайностями... Смелый и удачный шаг, и все кончится; или через двое суток весь караван будет убит, или, укрывшись на «Ивонну», спокойно поплынет по Нигеру.

Для Барте это было исполнение священного долга: он увидит место, куда четыре года тому назад дал торжественную клятву вернуться.

Что касается доктора, то он был храбр и не щадил себя во все время пути; ему мало было нужды до предстоящих опасностей, он решил

пожертвовать своей жизнью, - но иногда он внутренне возмущался тем, что его не удостоили посвятить в конечную цель путешествия; поэтому прибытие в Тимбукту радовало его в том отношении, что оно рассеет тайну, беспокоившую его два года.

Хоаквин продолжал оставаться достойным наследником Барбозов и курил целый день, не говоря ни слова, не заботясь ни о чем.

Оба мавра в своих мечтах видели уже себя возвратившимися в Танжер и получающими денежную награду.

Для Кунье и негров было решительно все равно где быть: они находились со своим господином, и этого было достаточно для их честолюбия.

В полумиле от Тимбукту эль-Темин велел каравану остановиться.

— Лучше въехать в город на рассвете, - сказал он своим друзьям.

— Как вы думаете, - спросил Барте, - могла ли «Ивонна» прибыть на Кабру?

— Мы это скоро узнаем.

В эту минуту, как будто случай соединил ответ с вопросом, вдали послышался голос, повторявший припев песни нигерских лодочников:

«Небесный свод - лучшая кровля, защищающая землю во время ночи, царицы теней».

— Это он, - сказал, вздрогнув, эль-Темин. Кунье тотчас ответил, запев громким голосом: «Земля - лучшая постель, солнце - лучший светильник».

Незнакомец продолжал:

«Тот, кто предан Темину, не боится смерти».

— Это он, это Йомби, - воскликнул эль-Темин вне себя от радости. - Я приказал ему, как только шхуна придет в верхний Нигер, отправиться в Тимбукту и ждать нас там; но каким образом мог он так скоро узнать о нашем прибытии?

В эту минуту верный негр подошел к каравану. Он бросился к ногам Барте, своего господина, и обнял его колено, плача от радости; потом, вытерев глаза своими огромными кулаками, приподнялся и ждал, чтобы его расспросили.

— Где «Ивонна»? - тотчас спросил эль-Темин.

— В гавани Кабра.

— На каком расстоянии отсюда?

— Три часа ходьбы.

— Все ли было благополучно?

— Все! Но так как мы не могли идти по Нигеру на парусах, то все короли, вдоль реки, увидев паровое судно, присылали к нам лодки с

приказанием немедленно отдать им эту шхуну, которую мы наверно украли у белых.

— А что ответил Туаре?

— Капитан отвечал всем, что если они вздумают приблизиться к его судну, он отправит их на дно реки. И чтобы показать им, как он это сделает, он велел выстрелить картечью в лодку, находившуюся впереди других, и она разлетелась в куски со своими двадцатью пятью гребцами.

— Я узнаю Туаре, - сказал эль-Темин, одобрительно засмеявшись. - По крайней мере, в Кабре оставляют ли вас в покое?

— Да, но Туаре думает, что это спокойствие скрывает обширный заговор всех прибрежных владельцев с жителями Тимбукту. Когда мы пришли, двадцать дней тому назад, султан тимбуктуский прислал требовать подарков; капитан дал ему таких чудесных, что он пришел в восторг, но зато потом каждый день присыпал за новыми. Наконец, и он также потребовал судно, под тем предлогом, что так как мы все негры, как его киссурьи, то его подданные не должны иметь судов лучше, чем у государя.

— Что же ответил Туаре?

— Капитан велел ему ответить, что его матросы и он свободные граждане Либерийской республики, и что следовательно не обязаны ему повиновением; но если судно нравится ему, то пусть он попробует его взять... Султан, раздраженный этими словами, велел вооружить пятьдесят лодок и послал их против «Ивонны». Две гранаты, пущенные в них в ту минуту, когда они отчаливали от берега, разогнали всех...

— Этот дьявол Туаре всегда таков, - продолжал эль-Темин, все более и более оживляясь, - что же вышло потом?

— Султан предложил мир, существующий уже неделю... Он долго не продолжится, но капитан предупрежден.

— Кем?

— Мною. Чтобы лучше исполнить приказания, отданные мне вами, я купил осла в Яури, где нас приняли прекрасно, навьючил на него товары с «Ивонны», съехал на берег, в одну ночь пешком пришел в Тимбукту, где все приняли меня за купца из Дженне, снабжающего провизией Песчаный Город. Продавая мой товар, я прислушивался к толкам, не говоря ни слова, и таким образом узнал, что против «Ивонны» что-то замышляют, но не решаются, потому что боятся ее пушек и хотят завладеть ею неожиданно. Вчера один марабут отправился туда шпионить. Пять минут спустя его тело качалось на рее.

— Он неподражаем, этот Туаре! - заметил эль-Темин, потирая руки. - Продолжай!

— Это все. Каждый день с тех пор, как я поселился здесь, я выхожу из города раз пять осматривать пустыню. То же делаю и ночью; и тогда пою песню, как мы Условились с Кунье.

— Ты ничего не можешь сказать нам о Даниело? - спросил Барте.

— Могу, - ответил Йомби, сжав кулаки, хриплым голосом, напоминавшим вздохи хищного зверя. - Даниело все в милости у султана; двадцать раз я мог бы... но я помнил ваше приказание!

— Хорошо!... Он живет во дворце?

— Нет, он выстроил себе прекрасный дом на уединенной улице и живет как каид; он сделался мусульманином.

— Ты знаешь его привычки?

— Два раза ночью я подползал к его дому и уходил тогда, когда мои уши слышали его дыхание.

— Так ты можешь проводить нас к нему?

— Закрыв глаза.

— Надо ждать приказания эль-Темина.

— Любезный Барте, я думаю, что залог успеха в том, чтобы действовать как можно скорее. Лучше теперь же назначить час, и когда он наступит, действовать энергично. Будем говорить по-французски. Йомби и Кунье понимают этот язык, а обоим маврам лучше не понимать наших слов. Конечно, их жадность к деньгам ручается за их молчание, но...

— Вспомним Даниело, - перебил Барте с мрачным видом.

— Мне кажется, что назначив экспедицию на завтрашнюю ночь, во втором часу утра, в ту минуту, когда свежесть атмосферы делает сон крепче, мы поступим благоразумно. Нынешний и завтрашний день мы употребим на ознакомление с местностью, чтобы в случае погони успеть быстро ретироваться. Теперь, прежде чем окончательно остановиться на этом плане, я задам Йомби последний вопрос. Много ли евреев в Тимбукту?

— Только четыре или пять, которых терпит султан, потому что они платят ему огромную подать и выписывают для него из Европы все, что ему нравится. Я слышал, что до этого султана, все евреи, осмеливавшиеся показываться в Тимбукту, немедленно предавались смерти.

— Не слыхал ли ты о Бен-Якубе?

— Слышал.

— Предупреди его, что пришел мавританский караван и привез много европейских товаров, он пожелает посмотреть, и я воспользуюсь этим, чтобы с ним поговорить.

— Не делайте этого, да будет позволено бедному негру подать вам

совет, - вы не поговорите и двух минут с Бен-Якубом, как он узнает в вас европейца и выдаст вас султану, чтобы заслужить расположение народа, который не мог еще привыкнуть к присутствию евреев в святом городе, ибо все негры киссурры считают Тимбукту второй Меккой.

— Но один из его марокканских корреспондентов поручился за его честность.

— Не говорите с Якубом, - настойчиво упрашивал негр, - если дорожите вашей головой. Вообще не говорите здесь ни с кем. Здесь продают товар невольники, велите обоим маврам продавать ваш товар, а сами не вмешивайтесь; таким образом на вас обратят не больше внимания, чем на другие караваны. В народе сильное волнение в виду прибытия «Ивонны», и вы будете изрублены на куски, если только догадаитесь о вашем звании.

— Ты прав, этому риску подвергаться нельзя; при том мне нужен был Якуб только для того, чтобы получить от него сведения, которые ты, кажется, можешь очень хорошо сам сообщить.

— Я второй раз в Тимбукту. Я говорил массе Барте: «Не полагайтесь на Даниело! «И теперь говорю вам: «Не полагайтесь на Якуба! «

— Хорошо! Твой совет во всяком случае благоразумен, мы последуем ему. Отправляйся немедленно в Кабру и дай знать капитану о нашем прибытии; вели ему прислать завтра вечером шестерых матросов, вооруженных с ног до головы и переодетых кочевниками пустыни; пусть они будут здесь в двенадцатом часу ночи. Мы несколько приблизимся к городу, но остановимся с этой стороны, с юга к западу, на дороге к Нигеру.

— А мне вернуться сейчас или с матросами?

— Знают они дорогу?

— С тех пор, как с султаном заключен мир, они все перебывали в Тимбукту; я, впрочем, могу пойти к ним навстречу завтра вечером.

— Возвращайся же как можно скорее. Твое знание страны будет для нас драгоценной помощью. Как ты думаешь, узнает тебя генуэзец, если встретит?

— Я нарочно ходил предлагать ему свой товар, он купил у меня ящик с сигарами, но, увидев меня, не вспомнил ни о чем; я, впрочем, был переодет киссурским кочевником.

— Прекрасно... ты поступал во всем чрезвычайно искусно. Ступай теперь в Кабру и вернись как можно скорее.

Во все время этого разговора Кунье оставался неподвижен, ожидая минуты пожать руку своему старому другу; обернувшись, Йомби приметил его возле себя, и они обменялись тем крепким пожатием, которое заменяет

самые горячие слова в минуты волнения.

Слыша, как легко и даже изящно выражается Йомби, доктор, вспомнивший, какой ответ получил от него однажды, когда вздумал его расспросить, не мог опомниться от удивления, и в ту минуту, как Йомби отправился в Кабру, доктор заметил ему:

— Поздравляю, Йомби, во время путешествия вы сделали быстрые успехи во французском языке.

— Масса доктор, — ответил Йомби, — поющая птица указывает свое гнездо! — И он отправился быстрыми и легкими шагами туземных пешеходов по направлению к Нигеру.

Караван приблизился к городу. Эль-Темин велел раскинуть палатки и приказал неграм развязать верблюдов.

— Теперь, господа, — сказал он своим спутникам, — не отдохнуть ли нам? Два следующие дня будут очень утомительны.

Драма быстро приближалась к развязке.

ГЛАВА V

Тимбукту, - Тайна каравана

На рассвете эль-Темин, его товарищи, Хоаквин и два мавра отправились в город. Со странным чувством, смешанным с любопытством и волнением, вошли европейцы в этот таинственный город, о котором они долгое время имели самые неполные сведения.

— Знаменитому путешественнику Калье, французу, господа, - сказал доктор, - наука обязана первыми верными сведениями о существовании Тимбукту.

— Он выполнил эту задачу один, почти без всяких средств, пешком следя за караванами, которые каждый год отправляются из Марокко к берегам Нигера, - прибавил Барте.

— Молчите, господа, - заметил эль-Темин, - здесь почти все понимают по-арабски; это язык торговли и всех иностранцев. Неосторожное слово может заставить усомниться в том, что мы купцы.

Наши путешественники подошли к старой мечети Солимана, когда глянцевитые кирпичи минаретов засверкали от первых лучей солнца. Тотчас послышался голос муэдзина, призывающего правоверных к молитве. Наши путешественники вошли за толпой в мечеть; все знали уже, что они принадлежат к каравану, прибывшему из Марокко ночью, и не надобно было возбуждать сомнение в их усердии к исламизму.

Когда они проходили по большому двору, вымощенному кирпичами, который окружал всю мечеть, Барте, проходя мимо засыпанного колодца, чуть было не лишился чувств; холодный пот оросил его лицо, и он был вынужден опереться на руку эль-Темина.

— Мужайтесь! - прошептал эль-Темин, - вспомните, что малейшей неосторожностью мы можем погубить все.

— Тут... четыре года тому назад, - прошептал молодой человек так тихо, что его услыхал только товарищ.

Он быстро оправился и мог вместе с другими исполнить все обряды молитвы.

Из мечети путешественники пошли по городу, рассматривая особенно те пути, которые вели к Нигеру. Оба мавра во время своего первого

путешествия, прожившие более шести месяцев в Тимбукту, помогли своей опытностью их наблюдениям.

По преданиям киссиров или мусульманских негров, составляющих главную часть населения в Тимбукту, город этот построен за двенадцать миль от Джолибы или Нигера одним начальником, по имени Муз-Солиман, который принял титул султана и государя правоверных пустыни.

Эпоха основания этого города относится к шестому веку мусульманской эры.

Дома почти все построены по одному образцу и из одного материала, то есть из кирпича; они довольно обширны, но невысоки и имеют только один этаж; однако в домах богатых купцов есть небольшой павильон над воротами. Эти дома отделяются один от другого двумя или тремя хижинами из простой глины, покрытыми соломой, в которых невольники купцов продают товар в розницу, между тем как хозяева занимаются оптовой торговлей, покупая все, что привезет караван или судно по Нигеру. Улицы довольно широки и могут дать проехать разом трем всадникам. Есть два рынка невольников, которых привозят кочевники пустыни, вечно воюющие с тиббу, и суда, торгующие неграми. В городе около пятнадцати тысяч жителей, но когда приходят караваны, то население доходит до восьмидесяти или ста тысяч человек.

Тимбукту ничто иное, как обширный склад, снабжающий товарами все племена пустыни. Его торговля солью - этим необходимым товаром, без которого никто не может обойтись, имеет колоссальную важность; когда в этом продукте окажется недостаток, он продается на вес золота. Бен-Абда уверял, что видел, как отдали двух взрослых невольников за пять фунтов соли. Этот товар арабы ценят более всего; в пустыне щепотки соли служат деньгами.

В обширной равнине белого песка, в которой возвышается тот город, растут, и то лишь в дождливую пору, чертополох и сухие злаки, которыми кормятся верблюды; начиная с воды (потому что колодцы иногда иссякают) и до кухонных дров, все должно привозиться в Тимбукту, который сам не имеет никаких товаров, кроме привозных. Если бы туареги соединились и остановили суда, идущие по Нигеру из Дженне с просом, рисом, ячменем, маисом, табаком, маслом, медом, хлопчатой бумагой, суданскими материями, индийским перцем, сухой рыбой, пататами, луком и фисташками, и преградили путь караванам, которые идут из Марокко, Туниса и Триполи и везут финики, сухие фиги, мыло, восковые свечи, лимоны, консервы и все европейские предметы, - в Тимбукту тотчас водворилась бы страшная нищета. Но тогда кочевники сами лишили бы

себя продовольственного центра и закрыли бы себе главный рынок, где продаются их невольники. Все жители Тимбукту - мавры и киссуры - торгуют; никто не живет своим доходом, кроме султана и его сановников, потому что там деньги могут дать выгоды только через товары, и четверо или пятеро евреев, держащих банк, имеют дело только со своими единоверцами в Марокко: ни один мусульманин в Тимбукту не согласится внести им малейшую сумму.

Тимбукту походил бы на все города Центральной Африки, если бы его положение среди пустыни не делало доступ к нему трудным, и если бы фанатизм его жителей не воспрещал каждому европейцу вступать туда под страхом смерти.

Обойдя город со всех сторон, что заняло только несколько часов, путешественники вернулись в мечеть, и сделав обычное приношение иману, которому поручен надзор, поднялись на вершину минарета и увидели вдали Нигер, обозначенный длинной линией беловатого пара, поднимавшегося на горизонте.

Пока они с удивлением смотрели на тот город, который торговые необходимости забросили среди песков, как остров в океане, эль-Темин вытащил из длинных рукавов своего бурнуса подзорную трубу, которую спрятал там, и стал рассматривать окрестности. Три мили отделяли его от того места, где стояла на якоре «Ивонна», и не будь тумана он мог бы заметить ее.

Это восхождение позволило эль-Темину с точностью определить, по какой дороге они должны были отправиться в Кабру; несмотря на это, он условился с товарищами сделать завтра экскурсию в ту сторону, чтобы ничего не могло предоставлять случайности в роковой игре.

Вернувшись в лагерь, они нашли там Йомби, возвратившегося с Нигера. Верный слуга доложил эль-Темину, что известие о его прибытии привело в восторг команду «Ивонны» и что на другой день, в назначенный час, шесть человек, которых он требовал, придут в Тимбукту под начальством помощника капитана.

В первый раз после долгих месяцев пообедали жареной бараниной и напились свежей воды, а европейцы, обедавшие в палатке, прибавили к тому по рюмке вина. Йомби принес со шхуны несколько бутылок, которые искусно скрыл среди свертка циновок.

Когда настала ночь, доктору с Кунье поручили надзор за лагерем, а эль-Темин и Барте проскользнули в город вместе с Йомби и вернулись только за час до рассвета. Они легли спать, не объяснив Шарлю Обрею причин своей таинственной экскурсии.

Когда эль-Темин проснулся, четверо самых богатых купцов в Тимбукту, присевшие недалеко от его палатки, подошли к нему с обычными приветствиями и предложили купить весь товар, который он привез из Марокко, и тех верблюдов, которых он пожелает продать в случае, если не захочет сохранить такое количество.

Эль- Темин, тайным намерениям которого благоприятствовали эти предложения, принял их, но не торопясь, и по арабским обычаям, торгуясь почти целый день. Он оставил только лошадей и пять верблюдов, самых сильных, потому что им предстояло вскоре сыграть важную роль.

Все было оценено в семьдесят фунтов золота, которое купцы и заплатили, приняв товар.

Эль- Темин разделил на два свертка драгоценный металл, отдал их Бен-Абде и Бен-Шауие, велел отнести к Туаре и самим остаться на шхуне до получения новых приказаний.

— Все идет гораздо лучше, чем я мог надеяться, - сказал эль-Темин доктору и Барте, когда последний тюк с товаром был взят, и оба мавра исчезли по направлению к Нигеру. - Я решил уже, если бы не нашел сегодня покупателя, бросить верблюдов и товар, которых после нашего отъезда непременно взял бы султан.

С невыразимым волнением путешественники следили за приближением ночи, которая должна была решить их судьбу. Все было придумано прекрасно, все предусмотрено, все удавалось до сих пор, но малейшее обстоятельство могло довести путешественников до самой страшной катастрофы.

Незадолго до десяти часов эль-Темин позвал Шарля Обрея в свою палатку. Барте уже находился там.

— Любезный доктор, - сказал он, - для моего друга и меня скоро пробьет торжественный час; план, который мы готовили более четырех лет, скоро будет приведен в исполнение, а в том положении, в каком мы находимся, серидины нет: либо наше предприятие удастся, либо мы поплатимся жизнью за нашу смелость.

Помолчав несколько минут, эль-Темин продолжал с легким трепетом в голосе:

— Настала минута, любезный доктор...

— Открыть мне ваши планы, допустить меня разделить ваши опасности? - с живостью перебил Шарль Обрей.

— Нет!... Расстаться...

— Расстаться? Никогда!

— Это необходимо.

— Разве вы боитесь, что у меня не хватит мужества для тех опасностей, которым подвергаетесь вы?

— Нет! Если я вынужден требовать этой жертвы от вашей дружбы, то лишь потому, что...

— Говорите!

— Потому что мы не должны все погибнуть, если обстоятельства складятся против нас.

— И вы хотите отстранить меня от опасности? - сказал доктор с горькой улыбкой. - Будьте откровенны и признайтесь, что вы не доверяете моему мужеству.

— Шарль Обрей, - сказал эль-Темин торжественным голосом. - Клянусь вам, что мы вас ценим по достоинству, и поэтому умоляем вас выслушать нашу просьбу и поберечь вашу жизнь для того, чтобы, если мы не вернемся, исполнить нашу последнюю волю.

Доктор потупил голову и не отвечал.

— Вы видите, - продолжал эль-Темин, - что мы должны расстаться.

— Нет ли у вас какого-нибудь другого преданного друга?

— Все, кого я люблю, здесь.

— А ваш парижский нотариус Лонге?

— Мы не желаем поручать официальному лицу осуществление наших последних мыслей. Нам известны ваша преданность и дружба; вы один лишь можете и должны оказать нам эту услугу! Мы просим вас об этом, потому что это придаст нам душевное спокойствие в той опасной экспедиции, какую мы предпринимаем сегодня.

— Я слушаю вас.

— Вы соглашаетесь? - воскликнули с радостью эль-Темин и Барте.

— Я сделаю все, что вы желаете.

— Благодарим, мы ожидали этого от вас... Итак, сегодня вечером, когда шесть человек с «Ивонны» придут сюда с помощником капитана, он немедленно проводит вас на шхуну. Возьмите вашу лошадь Кадур. Если мы в эту ночь не приедем в Кабру, через несколько часов после вас, это будет значить, что нам не посчастливи-лось, и завтра на рассвете вы узнаете о нашей смерти, узнаете или от кого-нибудь из наших, кто спасется, или по слухам, которые непременно распространятся об этом. Во всяком случае не думайте, что мы с Барте могли бы спастись в случае неудачи; мы будем впереди и нас убьют первыми. Как только вы удостоверитесь в нашей смерти, велите сняться с якоря и возвращайтесь прямо в Танжер; по приезде явитесь к французскому консулу и составьте с показаниями матросов «Ивонны» акт о нашей смерти; потом велите распечатать наше

завещание, оставленное в Танжере, и письмо, которое я отдаю вам теперь и которое я написал в палатке.

Эль-Темин отдал доктору большой запечатанный конверт и продолжал:

— Я и Барте сделали вас нашим душеприказчиком, в уверенности, что вы сочтете обязанностью исполнить нашу волю буквально.

— Клянусь! - взволнованно произнес доктор.

— Обнимемся, - сказал эль-Темин, - может быть мы более не увидимся.

Все трое крепко обнимались несколько минут, и те, которые, зная их планы, сочли бы это слабостью, очень обманулись бы: истинное мужество не исключает ни волнения, ни сожалений... Эль-Темин и Барте не способны были отказаться от своего опасного предприятия.

— Итак, - сказал доктор, прервав тягостное молчание, - я расстанусь с вами и может быть навсегда, и никогда не узнаю причин вашего самоотвержения.

— Выслушайте меня внимательно, - ответил эль-Темин серьезным тоном. - Если бы мы в праве были говорить, вам одному открыли бы мы нашу тайну... Клятва привела нас в Тимбукту, как же вы хотите, чтобы мы изменили клятве, связывающей нас? Барте и я поклялись молчать до тех пор, пока совершится суд Божий, ради которого мы приехали сюда. От этого зависит успех дела. Можем ли мы изменить нашей клятве в последний час?... Если мы умрем, завещание наше разъяснит вам то, что вы желаете знать; в противном случае вы узнаете от нас самих все подробности той драмы, которая развязется нынешней ночью...

Шарль Обрей не настаивал. Кунье приподнял занавес палатки.

— Господин, - сказал он, - матросы с «Ивонны» пришли.

— Хорошо, - ответил эль-Темин и так спокойно, как будто дело шло о простой охоте, потом добавил, - посмотрите в хорошем ли состоянии их оружие. Ступайте, приготовьтесь, любезный доктор, велите оседлать Кадура. Не забудьте растения, которые собрали в пустыне. Если нам не суждено увидеться, вы будете вспоминать, что мы вместе собирали их.

Бедный доктор задыхался от волнения. Он предпочел бы следовать за своими друзьями и умереть вместе с ними.

Начальник вышел из палатки и подозвал к себе всех негров. Шесть матросов отдал он под начальство Йомби и сказал ему:

— Ты знаешь, чего мы ждем от тебя?

— Знаю, масса, - ответил негр со свирепой энергией.

— Хорошо! Возьми двух верблюдов и оставь их под надзором одного

из твоих людей в таком месте, куда вы можете донести нашу ношу; потом вели матросам сесть на верблюдов и спешите все к Кабре. Кунье даст тебе лошадь.

— Ваши приказания будут исполнены. Отправляться сейчас?

— Действуй как хочешь. Ты знаешь лучше нас, что тебе нужно делать.

Йомби бросился к ногам своего господина и эль-Темина, прижал их к груди своей, потом приподнялся и вскочил в седло, взял поводья из рук Кунье и двух верблюдов и приказал матросам следовать за ним. Маленький отряд отправился в город.

Негры в караване остались под начальством Кунье; они должны были провожать эль-Темина и Барте. Три лошади и столько же верблюдов должны были содействовать побегу этого второго отряда.

Когда наступила минута разлуки, три друга не произнесли ни слова. Их прощание и их надежды смешались в крепком объятии...

Последние слова эль-Темина были приказанием помощнику капитана напомнить ему, что пары должны быть разведены и «Ивонна» готова сняться с якоря каждую минуту.

Потом с простотою древнего героя, он подал сигнал к отъезду, став с Барте во главе колонны. Через пять минут все исчезли в ночной темноте.

Доктор оставался несколько минут в глубоком изумлении, спрашивая себя, не жертва ли он страшного кошмара. Помощник капитана «Ивонны» заставил его опомниться.

— Я к вашим услугам, — сказал ему офицер-негр на чистейшем французском языке.

Шарль Обрей на Кадуре и в сопровождении своего верного Фокса машинально следовал за помощником капитана, когда чей-то голос закричал позади него меланхолическим тоном:

— Разве благородный наследник Барбозов должен оставаться здесь караулить палатки?

И Хоаквин, вскочив на лошадь, на которой он ехал во время путешествия, поехал рядом с доктором.

По просьбе доктора, помощник капитана, ехавший на маленькой суданской лошадке, проехал мимо предместьев Тимбукту. Там даже остановились на час, но никакой шум не нарушал ночной тишины.

— Поедем, — сказал Шарль Обрей со вздохом, — я поклялся и не должен нарушать мою клятву!...

Все трое поскакали по направлению к Нигеру.

ГЛАВА VI

Божий Суд

Когда три всадника подъехали к шхуне, их уже ждали там. По доскам, переброшенным с судна на берег, два негра отвели на шхуну лошадей, кроме лошади помощника капитана, которая была привязана к молодой пальме на берегу.

Сойдя с лошади, доктор очутился в присутствии капитана, который вез его из Марселя в Танжер; капитан поклонился, не говоря ни слова, и продолжал ходить по палубе.

Молодой человек вошел в кают-компанию, служившую ему гостиной три года тому назад. Там не было никакой перемены. При слабом свете ночника он заметил на диване разные вещи, принадлежащие ему, ящик с его инструментами, дорожную аптечку и разные другие мелочи, которыми он дорожил и которые эль-Темин прислал на шхуну с маврами.

Собака узнала свое бывшее жилище, потому что легла на диван со вздохом облегчения; быть может ей также было приятно променять жгучий песок на мягкий диван.

Все окна в рубке были закрыты герметически, как будто не желали пропустить наружу ни малейшего света. Жар был удущливый.

Изнемогая от волнения, доктор вышел на палубу и начал осматривать судно с лихорадочным нетерпением... Глухой и правильный шум заставил его предположить, что пары разведены; он не сомневался в этом более, когда в узкое отверстие увидел четырех кочегаров, подбрасывавших топливо в печку.

Капитан и его помощник спокойно прохаживались взад и вперед, и можно было подумать, что они не подозревают драмы, происходившей вдали, если бы их молчание не обличало серьезной озабоченности.

Возле трубы два человека спали, завернувшись в белые бурнусы; это были мавры, Бен-Абда и Бен-Шауиа, которые, верно исполнив данное им поручение, спокойно ждали на шхуне приказаний эль-Темина.

Три часа прошло в этом смертельном ожидании, и скоро беловатая полоса на востоке возвестила о близости рассвета.

— Они были бы здесь, если бы им посчастливилось! - вскричал

доктор, с отчаянием ломая руки.

Вдруг раздался мужественный голос капитана, который уже некоторое время рассматривал горизонт в подзорную трубу.

— Все на палубу!

Приказ был тотчас повторен свистком боцмана, и звук еще не замолк, как десять негров, оставшихся на шхуне, уже стояли у большой мачты.

— К оружию! - продолжал капитан.

Шесть человек немедленно бросились к пушкам, а четверо к гаубицам.

— Вот они, - сказал тогда капитан Шарль Обрею, протянув руку по направлению к Тимбукту.

Доктор вскрикнул от радости и бросился на ванты, чтобы лучше видеть равнину... Он действительно заметил вихрь пыли, как бы гонимый ураганом по направлению к реке.

Еще ничего нельзя было различить, но легко была видеть, что песчаная занавесь приподнята не ветром.

Вдруг всадник, скакавший впереди, пробил облако пыли.

— Эль-Темин! - сказал доктор вне себя от восторга.

Но вдруг сердце его сжалось - мертвый или раненый человек лежал поперек седла эль-Темина.

— Неужели это Барте?...

Дневной свет (в тех странах нет сумерек) быстро осветил равнину, и вся сцена находилась теперь перед глазами зрителей «Ивонны».

Всадники скакали во весь опор, преследуемые киссурскими воинами, находившимися на службе султана Тимбукту.

Позади эль-Темина скакал Йомби на своей рьяной лошадке; он также вез раненого на своем седле.

Верблюды, несмотря на кучу людей, которых вез каждый, не отставали от лошадей и давно обогнали бы их, если бы их вожаки не сообразовались с ездой эль-Темина.

— Барте умер! Умер! - шептал доктор, растерявшийся глазами смотря на эту страшную погоню.

Эль- Темин находился уже в двухстах метрах от берега, и Шарль Обрей уже видел с отчаянием, что киссуры его окружат, прежде чем он успеет домчаться до шхуны. Вдруг капитан отрывисто скомандовал:

— Стреляй!

В эту же минуту раздался страшный залп, и четыре гранаты, описав короткую параболу, упали в первые ряды преследовавших. Десятка два лошадей и человек сорок людей повалились на песок. Испуганные киссуры вдруг остановили своих лошадей, потом, не потрудившись даже поднять

своих раненых, поскакали по направлению к Тимбукту. Четыре новые гранаты, упавшие в их массу, произвели такой беспорядок среди них, что они рассыпались в разные стороны. Дикари-кочевники знакомы с огнестрельным оружием, но эти страшные гранаты, вдруг разлетавшиеся осколками под ногами их лошадей, заставили киссиров подумать, что сам дьявол вступил за белых.

Благодаря такой быстрой помощи эль-Темин мог замедлить бег своей лошади и поберечь драгоценную ноту. Он в самом деле вез Барте на своем седле: молодой человек был ранен ружейной пулей.

Второй раненый или мертвый, которого вез Йомби, был закутан в бурнус, и доктор не мог узнать его издали.

— Вот и мы, доктор, — сказал эль-Темин с радостью, — в нашего бедного друга попала пуля, но это ваше дело облегчить его страдания.

Четыре человека, сделав носилки из своих рук, перенесли раненого на диван в рубку.

— Ах, доктор, доктор! — сказал Барте, целуя своего друга, который поддерживал его: — я могу теперь спокойно умереть... с меня снята клятва...

От волнения и боли он лишился чувств.

Шарль Обрей не испугался; с одного взгляда он понял, что состояние больного не внушиает опасений, и, приведя его в чувство, стал вынимать пулью, засевшую неглубоко. После перевязки больной, изнемогая от усталости и потери крови, заснул. Доктор оставил его на минуту и вернулся на палубу, чтобы узнать, что там происходило.

«Ивонна» шла по Нигеру на всех парах, на шхуне все заняли свое обычное место, и если бы лошади и верблюды, спасшие эль-Темина и его отряд, не были привязаны на носу шхуны, где спокойно жевали маисовые колосья, утренняя сцена не оставила бы никаких следов на ней. Даже гаубицы, вмешавшиеся в дело так блистательно, отдыхали на своих лафетах. Вахтенный беззаботно ходил по палубе, а команда чинила паруса или делала паклю из старых веревок.

Эль-Темина не было на палубе.

Доктор вернулся к своему больному, тот все спал.

Шхуна дошла до обработанных берегов Нигера, и восхитительные равнины, убегавшие с каждой стороны судна, были бы для Шарля Обрея привлекательнейшим зрелищем, если бы он мог любоваться их великолепием. Печь была раскалена добела, машина делала восемьдесят оборотов в минуту... Видно было, что командир шхуны не имел другой цели в эту минуту, как в кратчайший срок оставить самое большое

расстояние между «Ивонной» и берегами Кабры.

До самого вечера доктор то выходил от своего больного на палубу, то с палубы к своему больному.

Эль-Темин все оставался невидим. Не выдержав более, Шарль Обрей отважился спросить у помощника капитана об эль-Темине.

— Он спит в своей каюте, — ответил тот.

Доктор понял, что после усталости и волнения ночи реакция вынудила всех действующих лиц этой драмы к отдыху.

Он должен был ждать, несмотря на жгучее любопытство, терзавшее его... Ему ни на минуту не пришло в голову расспросить Барте: при его слабости всякого сильного волнения следовало избегать.

Настала ночь. Посидев возле своего друга довольно долго, Шарль Обрей решился также отдохнуть; но несмотря на все его усилия, сон не смыкал его век... Он оставался в дремоте, которая утомительнее, чем бдение.

Вдруг глаза его остановились на том месте, где лежал Барте несколько минут назад. Увидав постель пустой, доктор хотел закричать и не мог; встать также было для него невозможно. Странный, необъяснимый ужас парализовал все его движения... Под ним говорили на каком-то странном языке, который он уже слышал где-то... И прежде чем он успел привести в порядок свои чувства, он внезапно услыхал громкий голос, казавшийся голосом эль-Темина, произносивший следующие слова:

— Какого наказания достоин виновный?...

— Смерти! — ответили сразу пять или шесть других голосов смешавшихся в одном звуке.

— Да будет так!

— О! Это мой сон в Средиземном море! — вскрикнул доктор, к которому возвратилось присутствие духа. — Но это невозможно, — продолжал он, ощупывая себя и почти успокоенный снова воцарившимся молчанием: — я жертва ужасного кошмара...

В ту же минуту он услыхал, как эль-Темин — на этот раз нельзя было ошибиться в его голосе — сурово произнес:

— Пусть совершится Божий суд.

Шарль Обрей бросился к окну. Он подоспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как в реку бросили человека, к ногам которого было привязано пушечное ядро... Обрей громко вскрикнул и лишился чувств.

Когда он пришел в себя, он лежал на диване, недалеко от Барте, который, как будто не сходил с места, а возле себя заметил улыбающиеся лица эль-Темина,

Кунье, Йомби и Барбозы, который украдкой утиral слезу, единственный знак чувствительности, выказанный им во время всего путешествия.

— О, друзья мои, — вскричал доктор, — какой страшный сон! Он во второй раз нарушает мой покой... В Средиземном море какие-то незнакомцы бросали меня в волны, а здесь...

— Мы, — перебил эль-Темин серьезным голосом, — совершили правосудие над изменником.

Шарль Обрей, дрожа, смотрел на эль-Темина. Тот продолжал:

— Любезный доктор, успокойтесь!... Настала минута вам рассказать все. Мы исполнили дело, для которого поставили на ставку нашу жизнь. Вы знаете, что наш друг Барте, побуждаемый той любовью к путешествиям, которой он заразился в Центральной Африке и которая овладевает всеми, кто раз побывал в больших экваториальных пустынях, уже был в Песчаном Городе, но не один: его сопровождал друг сердца, может быть более, чем брат.

— Бедный Гиллуа! — перебил Барте, — помните вы его мужество, его веселость, эль-Темин? И какие счастливые минуты проводили мы вместе в Конго...

— Наш друг, — продолжал эль-Темин, — говорит о том времени, когда Кунье и Йомби, вместе со мной, сопровождали его и Гиллуа по пустыням Центральной Африки, после их побега от короля Гобби, который держал их в неволе... Перед отъездом в этот таинственный город, Барте и Гиллуа познакомились в Париже с молодым генуэзцем Даниело. Обладая редким умом и необыкновенной хитростью, соотечественник Макиавелли успел до такой степени овладеть доверием обоих друзей, что они скоро не имели от него тайн. Бесполезно говорить, что он знал их планы, когда оба друга, прельщенные необыкновенной привлекательностью, решились отправиться в Тимбукту. Они отправились все трое с верным Йомби по Нигеру, по которому мы теперь возвращаемся. Они вынуждены были довольствоваться туземными судами, чтобы сделать громадный переход, разделяющий устье Нигера, на берегу старого Калабара, от берегов Кабры. Не стану вам рассказывать подробностей их путешествия, лишений, которые они переносили, — теперь не время растревлять рану воспоминаний нашего бедного Барте.

— Говорите, эль-Темин, говорите, — перебил молодой человек: — моя клятва исполнена... и я не чувствую моей раны.

— Несмотря на свое переодеванье, они не могли приехать в Тимбукту без того, чтобы слухи, следовавшие за ними вдоль реки, не открыли

жителям Песчаного Города, что иностранцы, неверные, втерлись к ним. Но переодеванье их было так искусно, - они выдавали себя за сенегальских мавров, на языке которых говорили в совершенстве, - что никто не мог их узнать, и султан, встревоженный слухами, волновавшими город, был вынужден для того, чтобы узнать что-нибудь, издать указ, назначавший награду за голову иностранцев. Это не привело ни к чему. Тогда, с тем лукавством и адской ловкостью, которые свойственны востоку, султан вторым указом объявил, что если один из иностранцев захочет донести на своих товарищах и принять магометанскую веру, он осыплет его почестями и богатством; в удостоверение своего обещания, он лично провозгласил свой указ на площади, и поклялся, положив руку на Коран.

На другой день, когда три путешественника и Йомби выходили из мечети Солимана, куда пришли молиться, чтобы лучше скрыть себя, их вдруг окружили киссурские солдаты, и в схватке Гиллуа был убит... При первой тревоге Йомби бросился к своему господину, выхватил его из среды нападающих, и, вскочив на лошадь начальника отряда, с которой тот сошел, ускакал во весь опор со своей драгоценной ношей по направлению к Нигеру. Они два дня скрывались между деревьями на берегу. Уступая просьбам своего господина, Йомби, не желавший оставлять его ни на минуту, согласился, снова отправиться в Тимбukту, и узнать, куда девались останки двух друзей Барте и не подвергнули ли их какому-нибудь гнусному издевательству.

Каково же было горе и бешенство нашего бедного друга, когда верный негр пришел ему сказать, что тело Гиллуа было брошено в высохший колодец на дворе мечети, а Даниело, продавший их, сделался мусульманином и получил обещанные награды. Султан сделал его генералом, - прибавил Йомби, кончив свой доклад.

Тогда-то Барте, став на колени на песке, дал клятву вернуться за останками своего друга и наказать злодея, изменившего им.

Вчера вечером, когда мы расстались, мы молча направились к мечети Солимана и начали снимать камни, закрывавшие отверстие колодца; наши негры, с помощью веревочной лестницы, составили цепь, и каждый камень переходил из рук в руки из глубины колодца до вершины, где мы принимали его. Кунье спустился вниз и удостоверился, что кости несчастного еще находились там.

Мы благоговейно собрали их в ящик из кедрового дерева, привезенный для этого, и уже радовались успеху, увенчавшему наши усилия, как вдруг голос заставил нас вздрогнуть: это имам, страж мечети, с верху башни минарета кричал об осквернении и звал султанского

телохранителя, который день и ночь стоит с оружием. Мы поняли, что погибнем, если не успеем выбежать из города к нашим лошадям прежде, чем киссурские уланы, предупрежденные имамом, выедут из лабиринта улиц Тимбукуту.

Нас спасло то, что они стали прежде вооружаться, а мы, сев на наших верблюдов и лошадей, пустились по направлению к «Ивонне», и значительно опередили их.

Дорогой мы встретили Йомби и его отряд, негру удалось захватить изменника Даниело в самом его дворце. Йомби присоединился к нашей безумной скачке, и все мы, преследуемые киссурами, держались на одном и том же расстоянии. Гранаты «Ивонны» сделали остальное.

— Пять минут тому назад, - прибавил эль-Темин серьезным и взволнованным голосом, - у нас был Божий суд, и Даниело с пушечным ядром у ног спит вечным сном в Нигерской тине.

Мертвая тишина последовала за этими словами эль-Темина.

Доктор судорожно пожимал руки своих друзей.

— Я понимаю, - сказал он с усилием, - вы сделались судьями в стране, где нет ни закона, ни суда... Не смею вас порицать, но у меня никогда не хватило бы мужества пойти до конца. Я может быть просил бы вас простить... есть характеры, неспособные к мщению.

— Вы видите, - ответил эль-Темин, - что мы хорошо сделали, сохранив нашу тайну.

Два месяца спустя, в хрустальной зале Квадратного

Дома сидели ее обычные обитатели; уже пять дней как «Ивонна» вошла в Танжерскую гавань.

Останки Гиллуа были похоронены в ботаническом саду, разведенном доктором. Мраморная колонна, самая простая, чтобы впоследствии не привлекать жадности жителей Марокко, была поставлена на этом месте; на ней были вырезаны имена Гиллуа, эль-Темина, Барте и Шарля Обрея; потом имена всех тех, кто участвовал в экспедиции.

Вечером в обычный час, три друга собрались в хрустальной зале. Куные и Йомби стояли на своих местах, а Хоаквин, произведенный в управляющие, наблюдал за прислугой.

— Ну, что, доктор, - начал эль-Темин, - тоскуете вы по Парижу?

— Я желаю жить и умереть с вами, - ответил молодой человек с волнением, которое заразило его друзей.

Все трое очутились в объятиях друг друга.

Вдруг эль-Темин вырвался, взял бокал и закричал:

— Пью за погребение эль-Темина, имя моего мщения, и за

воскресение Ива Лаеннека!

OCR SpellCheck: Ustas PocketLib

Исходный электронный текст:

<http://www.pocketlib.ru/>

Частная библиотека приключений

Основано на издании:

ББК 84. 4 Фр.

Ж23

Г73(03)-93

© Издательство «Logos».

Составление, 1993 © В. Корнилов. Художественное оформление, 1993

© А. Миронов.

Иллюстрации, 1993

ISBN 5-87288-044-8

Берег черного дерева: Сборник романов: Пер. с франц. - СПб.:
Издательство «Logos», 1993. - 592с.: ил. (Б-ка П.П.Сойкина)

[1] Гнусная жажда золота (из Виргилия).

[2] Мудрость.

[3] См. романы, Берег черного дерева» и «Берег слоновой коли».

[4] Очерк этот относится к 80-м годам истекшего века и в настоящее время значительно устарел (Прим. Ред.).

[5] Жребий брошен! - слова Юлия Цезаря при переходе через Рубикон.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)